ISSN 2072-7607

Министерство образования и науки Российской Федерации

Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина»

ИНОСТРАННЫЕ ЯЗЫКИ В ВЫСШЕЙ ШКОЛЕ

Научный журнал

Выпуск 1 (40)

Рязань 2017

УЧРЕДИТЕЛЬ
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина»

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) 23 ноября 2012 г.
Регистрационный номер ПИ № ФС 77-51731

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

А.И. Минаев, и. о. ректора Рязанского гос. ун-та имени С.А. Есенина,
Я.М. Колкер, главный редактор, канд. пед. наук, проф. каф. лингвистики и межкультурной коммуникации (Рязанский гос. ун-т имени С.А. Есенина),
Е.С. Устинова, заместитель главного редактора, канд. пед. наук, доц. (Рязанский гос. ун-т имени С.А. Есенина)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

В.Н. Бабаян, д-р филол. наук (Ярославское высшее военное училище ПВО),
Ван Цзиньлин, д-р филол. наук, проф. (Чанчуньский ун-т, Чанчунь, КНР),
А.Г. Голодов, д-р филол. наук, проф. каф. герман. яз и методики преподавания (Рязанский гос. ун-т имени С.А. Есенина),
Г.-Г. Дрёссигер, д-р филол. наук, проф. (Каунасский филиал Вильнюсского ун-та, Литва),
В.И. Жельвис, д-р филол. наук, проф. (Ярославский гос. пед. ун-т имени К.Д. Ушинского),
С.Т. Золян, д-р филол. наук, проф. (Ин-т философии и права Национальной акад. Армении, Ереван, Армения),
Е.В. Игнатова, канд. пед. наук, доц. (Рязанский гос. ун-т имени С.А. Есенина),
Т.Я. Кузнецова, д-р филол. наук, проф. (Северный (Арктический) федер. ун-т, Архангельск),
С.С. Куклина, д-р пед. наук, проф. (Вятский гос. ун-т, Киров),
Ф.А. Литвин, д-р филол. наук, проф. (Орловский гос. ун-т имени И.С. Тургенева),
Е.Г. Логинова, канд. филол. наук, доц. (Рязанский гос. ун-т имени С.А. Есенина),
А.М. Поликарпов, д-р филол. наук, проф. (Северный (Арктический) федер. ун-т, Архангельск),
С.Ю. Потапова, д-р филол. наук, проф. (Международная акад. бизнеса и новых технологий, Ярославль),
Т.С. Серова, д-р пед. наук, проф. (Пермский гос. техн. ун-т),
Е.Н. Соловова, д-р пед. наук, проф. (Высшая школа экономики, Москва),
В.Н. Степанов, д-р филол. наук, проф. (Международная акад. бизнеса и новых технологий, Ярославль),
И.М. Шеина, канд. филол. наук, проф. каф. вост. яз. и методики преподавания (Рязанский гос. ун-т имени С.А. Есенина).

По вопросам публикации обращаться по адресу: e.ustinova@rsu.edu.ru

Журнал выходит 4 раза в год. С 01.12.2015 г. **входит в перечень российских рецензируемых научных изданий**, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.

Адрес и телефон редакции: 390000, г. Рязань, ул. Свободы, д. 46; тел.: (4912) 21-57-23

Ссылка на журнал «Иностранные языки в высшей школе» обязательна.
Редакция не всегда разделяет мнение авторов.

Подписаться на журнал можно в любом отделении связи.
Подписной индекс издания № 36852 в каталоге «Роспечать»

© Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина», 2017
© «Иностранные языки в высшей школе», 2017

СОДЕРЖАНИЕ

Раздел I
Концептосфера как упорядочивание языковой картины мира

Джиоева А.А.
Концептуализация мира в английском лексиконе. Часть II …… 7

Степанов В.Н.
Концептосфера и дискурс господства (Herrschaft) в немецкой философской традиции …… 17

Раздел II
Исследование языка в динамике его развития

Петренко А.Д., Храбскова Д.М.
Редукция гласных как внутренний фактор фонетической эволюции языка …… 26

Проскурякова Д.Ю.
Элементы современного французского языка пригородов в художественном тексте
(на материале романа Фаизы Ген «Kiffe kiffe demain») …… 33

Раздел III
Лингводидактические предпосылки преподавания теории и практики языка на языковых факультетах

Колесников А.А.
Как организовать работу студентов с иноязычным литературным произведением
на основе сервисов Веб 2.0: от теории к практике …… 41

Колкер Я.М., Устинова Е.С.
Обучение русскому языку как иностранному: функционал языка-посредника
в свете концепции многоязычия …… 49

Сулейманова О.А.
Развитие научного потенциала высшей школы: к вопросу об оптимизации
преподавания теоретических дисциплин в системе бакалавриата …… 60

Раздел IV
Слово в языке и в тексте: переводческий аспект

Лю Байвэй
Культурная интерпретация семантики иероглифа “半” (половина) и способы его перевода
на русский язык (на примере романа «Сон в Красном тереме») …… 66

Новикова Э.Ю.
Перевод в туристическом дискурсе: межкультурное измерение,
жанрово-коммуникативная обусловленность …… 73

Раздел V
Институт Конфуция – теории и практике поэтического перевода
(материалы Международной конференции
«Проблемы художественного перевода русской и китайской литературы»,
Чанчуньский университет, Чанчунь, КНР, 15–18 сентября 2016 года)

Ван Нин
О технике перевода на китайский язык специфических культурных компонентов русской поэзии на примере стихотворений С.А. Есенина ……. 83

Ван Цзиньлин, Ван Нин
Эстетические особенности философской поэзии С. Есенина и средства передачи их на китайском языке …… 89

Цзэн Сыи
Значимость сохранения рифмовки оригинала при переводе ……. 98

Шань Нина
Роль художественного перевода как средства обучения иностранному языку ……..…… 111

ГУ Юй
Из поэтических переводов на китайский язык: С.А. Есенин и А.А. Тарковский …..…… 117

Раздел VI
In Memoriam

Памяти Феликса Абрамовича Литвина
(И.Н. Щекотихина, О.Б. Абакумова, В.А. Головко, В.Н. Шашкова, А.Д. Бакина) …….…… 120

Сведения об авторах …….…….…… 125

List of authors …….…….…….…… 127

Требования к публикациям и правила представления рукописей авторами …… 129

TABLE OF CONTENTS

Part I
The Conceptual Sphere as a Reflection of a Language Worldview

Jioeva, Alecia
World Conceptualization within the English Lexicon. Part II …….…….……. 7

Stepanov, Valentin
The Conceptual Sphere and Discourse of Dominance (Herrschaft) in the German Philosophic Tradition 17

Part II
Evolutionary Processes in Language and Speech

Petrenko, Aleksandr; **Khrabskova, Danuta**
Vowel Reduction as an Inner Factor of the Phonetic Evolution of the Language …….…….……. 26

Proskuryakova, Darya
Elements of Modern Suburban French in a Literary Text
(based on Faïza Guène's first novel "Kiffe Kiffe Demain") ……. 33

Part III
Linguodidactic Prerequisites of Teaching Language Theory and Practice at Linguistic Universities

Kolesnikov, Andrei
Web 2.0 Management of Students' Individual Work with Foreign Language Literary Texts:
from Theory to Practice ……..…….…….…….…….……. 41

Kolker, Jacob, Ustinova, Elena
Teaching Russian as a Foreign Language: the Functions of a Mediator Language from
a Multilingual Perspective……. 49

Suleimanova, Olga
Enhancing the Academic Potential of Tertiary Education: Updating the Teaching
of Theoretical Disciplines to Undergraduates …….……. 60

Part IV
The Word in Language and Discourse: a Translator's Perspective

Liu Baiwei
Culture-Focused Interpretation of the Word "半" (half) and Its Translation into Russian
(with examples drawn from the novel "Hónglóumèng" — "A Dream of Red Mansion") ……..… 66

Novikova, Elina
Translation in Tourism Discourse: Cross-Cultural Dimension,
Genre-Related Communicative Peculiarities …….…….……. 73

Part V
Confucius Institute: the Theory and Practice of Poetry Translation

(materials of the International Conference
"Issues of Translating Russian and Chinese Literature".
Changchun University, Changchun, China, September 15–18, 2016)

Wang Ning
On the Techniques of Translating Culture-Bound Components of Russian Poetry into Chinese (with examples drawn from S. Esenin's poetry) ……. 83

Wang Jinling, **Wang Ning**
The Aesthetic Peculiarities of Esenin's Philosophic Poetry and Means of Rendering Them in Chinese ……. 89

Zeng Siyi
On Observing the Rhyme Pattern in Translation of Poetry …… 98

Shan, Nina
Poetic Translation as a Means and an End in Foreign Language Education ……. 111

Gu Yu
From Translations of Poetry into Chinese: S. Esenin and A. Tarkovsky …….. 117

Part VI
In Memoriam

To the Memory of Professor F.A. Litvin
(I.N. Shchekotikhina, O.B. Abakumova, V.A. Golovko, V.N. Shashkova, A.D. Bakina) …….. 120

List of Authors (in Russ.) ……. 125

List of Authors (in Engl.) ……. 127

Requirements to the Papers Submitted (in Russ.)* ……. 129

* Available in English at : http://fljournal.rsu.edu.ru/en

РАЗДЕЛ I

КОНЦЕПТОСФЕРА КАК УПОРЯДОЧИВАНИЕ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА

УДК 8.1751

А.А. Джиоева, д-р филол. наук
(Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия)

Концептуализация мира в английском лексиконе. Часть II [1]

Статья представляет собой окончание (вторая часть) исследования, посвященного английскому менталитету и одной из форм реализации последнего — языковой и культурной репрезентации концепта Stiff Upper Lip. Являясь английской характеристикой данного этноса, она при этом свойственна в целом народам Британии и отражает характерную для них черту стоицизма — выдержку и сохранение достоинства.

В части II статьи дается подробный языковой и культурологический анализ концепта и всей, связанной с ним концептосферы. Рассматриваются коррелирующие понятия, соотносимые с ключевым, такие как стоицизм, collective Stiff Upper Lip, Underdog, Gentleman, Challenge, Privacy. Все перечисленные единицы совместно создают концептосферу с ключевым компонентом Stiff Upper Lip и отражают одну из главных черт английского этноса.

Важной характеристикой английского этноса, находящей свое выражение и в коммуникативных особенностях английского языка, является категория вежливости. В статье прослеживаются особенности реализации данного явления в английской речи, ее корреляции с концептом Stiff Upper Lip, освещаются такие проявления данного феномена, как collective Stiff Upper Lip, moaning, mock moaning, fair play, moderation, trembling upper lip и др.

концептуальный анализ, концепт, менталитет, английский язык, английская культура, englishness, Stiff Upper Lip, privacy, challenge, gentleman, underdog

Jioeva, Alecia, Ph. D. (Doctor of Philology), Professor
(Moscow State University named for M.V. Lomonosov, Moscow, Russia)

World Conceptualization within the English Lexicon: Part II

The article presents Part II of the research into the English mentality and one form of its realization — linguistic and cultural representation of the Stiff Upper Lip concept. Being an ethnic English characteristic, it is at the same time typical of British people in general and is a reflection of their common characteristics such as stoicism, restraint and dignity.

Part II of the article deals with the detailed linguistic and cultural analysis of the concept and the related conceptual sphere. Correlated to the key concept, other notions, such as Stoicism, Collective Stiff Upper Lip, Underdog, Gentleman, Challenge, Privacy are also under analysis. All these elements taken together create the conceptual sphere with the key concept of Stiff Upper Lip and reflect a most characteristic feature of the English nation.

An essential feature of the English nation illustrated by the communicative characteristics of the English language is politeness. The author traces the realization of this phenomenon in English speech, correlations of the former with the Stiff Upper Lip concept. The article also deals with such illustrative aspects of Stiff Upper Lip as collective Stiff Upper Lip, moaning, mock moaning, fair play, moderation, trembling Stiff Upper Lip and others.

conceptual analysis, concept, mentality, the english language, english culture, englishness, Stiff Upper Lip, privacy, challenge, gentleman, underdog

[1] Окончание статьи. Начало см.: Иностранные языки в высшей школе. 2016. № 4 (39). С. 8–16.

© Джиоева А.А., 2017

Описание в первой части статьи основных положений концептуального анализа и иллюстрации процессов концептуализации английского лексикона на примере лингвоспецифичного концепта Stiff Upper Lip предполагает дальнейшее и более полное описание особенностей репрезентации данного феномена в английской лингвокультуре. Отсылая читателя к ситуации, когда англичанину наступают на ногу, отметим, что сама по себе фраза “Excuse me, I’m terribly sorry but you seem to be standing on my foot” возможна только в англоязычной коммуникации и в условиях чисто англосаксонского контекста. Трудно представить себе подобную фразу в соответствующей ситуации на итальянском или каком-либо другом языке. Англичанин, которому вы наступили на ногу и который говорит «“мне ужасно жаль”, сожалеет о том, что он не успел ампутировать проклятую конечность до этого. При этом он будет вам “ужасно благодарен”, когда вы, наконец, перестанете топтаться на его ноге, а если не перестанете, то вежливо попросит вас сойти с нее, как всегда сопровождая эту просьбу таким количеством “пожалуйста” и “спасибо”, которого представителю любой другой нации хватило бы, как минимум, на полжизни» [2]. Воистину, “Englishness means always having to say you’re sorry” [3].

И, действительно, концепт Stiff Upper Lip самым тесным образом связан с одной из наиболее характерных черт английского менталитета — категорией вежливости. В ответ на вопрос о том, как у вас дела, англичанин не станет рассказывать о своих проблемах. Вопрос “How are you?” трактуется как настоящий вопрос, а не формула вежливости, только среди очень близких друзей или родственников. Во всех остальных случаях ответами будут “Fine, thanks”, “OK, thanks”, “Oh, mustn’t grumble”, “Not bad, thanks” или что-то в этом роде независимо от того, в каком состоянии вы находитесь. В случае, если англичанин смертельно болен, ответ может быть: “Not bad, considering». И все это есть проявление вежливости англичан, их нежелания «загружать» собеседников своими проблемами.

Виктория Джиоева, которая около 30 лет живет в англоязычном обществе, так прокомментировала понятие Stiff Upper Iip: “The Englishmen who have a Stiff Upper Lip show it in the restaurants. When the waiter comes up and asks if everything is OK, they say "yes", even if they don’t like the food”.

Серия диалогов из иллюстрированного курса “Get around in English”, открытки которого продаются в Лондоне везде, также содержит ряд таких руководств. Например, урок “How to Complain” изображает супружескую пару в ресторане:

Husband: This meat is as tough as old boots. How is fish?
Wife: It tastes off. And these vegetables are cold.
Husband: This wine is awful — I asked for dry and they’ve given us sweet!
Wife: And look, there’s a worm in my side-salad...
<...>
Waiter: How is your meal? Is everything all right?
Husband: Oh, yes. It’s all lovely.
Wife: Excellent, thank you.

Другой урок — “How to Be Polite” — изображает тонущего человека и прохожего в двух позициях. В первой из них утопающий отчаянно тянет руки вверх и кричит “Help”. Это вызывает лишь безразличие у прохожего, который невозмутимо продолжает гулять, игнорируя просьбу. Правило “politeness” здесь сопровождается ярлыком “Wrong”. Во второй позиции с надписью “Right” утопающий обращается к прохожему с речью: “Excuse me, Sir. I’m terribly sorry to bother you, but I wonder if you would mind helping me for a moment, as long as it’s no trouble, of course”, что побуждает прохожего снять с доски спасательный круг и бросить его тонущему.

Жозеф Шиари, сравнивая англичан и французов, отмечал, что «англичанина, попавшего в беду, больше всего беспокоит моральный аспект ситуации, мнение окружающих о его поведении. Француз же заботится о самоуважении, прежде всего, в личном контексте, а не о том, что думают о нем другие» [4].

---

[2] Майол Э., Милстед Д. Эти странные англичане. М. : Эгмонт Россия ЛТД, 2001. С. 31.
[3] Fox K. Watching the English: The Hidden Rules of Behaviour. Hodder, 2004. C. 150.
[4] Овчинников В. Сакура и дуб. М. : Дрофа, 2005. С. 382.

Генри Команджер, автор книги “Britain through American Eyes” отмечает, что англичанин останется невозмутимым, даже если наступит Страшный суд или наводнение [5]. И примеров тому немало.

Широко известен, например, случай, когда герцог Веллингтон во время битвы при Ватерлоо, заметив, что одного из его командиров Лорда Аксбриджа ранило артиллерийским снарядом, сказал: «Господи, сэр, мне кажется, у вас оторвало ногу!» — «Увы, сэр, — ответил Аксбридж, — мне тоже так кажется». И только после этих слов галантный джентельмен позволил себе потерять сознание и рухнуть с лошади [6]. В некоторых описаниях это выглядит в слегка измененном виде:

Lord Uxbridge: *“By God, sir, I’ve lost my leg”.*
Duke of Wellington: *“By God, sir, so you have”* [7].

Известен также пример, описывающий последние минуты жизни Нельсона. Выиграв Трафальгар, но раненный в последнее мгновение боя, Нельсон, лежащий на палубе корабля, обратился к одному из подчиненных: “*Take care of my dear Lady Hamilton”.* Затем, попросив поцеловать его в щеку, произнес последние слова: “*Now I am satisfied. Thank God I have done my duty”.*

Описание историй можно было бы продолжить рассказами о том, как Фрэнсис Дрейк остался доигрывать партию в кегли после того, как ему доложили, что испанская армада приближается к берегам Англии, или о Томасе Море, сказавшем палачу у эшафота: «Вы помогите мне только подняться наверх, а уж вниз-то я как-нибудь спущусь сам».

Английский юмор, пронизывающий весь менталитет англичан, сопровождает их во всех случаях жизни и даже при ситуациях, требующих соблюдения Stiff Upper Lip.

Забавен диалог, приводимый Джорджем Майксом между отцом и сыном:

– Daddy, which of us gets your camera when you die?
– I’ll let you know... By the way, I am sorry to be still alive. It’s not my fault. I can’t help it [8].

Тот же Майкс (по советской традиции его фамилию принято произносить по-венгерски Микеш), описывая, как умирают англичане, писал: “The English are the only race in the world who enjoy dying. <...> They speak of death as if it were something natural. <...> During the bombing raids of the last war people on the Continent prayed: "God, even if I have to be hit, please spare my life". The English said: "If I have to die, well, I couldn’t care less. But I don’t want to be made an invalid and I don’t want to suffer"” [9].

Описанные выше примеры, иллюстрирующие Stiff Upper Lip, самым тесным образом связаны с другой чертой англичан, вытекающей из (или являющейся следствием) Stiff Upper Lip, так называемым ***стоицизмом***. Джон Голсуорси называл его “stoicism in face of pain and death”.

Джордж Микеш, выделяя в своей замечательной книге главу “How to Die”, описывает случай, иллюстрирующий данную черту англичан: “I shall never forget the poor gentleman who once travelled with me on the Channel boat. Only the two of us were on deck as a violent storm was raging. A tremendous gale was lashing mountainous sea. We huddled there for a while, without saying anything. Suddenly a fearful gust blew him overboard. His head emerged just once from the water below me. He looked at me calmly and remarked somewhat casually: «Rather windy, isn’t it?” [10].

Пример типичного стоицизма приводят авторы книги «Эти странные англичане», описывая случай с рабочим цирка, у которого тигр откусил руку. Когда несчастного доставили в больницу и спросили, нет ли у него на что-либо аллергии, он ответил: «Только на тигров» [11].

Англичанин Майк Доббин вскоре после Рождества прислал мне и всем остальным друзьям письмо, которое начиналось так:

---

[5] Britain Through American Eyes / ed. by H.S. Commanger. N.Y., 1974. С. 749.
[6] Майол Э., Милстед Д. Эти странные англичане. С. 24.
[7] Hobbes N. England: 1,000 Things You Need to Know. L. : Atlantic Books, 2006. С. 40.
[8] Mikes J. How to Be a Brit. Penguin Books, 1984. P. 168.
[9] Ibid.
[10] Ibid. P. 169.
[11] Майол Э., Милстед Д. Эти странные англичане. С. 25.

“Dear Friends

Firstly, apologies to anyone who normally gets a Christmas card from me and didn’t receive one on this occasion. As many of you know, I have been unwell since the end of October, and unfortunately found it impossible to complete them all because of general tiredness and discomfort…”

Спустя две недели Майк скончался от тяжелой болезни.

Вячеслав Шестаков, один из авторов книги об английском национальном характере, отмечает, что «вообще терпимость — отличительная особенность английской нации» [12].

«Англичане с завидным упорством преодолевают любые жизненные проблемы и редко жалуются на судьбу или обстоятельства. Правда, они не исповедуют, как американцы, психологию парадного оптимизма, но зато и не впадают в уныние или истерику, если у них что-то не ладится» [13].

Подобный стоицизм вырабатывается у англичан с самого детства и прививается детям с самого раннего возраста. Джон Фаулз писал, что ему стыдно за свою страну, в которой в век цивилизации в школах существует система наказания розгами. Свое отношение Фаулз высказывал несколько неоднозначно, заявляя: «Терпеть не могу Англию, но мне нравится быть англичанином».

А. Карасик и Е. Ярмахова, авторы книги «Английский чудак», рассказывают о преуспевающем английском бизнесмене, который считал, что самые страшные годы в его жизни связаны с обучением в школе. Однако своих сыновей он отправил в ту же самую школу, где учился сам, заключая: “Life is not a bed of roses” [14]. «Пройдя жестокие испытания, связанные с социализацией, англичанин резервирует за собой право эксцентрически выражать свою индивидуальность», — заключают авторы [15].

Известно, что детство Уинстона Черчилля, по его собственному признанию, было несчастным, а его няня была просто чудовищем. “He, of course, went to become a hero when he grew up, thus confirming the efficacy of the English upbringing to the entire satisfaction of all concerned”, — отмечают авторы “The Xenophobe’s Guide to the English” [16].

Кейт Фокс, подробно описывая отношения англичан к детям, отмечает, что последние не создают «суеты вокруг своих детей, как это делается у других народов» [17].

Понятие Stiff Upper Lip, являясь индивидуальной характеристикой англичан, свойственно английскому и, шире, британскому народу в целом. В этом случае можно говорить о своеобразном ***“collective Stiff Upper Lip”***. Такого рода коллективное проявление Stiff Upper Lip наблюдалось в период Второй мировой войны, когда немецкие войска бомбили Британию. Известный пример стоицизма проявил Уинстон Черчилль, который поднимался на крышу своего дома, чтобы наблюдать за «блицем».

“Collective Stiff Upper Lip” проявили британцы и во время террористического акта в Лондоне несколько лет назад. Жители Лондона, ничем не выдавая паники, продолжали ходить на работу, ездить в метро, посещать пабы и другие общественные учреждения, иными словами, сохраняли “Stiff Upper Lip”. “These things happen, you’ve just got to get on with life”, “Look, we’ve been through worse than this”, “By not coming to work, by London not being open for business, they will win and they are not going to win”, “It is an evil that cannot be justified and that we utterly condemn and reject”, “We will not let them change our lives”, “We will not let them frighten us” — таковы образцы реакции британцев на взрывы в Лондоне. Типичным словом, которым жители города называли это событие, было “the incident”. Иностранные журналисты, бывшие в это время в Лондоне, удивлялись непоколебимому спокойствию англосаксов. Один из них вспоминал: “I noticed that while the mood in the cafe was understandably grim, something in the atmosphere was completely missing: fear”.

---

[12] Шестаков В. Английский акцент: английское искусство и национальный характер. М. : РГГУ, 2000. С. 18.
[13] Там же.
[14] Карасик В., Ярмахова Е. Лингвокультурный типаж «английский чудак». М. : Гнозис, 2006. С. 79.
[15] Там же.
[16] Miall A., Milsted D. Xenophobe’s Guide to the English. Oval Projects, 1993. P. 22.
[17] Fox K. Watching the English: The Hidden Rules of Behaviour. P. 360.

И это не значит, что англичанам не свойственно чувство страха вообще. Им, как и всем нормальным существам, присущи и страх, и тревога, и волнение, как и все отрицательные и положительные эмоции. Джордж Микеш приводит диалог между иностранным журналистом и коренным британцем:

"Q: Why don't the British panic?
A: They do, but very quietly. It is impossible for the naked eye to tell their panic from ecstasy" [18].

И действительно, умеренность во всем ***(moderation)*** — одна из наиболее характерных черт англичанина, презирающего бурное проявление чувств и эмоций, старающегося всегда сохранить в поведении «золотую середину». "Moderation — a treasured ideal — means a lot to the English, — отмечают А. Майол и Д. Милстед. — Their respect for it is reflected in their shared dislike of any person who "goes too far". The English can admire something without enjoying it, or enjoy something they suspect is fundamentally reprehensible. You can never be sure which stance they are going to take — the reassuringly reasonable, or the wildly irrational. Stoicism, the capacity to greet life's vicissitudes with cheerful calm, is the essential ingredient of Englishness" [19].

В интернет-проекте, организованном "The British Council" и называющемся "A Portrait of England", принимала участие и автор данной статьи. Наряду с рядом новых номинаций "Understatement", "Privacy", "Manchester United" и т. д., мы внесли и номинацию "Stiff Upper Lip". Некоторые комментарии, которые вводили разные участники, выглядели таким образом:

"It is an English attitude to stay the course, and not to whine (that is for French). To accept one's lot with a hit of stoicism".

"I think it might be called dignity, or courage in adversity..."

"Where do we get it from — where do we learn that showing emotion is the «done thing». And why? I don't know — but it seems to be in the genes. I am accused of hiding my emotions at times, but my daughter is an absolute master".

И несколько расистское: ""Stiff Upper Lip" is the way you hold your face so as not to smile, snarl or cry. It is colonialism in facial expression when times, occasionally, don't go so well. In contract the emotional excitability of "the natives" proves their inferiority, it proves they have to be "civilized"".

"Speak to most non-English and they will tell you certain things that sum up a nation. In our case this is usually a cup of tea and the good old British stiff upper lip. It may have become a thick lip on occasion in recent years, but the resilience of the British people is astounding — look at the 7/7 bombings to cite a recent example".

И действительно, "***collective stiff upper lip"***, проявленное британцами в июле 2004 года, заслуживает всяческого уважения.

Однако мысль последнего автора о том, что Stiff Upper Lip может стать "a thick lip", имеет свои основания. Современные англичане в условиях глобализации и взаимосмешения и взаимопроникновения культур становятся все более открытыми в проявлении своих эмоций, ярким свидетельством чему стало отношение британцев, выраженное ими в связи со смертью принцессы Дианы. Ключевая фраза *"a public outpouring of grief"*, не сходящая со страниц и экранов британских масс-медиа того периода, была, по сути, выражением боли и сострадания, переживаемых английской общественностью. Многие наблюдатели называли такую реакцию «беспрецедентным проявлением эмоций» *("unprecedented display of emotions")* и считали ее свидетельством «неанглийскости» ("un-Englishness").

Один из журналистов отмечал: "When Prime Minister Tony Blair addressed the nation on the day of Diana's death, he cut a thoroughly modern figure: furrowed brow, twitching hands, visibly shaken. Winston Churchill would have run a mile from such a display".

Газета "The Mirror" писала: "In our grief for Diana, there is now of that old British reserve. We are united as never before. And we want the world to know it. It is the new British spirit — the spirit of Diana — proclaimed proudly throughout the land".

Одна из женщин, выступая по BBC, сказала: "I saw my husband cry for the first time in 43 years of marriage". Дорис Майерсон, жительница Бристоля, заявила, что принцесса сделала

[18] Mikes J. How to Be a Brit. P. 237.
[19] Miall A., Milsted D. Xenophobe's Guide to the English. P. 11.

больше для этой маленькой островной страны, чем могли сделать десять Черчиллей. “Diana helped us find the courage to try to become a better, more caring country. This is the greatest legacy of all”, — подчеркнула она.

Таким образом, смерть принцессы Дианы рассматривалась многими как начало *«дрожания верхней губы».*

Само выражение *“public outpouring of grief”* стало типичным для английских средств массовой информации со времени смерти Дианы. Так, оно не сходило со страниц прессы после смерти королевы-матери или ухода из жизни экс-Битла Джорджа Харрисона, хотя даже в этих случаях не наблюдалось такое “unprecedented display of emotions”, и прежде всего в очередях: очередях за цветами, чтобы возложить эти цветы; длинных очередях, чтобы получить возможность написать свои слова в книгу соболезнований; очередях за газетами с описанием событий и т. д. И все это делалось спокойно и достойно.

Единственные, кто очень нейтрально отнеслись к смерти Дианы Спенсер, были члены королевской семьи. “Still subscribing to a code of behavior which abhorred displays of emotion, monarch and consort were almost the only individuals who did not grieve her death in a sentimental way. Much of the rest of *this nation of supposed stiff upper lips* (курсив мой. — *А. Д.*) traipsed to the florist, bought bunches of flowers and then laid them as close as possible to any building with which this uniquely privileged young woman had been associated”, — описывает Дж. Пэксмен [20].

Но, несмотря на некоторую критику членов королевской семьи по поводу их отношения к происходящему (“"uncaring" response to the death of Diana”), все англосаксонское общество, тем не менее, нисколько не удивилось тому, что сыновья принцессы пролили минимум откровенных слез во время похорон. “They were commended for their bravery and dignity; their smiles and murmured thanks as they accepted condolences of the crowds during a «walkabout» were widely praised, and somehow far more poignant than any amount of uninhibited noisy sobbing”, — описывает К. Фокс и далее заключает: “The English do not measure grief in tears” [21].

Весьма иллюстративным в связи с описываемым событием служит пример поведения представителя шоу-бизнеса, певца Элтона Джона. Известный своей большой дружбой с принцессой, певец исполнил римейк песни “Candle in the Wind” в память о Диане. Впоследствии он так комментировал пережитую боль: *“I couldn’t afford to be emotional”,* потому что “being emotional” было бы *“non-stiff upper lip”* и поэтому *“non-English”.*

Таким образом, заключает К. Фокс: “…real, tearful despair is not allowed except among intimates. Even if you are feeling truly desperate, you must pretend to be only pretending to feel desperate” [22].

Сама привычка жаловаться — *“moaning”* — очень распространена в Англии. Люди постоянно жалуются на погоду, на пробки на улицах, задержку поездов. Выражения типа “Bloody cold”, “Raining again”, “And it’s still raining”, “Well, at least it has stopped raining”, “God, is it only eleven o’clock? I’m so tired”, “Well, it’s been a long week”, “Eleven already? I’ve got so much to do I’ve barely made a dent in it”, “That bloody coffee machine’s eaten my 50p again! Typical!” можно слышать постоянно в повседневной жизни англоязычной коммуникации. Но все это носит игровой характер и отражает так называемое правило *“mock-moaning” rule*, которое кардинально отличается от настоящих жалоб, неприемлемых для англичан. “You must moan in a relatively good-humoured, light-hearted manner”, — отмечает К. Фокс. И там же: “Serious moaning may take place in other contexts, such as heart-to-heart conversations with one’s closest friends, but it is regarded as unseemly and inappropriate in collective workplace moaning rituals” [23].

“Typical!”, как одно из проявлений привычки жаловаться, отражает, с одной стороны, возмущение, а с другой — сдержанное принятие ситуации. В относительно сложный политический период 2003 года автор книги “Watching the English” стала свидетелем «жалобной» речи посетителя одного из английских пабов, которая завершилась словами: “And now on top of it all there’s all these terrorist threats and we’re going to be at war with Iraq. Typical” [24].

---

[20] Paxman, J. The English: A Portrait of a People. Penguin Books, 1999. P. 240.
[21] Fox K. Watching the English: The Hidden Rules of Behaviour. P. 376.
[22] Ibid. P. 405.
[23] Ibid. P. 199.
[24] Ibid. P. 200.

Другое выражение, также иллюстрирующее заповедь англичан не жаловаться, — это “It’s one of those things!”. Джордж Микеш пишет: “So do not complain. Never complain. Whatever happens remember the new national slogan: "It’s one of those things". When your brand-new toasting machine goes up in flames and toasts you instead of your bread, you nod: "It’s one of those things" and the matter is closed”) [25].

Таким образом, и “Typical!”, и “It’s one of those things!” являются по сути проявлениями Stiff Upper Lip в его стоически-циничном воплощении.

Другой концепт, входящий в концептосферу “Stiff Upper Lip” и связанный с ним, — это *Underdog*.

Longman Dictionary of Culture дает следующие определения понятию “underdog”:

1) a weaker person, that is always treated badly by others.

2) a person, team, etc. that is expected to lose in a competition with another. British people are often thought to support the underdog in a competition and want them to win. E.g. In their football match with Brazil, Switzerland supported the underdogs.

Внутренняя форма слова сводится к тому, что из двух борющихся собак одна оказывается слабее. Так вот, английская мораль требует поддержки той, которая слаба. Этого требует правило *“fair play”*, которое также значимо для англосаксонской ментальности и которое связано с underdog и соответственно со Stiff Upper Lip. Интересно отметить, что правило поддержки underdog «работает» лишь в тех случаях, когда последний сохраняет “Stiff Upper Lip”.

Нарушение правила “Never complain” сразу же нейтрализует порыв помочь слабому. Характерным в этом смысле был описанный выше пример с тонущим. Крики о помощи лишь вызвали безразличие прохожего, в то время как вежливое обращение с «сохранением лица» спровоцировало желание оказать ему помощь.

Если соревнуются два игрока или две команды, то *“правило underdog”* требует поддержки более слабой стороны. “You always support the underdog”, “You have to support the underdog” — заявляют англичане, как будто это фундаментальный закон природы.

Забавные размышления о морали “underdog” приводит Кейт Фокс: “So, in the logic of English fair play, you must always support the underdog, but too much support for the underdog can be unfair on the overdog, who then becomes a sort of honorary underdog, whom you must support until balance is restored, or until the real underdog is clearly going to lose, at which point you must support the real underdog again. Simple really. And you know the rules” [26].

Еще одним важным коррелятом концепта Stiff Upper Lip в ментальной сетке последнего является понятие *gentleman*. Известный везде за пределами Англии, этот лингвокультурный типаж представляет собой воплощение воспитанности, умеренности, сдержанности и всего, что может олицетворять идеал англичанина как представителя этноса. Высокий эмоциональный самоконтроль как проявление Stiff Upper Lip является знаковым в поведении джентльмена.

Описывая типаж английского джентльмена, В. Овчинников дает ему следующую характеристику: «Человек, отвечающий этому эталону, в представлении англичан бесстрастен, щепетилен, немногословен. Он при любых обстоятельствах сохраняет «жесткую верхнюю губу», верность данному слову, делает больше, чем обещает. Он избегает говорить что-то хорошее о себе и что-либо плохое о других. Он служит воплощением самоконтроля, порядочности, честной игры. Он совершает джентльменские поступки, но еще больше отличается от простых смертных тем, чего он не делает...» [27].

Конечно, образ джентльмена модифицируется и меняется в условиях мировой глобализации и взаимопроникновения культур, как и все остальные черты англичан. Маргарет Тэтчер иронически отзывалась о джентльменах: «Все мужчины слабы, а слабее всего джентльмены» [28]. Актриса Барбара Стрейзанд, подчеркивая нивелирование образа джентльмена, подметила, что «сегодня мужчина считается джентльменом, если перед поцелуем вынимает сигарету изо рта» [29].

---

[25] Mikes J. How to Be a Brit. P. 227.

[26] Fox K. Watching the English: The Hidden Rules of Behaviour. P. 248.

[27] Овчинников В. Сакура и дуб. С. 379.

[28] Премьер-министр М. Тэтчер была известна своим негативным отношением к представителям так называемого upper-class, часто отзывалась о них как о “those grandies”.

[29] Любимов М. Гуляния с Чеширским Котом: мемуар-эссе об английской душе. М. : Б.С.Г.-Пресс, 2004. С. 270.

Но, несмотря ни на что, идеал джентльмена остается центральным в восприятии образа англичанина. Прошли поколения, прежде чем был создан этот образ. «Джентльмен — воплощение независимости, — отмечает Г. Гачев. — Он твердо держит слово — даже если его обещание приводит к его проигрышу... Джентльмен выдерживает себя в моральной дисциплине еще и через отречение от высокоумных претензий интеллекта. Он предпочитает находить свой путь инстинктом, через внутренние ощущения, но не логической цепью дедукции. <...> Самоконтроль, самообладание, самоподавление, самостушевывание, самозавоевание и т. п. — неистощимый список подобных слов указывает на это одно из величайших достижений англичан» [30].

Речь джентльмена изобилует многочисленными преуменьшениями и мягкой иронией. Именно поэтому мы привлекаем в концептуальное поле “Stiff Upper Lip” и концепт understatement. Как один из основных способов англоязычной коммуникации, understatement и связанный с ним особый английский юмор наиболее характерны для речи джентльмена [31]. Комедийный роман П.Г. Вудхауса “Stiff Upper Lip, Jeeves” изобилует английским юмором и многочисленными примерами understatement.

Вот некоторые из них:

– “There is something disturbing you, sir?”

– “You are right there is. Hell’s foundations are quivering. What do you call it when a couple of nations start off by being all palsy-walsy and then begin calling each other ticks and bounders?”

– “Relations have deteriorated would be the customary phrase, sir”.

– “Well, relations have deteriorated between Miss Bassett and Jussie. He, as we know, was already disgrunted, and now she’s disgrunted too. She has taken exception to a derogatory crack he made about the sunset. She thinks highly of sunsets, and he told her they made him sick. Can you believe this?” [32]

– “Was it something important you wanted to see him about?”

– “I want to break his neck”.

My eyebrows, which had returned to normal, rose again. I also, if I remember rightly, pursed my lips.

– “Well, really, Spode! Is this not becoming a bit trick? It’s not so long ago that you were turning over in your mind the idea of breaking mine. I think you should watch yourself in this matter of neck-breaking and check the urge before it gets too strong a grip on you...” [33].

– “... Let me tell you, Wooster, that I have loved that girl for years and years, but never by word or look have I so much as hinted it to her. It was a great shock to me when she became engaged to this man Fink-Nottle, but I accepted the situation because I thought that that was where her happiness lay. Though stunned, I kept- ”

– “A stiff upper lip?”

– “ -my feelings to myself. I sat- ”

– “like Patience on a monument” [34].

– “... Ah well, let’s hope for the best”.

– “The only course to pursue, sir”.

– “Stiff upper lip, Jeeves, what?”

– “Indubitably, sir. That, if I may say so, is the spirit” [35].

Правила “*understatement”* часто действуют совместно с правилами Stiff Upper Lip и часто выступают в качестве вербальной репрезентации последнего. Для англичанина, соблюдающего правило “understatement”, изнуряющая, тяжелая хроническая болезнь называется “a bit of a nuisance”, ужасный случай, который с ним произошел, — “well, not exactly what I expected», акт

---

[30] Гачев Г. Ментальности народов мира. М. : Алгоритм, 2003. С. 159.

[31] Подробнее об understatement см.: Джиоева А.А. Английский менталитет сквозь призму ключевых слов: Understatement // Вестник МГУ. Сер. 19 : Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2006.

[32] Wodehouse P.J. Stiff Upper Lip, Jeeves. Penguin Books, 1966. P. 97.

[33] Ibid. P. 105.

[34] Ibid. P. 38–39.

[35] Wodehouse P.J. Stiff Upper Lip, Jeeves. P. 29.

невероятной жестокости для него — “not very friendly”, Северный Ледовитый океан — “rather cold”, а пустыня Сахара — “a bit too hot to my taste”.

Таким образом, understatement выступает еще одним коррелятом Stiff Upper Lip в общей концептосфере последнего.

И наконец, последний концепт, связанный как с понятием gentleman, так и с центральным понятием Stiff Upper Lip, — *challenge.* Challenge входит в ментальную картину (так называемую *mind map*) концепта Stiff Upper Lip и занимает в ней одну из ключевых позиций.

Macmillan English Dictionary дает следующее определение слову challenge:

“something that needs a lot of skill, energy and determination to deal with or achieve, especially something you have never done before and will enjoy doing”.

e.g. *I was bored with my job and felt I needed a new challenge.*
She was willing to accept the challenge of the unknown.
Nowadays people face a greater challenge.
Her smile held a tiny hint of a challenge.

Соответствующий слову “challenge” словарный перевод на русский язык — «вызов» — лишь приблизительно передает значение первого. Точнее было бы сказать, что русское слово «вызов» под влиянием английского “challenge”, получающего в современном мире все большее распространение, начинает модифицироваться в сторону англосаксонского понимания слова и приобретать соответствующий оттенок.

Сам по себе challenge оказывается стилем жизни для англичан. Если надоело старое дело, надо принять «новый вызов», который сделает жизнь англичанина снова новой и интересной, хотя принять этот вызов — дело нелегкое. Одним из таких вызовов является вызов природе. В Англии организуются целые поездки, в которых люди лишены всех удобств, находятся в ужасных погодных условиях, физически подвергаются риску и т. д. Такие курсы называются “survival” и созданы исключительно для того, чтобы англичанин мог укрепить свой дух и проверить, насколько его характер является «истинно английским. <…> Во всяком случае, такая черта, как неподвижность верхней губы, гарантируется», — отмечают авторы книги «Эти странные англичане» [36].

Итак, challenge — ключевой компонент концептосферы “Stiff Upper Lip”.

Можно было бы пойти дальше и с определенными основаниями коррелировать Stiff Upper Lip с концептом “privacy”. Во всяком случае, сама способность к Stiff Upper Lip и ее обязательность (желательность) в англосаксонском менталитете уже предполагает самостоятельное решение жизненных проблем без обращения к помощи к другим людям и, таким образом, без вмешательства в чужое “privacy”. Помимо этого, сами правила privacy требуют того, чтобы в частную жизнь индивида не было вторжений со стороны, равно как и соответствующего поведения самого индивида по отношению к окружающим. Дейвид Фрост и Энтони Джей, авторы книги “The English”, описывают слушание дела в суде, в котором было выдвинуто обвинение против мужчины, который во время одной из вечеринок подошел к девушке и пытался сорвать с нее платье. На суде присутствовал в качестве свидетеля и парень этой девушки. При допросе свидетеля имел место следующий диалог:

– *“What did you do when this happened?” — he was asked.*
– *“Well, nothing”.*
– *“Nothing! Do you mean to tell the court you just stood there while this brute came up to your girl and tried to tear her dress off her back?”*
– *“Well”, he said. “I thought he might be someone she knew”* [37].

Вряд ли можно утверждать, что описанный случай будет совершенно типичным в английском обществе, однако его вполне реальная возможность не вызывает сомнений. Такое абсолютно неприемлемое для россиянина поведение можно было рассматривать скорее в рамках правила privacy, однако можно предполагать, что оно является одновременно и проявлением Stiff Upper Lip в его стоически-циничном воплощении.

---

[36] Miall A., Milsted D. Xenophobe’s Guide to the English. P. 46.
[37] Английский национальный характер / сост. М.М. Филиппова. М. : АСТ-Астрель, 2007. С. 314.

Итак, заключая анализ лингвокультурного и лингвоспецифичного концепта “Stiff Upper Lip” в контексте англосаксонского менталитета, сделаем следующием выводы:

1. Одним из центральных понятий английскости (*Englishness)* является концепт Stiff Upper Lip. Последний, в свою очередь, образует своеобразную концептосферу, в которой он выступает в качестве ключевого понятия.

2. Stiff Upper Lip, находясь в центре «ментальной карты», коррелирует с другими концептами, такими как *“underdog”, “gentleman”, “understatement”, “privacy”, “challenge”,* и в сочетании с ними раскрывает важнейшие черты англосаксонского этноса.

3. Помимо коррелирующих со Stiff Upper Lip концептов, показана его связь с такими важными ментальными и языковыми категориями, как *стоицизм, вежливость, английский юмор.*

4. Лингвистическое описание Stiff Upper Lip (словарные определения, иллюстрация примерами, анализ «внутренней формы слова» и русскоязычных соответствий) сопровождается особенностями его лингвокультурной репрезентации *(“collective stiff upper lip”, “mock-moaning”* и т. д.)

Список использованной литературы

1. Английский национальный характер [Текст] / сост. М.М. Филиппова — М. : АСТ-Астрель, 2007. — 215 с.
2. Гачев, Г. Ментальности народов мира [Текст]. — М. : Алгоритм, 2003. — 544 с.
3. Джиоева, А.А. Английский менталитет сквозь призму ключевых слов: Understatement [Текст] // Вестник МГУ. Сер. 19 : Лингвистика и межкультурная коммуникация. — 2006. — С. 45–55.
4. Карасик, В. Лингвокультурный типаж «английский чудак» [Текст] / В. Карасик, Е. Ярмахова. — М. : Гнозис, 2006. — 240 с.
5. Любимов, М. Гуляния с Чеширским Котом: мемуар-эссе об английской душе [Текст]. — М. : Б.С.Г.-Пресс, 2004. — 416 с.
6. Майол, Э. Эти странные англичане [Текст] / Э. Майол, Д. Милстед. — М. : Эгмонт Россия ЛТД, 2001. — 72 с.
7. Овчинников, В. Сакура и дуб [Текст]. — М. : Дрофа, 2005. — 448 с.
8. Шестаков, В. Английский акцент: английское искусство и национальный характер [Текст]. — М. : РГГУ, 2000. — 192 с.
9. Britain Through American Eyes [Text] / ed. by H.S. Commanger. — N.Y., 1974. — 767 p.
10. Fox, K. Watching the English: The Hidden Rules of Behaviour [Text]. — Hodder, 2004. — 432 p.
11. Hobbes, N. England: 1,000 Things You Need to Know [Text]. — L. : Atlantic Books, 2006. — 464 p.
12. Miall, A. Xenophobe’s Guide to the English [Text] / A. Miall, D. Milsted. — Oval Projects, 1993. — 92 p.
13. Mikes, J. How to Be a Brit [Text]. — Penguin Books, 1986. — 265 p.
14. Paxman, J. The English: A Portrait of a People [Text]. — Penguin Books, 1999. — 320 p.
15. Wodehouse, P.J. Stiff Upper Lip, Jeeves [Text]. — Penguin Books, 1966. — 191 p.

References

1. Angliyskiy Natsionalniy Kharakter [English National Character] [Text] / comp. by M.M. Filipova. — M. : AST-Astrel, 2007. — 215 p. (n Russ.)
2. Britain Through American Eyes [Text] / pod red. H.S. Commanger. — N.Y., 1974. — 767 p.
3. Fox, K. Watching the English: The Hidden Rules of Behaviour [Text]. — Hodder, 2004. — 432 p.
4. Gachev, G. Mentalnost narodov mira [Mentality of the world peoples] [Text]. — M. : Algoritm, 2003. — 544 p. (in Russ.)
5. Hobbes, N. England: 1,000 Things You Need to Know [Text]. — L. : Atlantic Books, 2006. — 464 p.
6. Jioeva, A.A. Angliiskiy mentalitet skvoz’ prizmu klyuchevikh slov: Understatement [English mentality viewed in the light of key words:understatement] [Text] // Vestnik MGU. Ser. 19 : Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya [Linguistics and Intercultural Communication]. — 2006. — P. 45–55. (in Russ.)
7. Karasik, V. Lingvokulturniy tipazh «Angliyskiy chudak» [Linguocultural type “English Eccentric”] [Text] / V. Karasik, E. Yarmakhova. — M. : Gnozis, 2006. — 240 p. (in Russ.)

8. Lubimov, M. Gulyaniya s Cheshirskim kotom: memuar — esse ob angliyskoy dushe [Strolls with the Cheshire Cat: memoir — essay about the English soul] [Text]. — M. : B.S.G.-Press, 2004. — 416 p. (in Russ.)
9. Mayol, E. Eti straniye anglichane [These strange Englishmen] [Text] / E. Mayol, D. Milsted. — M. : Egmont Ltd., 2001. — 72 p. (in Russ.)
10. Miall, A. Xenophobe's Guide to the English [Text] / A. Miall, D. Milsted. — Oval Projects, 1993. — 92 p.
11. Mikes, J. How to Be a Brit [Text]. — Penguin Books, 1984. — 265 p.
12. Ovchinnikov, V. Sakura i dub [The Sakura and the oak] [Text]. — M. : Drofa, 2005. — 448 p. (in Russ.)
13. Paxman, J. The English: A Portrait of a People [Text]. — Penguin Books, 1999. — 320 p.
14. Shestakov, V. Angliiskiy aktsent: Angliiskoye iskusstvo i natsionalniy kharacter. [English accent: English art and National English character] [Text]. — M. : RGGU, 2000. — 192 p. (in Russ.)
15. Wodehouse, P.J. Stiff Upper Lip, Jeeves [Text]. — Penguin Books, 1966. –191 p.

Словари (Dictionaries)

1. Cambridge International Dictionary of English.
2. Collins COBUILD English Language Dictionary.
3. Longman Dictionary of English Language and Culture.
4. Macmillan English Dictionary.

УДК 811.112.2

В.Н. Степанов, д-р филол. наук
(Международная академия бизнеса и новых технологий
(МУБиНТ), Ярославль, Россия)

Концептосфера и дискурс господства (Herrschaft) в немецкой философской традиции [1]

В статье приводится описание концептосферы господства (Herrschaft) в период ее формирования в рамках немецкой философской традиции, закрепления и развития в более поздних философских, справочных и учебных трудах (дискурс господства).

господство, Herrschaft, философия, концепт, фрейм, онтология, концептосфера, дискурс.

Stepanov, Valentin, Ph. D. (Doctor of Philology), Professor
(MUBiNT, Yaroslavl', Russia)

The Conceptual Sphere and Discourse of Dominance (Herrschaft) in the German Philosophic Tradition

Analysis of the concept 'Herrschaft' ('господство' in Russian) in this article is aimed at outlining its sphere as it is displayed by German philosophers, depicted and displayed through literature of different kind published later and seen as constituents of the so called discourse of 'Herrschaft'.

Herrschaft, 'gospodstvo', philosophy, concept, frame, ontology, sphere, discourse

Рассматриваемый в данной работе ***концепт «господство»*** (Herrschaft) принадлежит к числу ключевых явлений общественно-политической сферы, ее концептосферы в мировом масштабе и давно стал частью научной рефлексии над общественной природой и жизнью человека. Тем не менее, объем этого философского понятия и концепта до сих пор до конца не определен.

[1] Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ. Проект «От контекстов употребления к концептосфере: философская традиция интерпретации понятия Kraft («сила»)» № 15-03-00537.

© Степанов В.Н., 2017

Дискурс господства (Herrschaft) составляют высказывания, относящиеся к разным корпусам текстов, тематические (содержательные) связи между которыми уходят корнями в разные национальные традиции, а их становление и развитие проходило в разные временные периоды.

Дискурс силы в целом, частью которого, на наш взгляд, является и концепт «господство» (Herrschaft), представлен обширной научной, учебной и справочной литературой. Его можно определить как интра- и интерлингвальный, интра- и интертематический [2], включающий в свою сферу различные концепты, относящиеся к разным лингвокультурам: *δύναμις* — в греческом; *potential* и *vis* — в латинском; *forza* — в итальянском; *force* — во французском и английском; *Kraft, Geist, Genie, Genius, Gewalt, Macht, Stärke, Herrschaft, Intentionalität* — в немецком; *сила* и *воля* — в русском.

В качестве источников материала в данной работе использовалась оригинальная и переводная научная, учебная и справочная литература, в которой в той или иной степени затрагиваются интересующие нас вопросы. Примеры, взятые из переводной литературы, позволили нам проследить, как полилингвокультурный феномен переосмысливается носителями немецкого языка.

В качестве инструмента предпринятого нами анализа концептосферы власти выбрана методика концептуального анализа — *описание семантики лингвальных сетей* С.А. Жаботинской [3], что позволяет описать язык в его соотношении с мышлением — концептуальными структурами и когнитивными операциями. Для построения моделей сетей используется набор обобщенных понятийных структур (базисные пропозиции), отслеживаемых в значениях и формах языковых единиц разных уровней. *Базисные пропозиции* выделяются с опорой на лексическое значение слов и контексты их употребления, имеют наивысший уровень обобщения, или схемности, представляют собой изначальные категории мышления и типы отношений между ними. Тип пропозициональной схемы определяется по ее принадлежности к одному из пяти базисных фреймов: предметному, акциональному, посессивному, идентификационному, компаративному.

Семантика лингвальных сетей позволяет охватить онтологию предметной сферы (в понимании, близком инженерии знаний) и наметить очертания концептосферы власти: «Онтология как концептуальная модель предметной области состоит из иерархии понятий предметной области, связей между ними и законов, которые действуют в рамках этой модели» [4]. Концептосферой в этом ключе будет называться все структурируемое семантическое пространство.

Предметный фрейм господства (Herrschaft*)* описывается с помощью следующих бытийных схем: квантитативной, квалитативной, локативной и способа бытия.

В ***квантитативном отношении*** количественное измерение («X есть СТОЛЬКО-количество») концепта *господство* (*Herrschaft*) очевидно. В противовес грамматическим характеристикам в научной, учебной и справочной литературе это слово встречается в контекстах только в единственном числе.

В ***квалитативном, качественном, отношении*** («X есть ТАКОЕ-качество») этот концепт используется для обозначения рационального, законного (rational-legale), конкретного (konkrete) господства (Herrschaft).

Локативные характеристики («X существует/действует ТАМ»), обогащают концепт *господство (Herrschaft)* новыми признаками с опорой на разные основания:

1) в соответствии с общественными и политическими (властными) институтами *господство* характеризуется как государственное *(staatliche)*, монархическое *(monarchische)*, законное *(legitime)*, политическое *(politische)*, демократическое *(demokratische)*, национал-социалисти-

---

[2] Vergleichende Diskurslinguistik. Überlegungen zur Analyse national heterogener Textkorpora / K. Böke, M. Jung, T. Niehr, M. Wengeler // Einwanderungsdiskurse. Vergleichende diskurslinguistische Studien. Wiesbaden : Westdeutscher Verlag, 2000. 239 S.

[3] Жаботинская С.А. Имя как текст: концептуальная сеть лексического значения (анализ имени эмоции) // Когниция, коммуникация, дискурс. 2013. № 6. С. 47–76.

[4] Воинов А.В., Гаврилова Т.А. Онтология как холистическая модель слабо структурированной предметной области // Третья Междунар. конф. по когнитивной науке, 20–25 июня 2008 г., Москва : тез. докл. : в 2 т. М. : Худ.-изд. центр, 2008. Т. 1. С. 566.

ческое *(nationalsozialistische)*, тираническое (*tyranische*), тоталитарное *(totalitäre)*, деспотическое *(despotische)*, силовое *(Gewaltherrschaft)*, террористическое *(Terrorherrschaft)*;

2) в соответствии с личностными и сверхличностными параметрами *господство* характеризуется как личное *(persönliche)*, неличное *(unpersönliche)*, традиционное *(traditionale)*, харизматическое *(charismatische)*.

Немецкий социолог Генрих Попиц (1925–2002), рассуждая о феномене институционализации *власти (Macht)*, отмечает парадоксальность сложившейся в современных государствах ситуации, когда концентрация *(Konzentration)* власти происходит на фоне ее ограничения *(Begrenzung)*. На примере обществ современной континентальной Европы социолог описывает процесс централизации силы *(Zentralisierung der Gewalt)* и укрепление права *(Rechtsbindung)* силы государства *(Staatsgewalt)*.

По мнению исследователя, государство является одновременно высшей точкой развития *(Höhepunkt)* и переломным моментом *(Abschluss)* исторического развития власти *(Machtprozess)*. Государственное господство *(die Staatliche Herrschaft)*, по Г. Попицу, относится к заключительной степени институционализации власти *(Institutionalisierung von Macht)*. Процесс монополизации власти постоянно ограничивается и не завершается. В этих условиях монополия силы *(Gewaltmonopol)* принципиально не достижима *(zwangsläufig unvollkommen)* [5].

Характеристики способа бытия («X существует ТАК-способ») *господства (Herrschaft)* представляют собой значительный корпус высказываний.

Господство *(Herrschaft)* стремится к ***означиванию***. Его ***семиотика*** не так богата, как у власти *(Macht)*, но включает в себя формы (*Herrschaftsformen*), приемы господства (*Herrschaftstechnik)* и даже свободу от него *(Herrschaftsfreiheit)*.

Акциональный фрейм господства (Herrschaft) описывается с помощью трех пропозициональных схем: состояния/процесса, контактного действия и каузации.

Сфера действия *господства (Herrschaft)* носит системно-деятельностный, событийно-процессуальный характер и включает в себя наименование действий и взаимодействия субъектов господства, его мотивацию и технологию, их научное осмысление:

1) указание на технологию господства, его процессуальность: соотношение *(Herrschaftsverhältnis)*, притязания *(Herrschaftsanspruch)*, безопасность *(Herrschaftssicherung)*, возникновение, формы, действие *(Entstehung, Formen, Wirkungen von Herrschaft, Herrschaftsformation)*, практика *(Herrschaftspraxis)*;

2) психологическое поле господства обозначено только инстинктом, влечением *(Herrschaftsbetrieb)*;

3) осмысление господства, его характеристик стимулирует научное описание и рефлексию, когда господство выступает как объект исследования и обобщения в специальной литературе с помощью специальных методов научного анализа: анализ *(Analyse von Herrschaft)*, концепты *(Herrschaftskonzept)*, строение *(Herrschaftsgebilde)*, социология *(Herrschaftssoziologie)*, моделирование *(Modell politischer Herrschaft)*, теории *(Herrschaftstheorien)*, социология *(Herrschaftstypologie)*.

Процессуальный характер господства давно осознается его исследователями. Известно высказывание Никколо Макиавелли в его книге «Государь» [6], когда философ резюмирует свои размышления о государственном управлении и рекомендует правителю *(Herrscher)* оставаться предельно гибким в выборе своих средств *("in der Wahl seiner Mittel immer flexibel bleiben"* [7]*)*.

Контактность заложена в самой природе господства. Древнегреческий историк Фукидид (ок. 460 — ок. 380 до н. э.) в «Истории Пелопоннесской войны» [8] описывает особое человеческое качество как движущую силу любых политических трансформаций — плеонексию (греч. πλεονεξια), или эгоизм, алчность, корыстолюбие, себялюбие. Это свойство человеческой психологии в сфере политики коррелирует с властным корыстолюбием — *Mehr-Macht-haben-Wollen* [9].

---

[5] Popitz H. Phänomene der Macht. 2 Aufl. Tübingen : Mohr, 1992. S. 258.
[6] Machiavelli N. Der Fürst / Hrsg. von Otfried Höffe. Berlin : Akademie Verl., 2012. 213 S.
[7] Anter A. Theorien der Macht zur Einführung. Hamburg : Junius, 2012. S. 25.
[8] Thucydides. Geschichte des Peloponnesischen Krieges. 3 Aufl. München : Dt. Taschenbuch-Verl., 1981. 731 S.
[9] Anter A. Theorien der Macht zur Einführung. S. 20.

Фукидид, обращаясь к историческим событиям противостояния Афин и Спарты, раскрывает мифологические представления о господстве и метафорически обозначает генезис господства через описание его «действий», которое кроется в человеческой природе и само предлагает себя людям *("die sich uns anbot")*, а им остается только его принять и удержать: *"...wir folgen nur der menschlichen Natur, wenn wir eine Herrschaft, die sich uns anbot, angenommen haben und behalten wollen"* [10].

В рамках новейшей теории господства *(Herrschaftstheorie)* немецкий социолог Макс Вебер (1864–1920) особо останавливается на каузальном потенциале господства, предлагает свою интерпретацию мотивации повиновения подданных *(Gehorsamsmotive der Beherrschten)* и описывает три исторически сложившихся идеализированных, с его точки зрения, типа господства *(Herrschaftsformen)* с опорой на виды повиновения *(Gehorchen)* и с учетом степени их легитимности:

1) рационально-законное господство *(rational-legale Herrschaft)* опирается на веру в законность строя;

2) традиционное господство *(traditionale Herrschaft)* опирается на веру в силу традиции, узаконивающей строй;

3) харизматическое господство *(charismatische Herrschaft)* опирается на веру в святость или героизм *(Heldenkraft)* личности харизматического лидера [11].

Посессивный фрейм господства (Herrschaft) определяется с помощью пропозициональных схем партитивности, инклюзивности и собственности.

Г. Попиц, предложивший пятиуровневую модель институционализации власти *(Macht)* и описавший «шаги институционализации власти» *("Schritten der Institutionalisierung von Macht")*, рассматривает господство *(Herrschaft)* как форму власти *(Macht)* и размещает на третьей, четвертой и пятой ступенях, тем самым отдавая должное его значимости для укрепления власти и определяя его как высшую форму власти:

a) «спорадическая власть» *("sporadische Macht")*, или единичный случай власти;

b) «системная власть» *("normierende Macht")*;

c) «позиционирование», укрепление власти *("Positionalisierung von Macht", "positionalisierte Macht")*, или господство *(Herrschaft)*, которое характеризуется «надличностной» расстановкой сил *("überpersonale" Machtstellung)*;

d) «укрепление господства центральной власти» *("Entstehung von Positionsgefügen der Herrschaft")*;

e) «государственное (монопольное) господство» *("staatliche Herrschaft")* [12].

Концептосфера *господство (Herrschaft)* включает в себя наименование субъектов господства и отношений между ними:

1) наименование субъектов господства, их системно-структурной организации: властитель, государь *(Herrscher)*, правители, «правящие» *(Herrschende)*, подчиненные *(Beherrschte)*, система господства *(Herrschaftssystem)*, структура господства *(Herrschaftsstruktur)*, правящие классы *(herrschende Klasse)*;

2) обозначение отношений господства: отношения/связи *(Herrschaftsbeziehung)*, порядок *(Herrschaftsordnung)*, полномочия *(Herrschaftsbefugnisse)*, «свободные от господства» общества *(herrschaftsfreie Gesellschaft)*, господство/власть большинства *(Mehrheitsherrschaft)*.

Государство, по М. Веберу, характеризуется, во-первых, монополизацией «физической силы» *(physische Gewalt)*, а во-вторых — особыми формами организации знания. Такую форму организации знания называют управлением *(Verwaltung)* или бюрократией *(Bürokratie)*. М. Вебер воспринимал бюрократию не столько как инструмент применения власти, сколько как

[10] Thucydides. Geschichte des Peloponnesischen Krieges. S. 69.

[11] Weber M. Wirtschaft und Gesellschaft. Grundriß der verstehenden Soziologie / Hrsg. J. Winckelmann. 5 Aufl. Tübingen : Mohr, 1985. S. 124.

[12] Popitz H. Phänomene der Macht. S. 236–258.

«носителя власти» (Machtträger), чье положение опирается на знания: специальные (в сфере управления), и должностные. М. Веберу принадлежит афористичное определение бюрократии как господства в силу (на основании) знания: *“Herrschaft kraft Wissen”* [13]. Он же признал, что господство на бытовом уровне воспринимается в первую очередь как управление: *“Herrschaft ist im Alltag primär: Verwaltung”* [14].

Формирование современных государств изменило систему «полномочий господства» *(Herrschaftsbefugnisse)*, которые перешли из рук местных правителей к центральной власти в ходе национализации последней. *Господство (Herrschaft)* стало возможным только на государственном уровне. Такое положение, по наблюдениям Вебера, верно для господства, но не актуально в отношении власти *(Macht)*, поскольку власть свойственна любым человеческим отношениям и не подвергается национализации и монополизации, а *господство (Herrschaft)* формируется только в обществах, включающих в себя индивидов, группы и организации.

Идентификационный фрейм господства (Herrschaft) объединяет пропозициональные схемы персонификации, классификации, характеризации.

Г. Попиц отметил важный признак современной власти — ее *деперсонализацию*, поскольку власть больше не связана с конкретным лицом *(bestimmte Person)*, а связана с определенной функцией *(bestimmte Funktion)*, чтобы можно было менять должностное лицо, «лицо, облеченное властью» *(Inhaber von Machtposition)*, не изменяя «властные обстоятельства» *(Machtverhältniss)*: *“Die Macht ist nicht mehr an eine bestimmte Person gebunden, sondern an eine bestimmte Funktion, so dass die Inhaber von Machtposition abgelöst покрыт, погашен werden können, ohne dass sich etwas am Machtverhältniss ändert”* [15].

Степень личностных отношений у власти *(Macht)* выше, чем у *господства (Herrschaft).* Как справедливо отмечает А. Антер, исполнение власти *(Machtausübung)* связано с личностной сферой *(personale Struktur)*, а господство *(Herrschaft)* — с трансперсональными, надличностными, условиями *(transpersonales Verhältnis)*: “*Während die Machtausübung an eine personale Struktur gebunden ist, bezeichnet Herrschaft ein transpersonales Verhältnis*” [16].

Ханна Арендт в своем интервью Адельберту Рейфу, нарушая описанную выше закономерность, тем не менее, использует персональный маркер господства — «сталинское» *“Herrschaft Stalins”* [17].

Именно господство *(Herrschaft)*, будучи особой формой власти *(Macht)*, ее институционализирует и укрепляет: *“…dass Herrschaft eine besondere Form von Macht ist. Sie institutionalisierte, verfestigte Macht”* [18]. Более того, процесс институционализации власти сам ведет к *господству (Herrschaft)*: *“…nämlich der einer Institutionalisierung von Macht zu Herrschaft”* [19].

Противоположное мнение о соотношении власти *(Macht)* и господства *(Herrschaft)* высказывает французский философ Бертран де Жувенель (1903–1987) в своей книге “Du Pouvoir” (1947) [20]. Его позицию описала Х. Арендт в книге “Macht und Gewalt”: именно власть, по мнению Жувенеля, является инструментом господства *(“Jouvenel definiert Macht … als Instrument der Herrschaft”* [21]).

Смену личного *(persönliche)* господства на неличное *(unpersönliche)* Г. Попиц считал характерным отличием современности.

Современный немецкий политолог Клаус Шлихтер в качестве обобщенного субъекта господства выделяет население *(Bevölkerung)* [22].

---

[13] Weber M. Wirtschaft und Gesellschaft. S. 129.
[14] Ibid. S. 126.
[15] Popitz H. Phänomene der Macht. S. 233.
[16] Anter A. Theorien der Macht zur Einführung. S. 64.
[17] Arendt H. Macht und Gewalt. München : Piper, 2015. S. 120.
[18] Ibid.
[19] Ibid. S. 84.
[20] Jouvenel B. Du pouvoir: Histoire naturelle de sa croissance. Genève : Bourquin, 1947. 462 S.
[21] Arendt H. Macht und Gewalt. München : Piper, 1970. S. 37.
[22] Schlichte K. In the shadow of violence: the politics of armed groups. Frankfurt am Main : Campus-Verl., 2009. S. 85–115.

В истории политических идей от Канта идет традиция определять власть *(Macht)* через родовые признаки — потенцию, способность *(Potenz).* Так, в «Основах метафизики нравственности» *("Die Metaphysik der Sitten")* Кант определяет государство *(Staat)* через власть (нем. *Macht*) и силу (лат. *potential*): *"...eine Macht (potenzia) schlechthin"* [23].

Эту мысль Канта развивает в своем труде "Wirtschaft und Gesellschaft" М. Вебер, для которого власть связана с потенциальностью *(Potenzialität)* и возможностью *(Chance)* что-либо добиваться: *"Macht mit einer Potenzialität zu tun habe, einer Chance, etwas zu bewirken"* [24].

М. Вебер определяет власть как возможность осуществить чью-либо волю в рамках общественных отношений, несмотря на противостояние и вне зависимости от того, на чем эта возможность основывается: *"Macht bedeutet jede Chance, innerhalb einer sozialen Beziehung den eigenen Willen auch gegen Widerstreben durchzusetzen, gleichviel все равно worauf diese Chance beruht"* [25].

Господство (Herrschaft) для М. Вебера тоже возможность *(Chance)* — возможность для каждого распоряжения найти такое содержание, которое поможет человеку повиноваться: *"...die Chance, für einen Befehl bestimmten Inhalts bei angebbaren Personen Gehorsam zu finden"* [26].

Господство в системе координат «распоряжение — повиновение» не что иное, как институционализированная и устоявшаяся форма власти *(Macht)*, которая обучает подчиненных согласию *("ist jede Herrschaft auf Zustimmung der Beherrschten angewiesen"* [27]). Сам Вебер называет *господство (Herrschaft)* частным случаем власти (*Sonderfall von Macht* [28]).

В то время как власть *(Macht)* ищет возможности *(Chance)* воплощения чьей-либо воли, *господство* опирается на распоряжение и повиновение, которые жестко регламентированы законами и правилами.

Для Г. Попица родовым признаком *господства (Herrschaft)* тоже является власть *(Macht).* Его определение *господства* как «позиционной власти» *("positionalisierte Macht")* свидетельствует о том, что власть больше не зависит от человека, занимающего определенную должность, но определяется самой должностью, которая значима сама по себе и зависит от системы подчинения (иерархии), частью которой является [29].

По М. Веберу, «законное господство» *("legitime Herrschaft"*) предполагает, что субъекты господства — господствующие *(Herrschende*) и подданные *(Beherrschte)* — верят в значимость строя и не сомневаются в его полномочии [30].

Немецкие исследователи Тереза Колома Бек и Клаус Шлихте, характеризуя «государственное (монопольное) господство» *("staatliche Herrschaft")* на современном этапе его развития, считают, что оно заключается в законном использовании «физической силы» *("physische Gewalt")* [31], и в этой связи отмечают возвращение к исконному юридическому понимаю «силы» *("Gewalt")* как аналога латинского концепта *"potestas"*, утвердившемуся в исследованиях Георга Йеллинека в значении «сила государства» *("Staatsgewalt").* Современные государства, как считают исследователи, используют силу *("gewaltsam agieren")*, а законное политическое господство всегда прибегает к силовым средствам, и все это сближает понятия *«господство» (Herrschaft)* и «сила» (*Gewalt*): *"Dass Staaten auch gewaltsam agieren und dass auch die legitimste politische Herrschaft immer auf Gewaltmaßnahmen zurückgegrifen hat, all dies hat den Herrschaftsbegriff in die Nähe der Gewalt gerückt"* [32].

Эти отношения в полной мере выражены в понятии *"Gewaltherrschaft"* (господство силы). Как отмечает Ханна Арендт (1906–1975), «господство силы» *(Gewaltherrschaft)* опирается не на мнение подданных, но исключительно на средства насилия [33]. «Господство силы»

---

[23] Kant I. Die Metaphysik der Sitten // Werkausgabe. Bd. 8. Frankfurt am Main : Suhrkamp, 1989. S. 429.
[24] Weber M. Wirtschaft und Gesellschaft. S. 28.
[25] Ibid.
[26] Ibid.
[27] Anter A. Theorien der Macht zur Einführung. S. 56.
[28] Weber M. Wirtschaft und Gesellschaft. S. 541.
[29] Koloma Beck T., Schlichte K. Theorien der Gewalt zur Einführung. Hamburg : Junius, 2014. S. 41.
[30] Ibid.
[31] Ibid.
[32] Koloma Beck T., Schlichte K. Theorien der Gewalt zur Einführung. S. 42.
[33] Arendt H. Macht und Gewalt. 1970. S. 54.

(Gewaltherrschaft), по мнению Х. Арендт, тесно связано с другим господством — террористическим господством *(Terrorherrschaft)*, которое приходит ему на смену, особенно когда сила *(Gewalt)* берет власть над государственным аппаратом *(Staatsapparat)*: *"…die zentrale Kontrolle über den Staatsapparat ergreift"* [34].

Ханна Арендт в своей книге "Elemente und Ursprünge totaler Herrschaft" [35] относит к основам тоталитарного господства идеологию и террор, поскольку идеология ведет к унификации мировоззрения людей, а террор всегда является самоцелью и экзистенциальной основой самой системы.

Т. Колома Бек и К. Шлихте считают важным отметить, тем не менее, что *«господство» (Herrschaft)* и «сила» *(Gewalt)* не являются синонимичными понятиями, поскольку значимым, на их взгляд, является интерпретация и различение того, что приводит к политическому господству *(politische Herrschaft)*: свободное желание следовать правилам *(freiwillige Regelfolgung)* или повиновение *(Gehorsam)* через принуждение *(Zwang)* или силу *(Gewalt)* [36].

В общественных науках отношения между *«господством» (Herrschaft)* и «силой» *(Gewalt)* представляются тонкими, едва уловимыми, а высказывания о них порой граничат с парадоксальностью. Так, некоторые исследователи считают, что господство могло бы держаться только на силе ("*Herrschaft allein auf Gewalt beruhen könne"*), другие же считают, что никакое господство не могло бы держаться только на силе (*"…sich durch Gewalt allein keine Herrschaft halten könne"*) [37].

Компаративный фрейм господства (Herrschaft) представлен пропозициональными схемами тождества (метаморфозы), сходства (аналогии), подобия (метафоры) коррелятов.

Особо необходимо остановиться на тождестве отношений понятий *«господство» (Herrschaft)* и «сила» *(Kraft)*.

Экспликация этих «силовых» отношений отвечает принятой нами научной гипотезе о существовании автономной концептосферы силы с ядерным концептом "Kraft" [38].

Выше мы описали мнение современных исследователей о генетической связи понятия «государственное (монопольное) господство» *("staatliche Herrschaft")* в терминологии Г. Попица с пониманием силы *(Gewalt)* как аналога латинского понятия *"potestas"* в трудах Г. Йеллинека. Наши предположения находят прямое подтверждение в трудах современных исследователей творчества Г. Йеллинека, эксплицирующих эту связь в своих интерпретациях, например *"normative Kraft"* [39].

Следы той же идеи о генетической связи *господства (Herrschaft)* и силы *(Kraft)* выражены, на наш взгляд, в афористичном определении бюрократии как господства в силу (на основании) знания у М. Вебера: *"Herrschaft kraft Wissen"* [40].

В заключение необходимо отметить, что семантическое пространство *господства (Herrschaft)* достаточно полно и системно структурировано.

Концептосфера *господства (Herrschaft)* выявлена по базисным пропозициям с опорой на лексическое значение слов и контексты их употребления в соответствии с репрезентациями всех пяти базисных фреймов: предметного, акционального, посессивного, идентификационного, компаративного.

В ходе исследования были выявлены родовые характеристики господства, к которым эксплицитно относятся *власть (Macht)* у Генриха Попица, *возможность (Chance)* у М. Вебера, а опосредованно — *сила (Kraft)* и *потенция (potenzia)* у Г. Йеллинека.

---

[34] Arendt H. Macht und Gewalt. 1970. S. 56.

[35] Arendt H. Elemente und Ursprünge totaler Herrschaft. Frankfurt am Main : Europ. Verl.-Anst., 1955. 782 S.

[36] Ibid.

[37] Ibid. S. 67.

[38] См., напр.: Степанов В.Н. 'Kraft' ('сила') и 'Geist' ('дух') как концепты актуализации личностного и сверхличностного в философии Вильгельма фон Гумбольдта // Ярославский педагогический вестник. 2015. № 2. Т. 1 : Культурология. С. 74–81 ; Степанов В.Н. 'Kraft' («сила»), 'Geist' («дух»), 'Genie' и 'Genius' («гений») как транспарентные концепты в философии Вильгельма фон Гумбольдта // Иностранные языки в высшей школе. Рязань, 2015. № 1 (32). С. 35–41.

[39] Die normative Kraft des Faktischen: das Staatsverständnis Georg Jellineks / Hrsg. A. Anter. Baden-Baden : Nomos-Verl.-Ges., 2004. 206 S.

[40] Weber M. Wirtschaft und Gesellschaft. S. 129.

Пропозициональные схемы персонификации (имена собственные) в представленном материале не обнаружены, за исключением одного — *“Herrschaft Stalins”* — у Х. Арендт, поскольку господство связано не с конкретным лицом *(bestimmte Person)*, а с определенной функцией *(bestimmte Funktion)*, при этом господство *(Herrschaft)* определяется трансперсональными, надличностными, условиями *(transpersonales Verhältnis)*.

Список использованной литературы

1. Воинов, А.В. Онтология как холистическая модель слабо структурированной предметной области [Текст] / А.В. Воинов, Т.А. Гаврилова // Третья Междунар. конф. по когнитивной науке, Москва, 20–25 июня 2008 г. : тез. докл. — Т. 1. — М., 2008. — С. 566–567.
2. Жаботинская, С.А. Имя как текст: концептуальная сеть лексического значения (анализ имени эмоции) [Текст] // Когниция, коммуникация, дискурс. — 2013. — № 6. — С. 47–76.
3. Степанов, В.Н. ‘Kraft’ («сила») и ‘Geist’ («дух») как концепты актуализации личностного и сверхличностного в философии Вильгельма фон Гумбольдта [Текст] // Ярославский педагогический вестник. — 2015. — № 2. — Т. 1 : Культурология. — С. 74–81.
4. Степанов, В.Н. ‘Kraft’ («сила»), ‘Geist’ («дух»), ‘Genie’ и ‘Genius’ («гений») как транспарентные концепты в философии Вильгельма фон Гумбольдта [Текст] // Иностранные языки в высшей школе. — Рязань, 2015. — № 1 (32). — С. 35–41.
5. Anter, A. Theorien der Macht zur Einführung [Text]. — Hamburg : Junius, 2012. — 171 S.
6. Arendt, H. Elemente und Ursprünge totaler Herrschaft [Text]. — Frankfurt am Main : Europ. Verl.-Anst., 1955. — 782 S.
7. Arendt, H. Macht und Gewalt [Text]. — München : Piper, 1970. — 106 S.
8. Arendt, H. Macht und Gewalt [Text]. — München : Piper, 2015. — 136 S.
9. Die normative Kraft des Faktischen: das Staatsverständnis Georg Jellineks [Text] / Hrsg. A. Anter. — Baden-Baden : Nomos-Verl.-Ges., 2004. — 206 S.
10. Elias, N. Gesammelte Schriften [Text]. — Bd. 15 : Aufsätze und andere Schriften. — Frankfurt am Main : Suhrkamp, 2006. — 575 S.
11. Foucault, M. Subjekt und Macht**)** [Text] // Analytik der Macht / Hrsg. von D. Defert, F. Ewald. — Frankfurt am Main : Suhrkamp, 2005. — S. 240–263.
12. Jellinek, G. Allgemeine Staatslehre [Text]. – Berlin : Häring, 1900. — 726 S.
13. Jouvenel, B. Du pouvoir: Histoire naturelle de sa croissance [Text]. — Genève : Bourquin, 1947. — 462 S.
14. Kant, I. Die Metaphysik der Sitten [Text] // Werkausgabe. — Bd. 8. — Frankfurt am Main : Suhrkamp, 1989. — 885 S.
15. Kielmansegg, Peter Graf. Kirche und Staat in Europa [Text] // Die Politischen Meinung. —2008, April. — N 461. — S. 13–18.
16. Koloma Beck, T. Theorien der Gewalt zur Einführung [Text] / T. Koloma Beck, K. Schlichte. — Hamburg : Junius, 2014. — 187 S.
17. Machiavelli, N. Der Fürst [Text] / Hrsg. von O. Höffe. — Berlin : Akademie Verl., 2012. — 213 S.
18. Morgenthau, H.J. Politics among nations: The struggle for power and peace [Text]. — 2 ed., rev. and enl. — New York : Knopf, 1954. — 600 S.
19. Popitz, H. Phänomene der Macht [Text]. — 2 Aufl. — Tübingen : Mohr, 1992. — 279 S.
20. Schlichte, K. In the shadow of violence: the politics of armed groups [Text]. — Frankfurt am Main : Campus-Verl., 2009. — 256 S.
21. Simmel, G. Gesamtausgabe [Text]. — Bd. 11 : Soziologie: Untersuchungen über die Formen der Vergesellschaftung / Hrsg. von O. Rammstedt. — Frankfurt am Main : Suhrkamp, 1992. — 1051 S.
22. Thucydides. Geschichte des Peloponnesischen Krieges [Text]. — 3 Aufl. — München : Dt. Taschenbuch-Verl., 1981. — 731 S.
23. Vergleichende Diskurslinguistik. Überlegungen zur Analyse national heterogener Textkorpora [Text] / K. Böke, M. Jung, T. Niehr, M. Wengeler // Einwanderungsdiskurse. Vergleichende diskurslinguistische Studien. — Wiesbaden : Westdeutscher Verlag, 2000. — 239 S.
24. Weber, M. Wirtschaft und Gesellschaft. Grundriß der verstehenden Soziologie [Text] / Hrsg. J. Winckelmann. — 5 Aufl. — Tübingen : Mohr, 1985. — 385 S.

References

1. Anter, A. Theorien der Macht zur Einführung [Text]. — Hamburg : Junius, 2012. — 171 S.
2. Arendt, H. Elemente und Ursprünge totaler Herrschaft [Text]. — Frankfurt am Main : Europ. Verl.-Anst., 1955. — 782 S.
3. Arendt, H. Macht und Gewalt [Text]. — München : Piper, 1970. — 106 S.
4. Arendt, H. Macht und Gewalt [Text]. — München : Piper, 2015. — 136 S.
5. Die normative Kraft des Faktischen: das Staatsverständnis Georg Jellineks [Text] / Hrsg. A. Anter. — 1 Aufl. — Baden-Baden : Nomos-Verl.-Ges., 2004. — 206 S.
6. Elias, N. Gesammelte Schriften [Text]. — Bd. 15 : Aufsätze und andere Schriften. — Frankfurt am Main : Suhrkamp, 2006. — 575 S.
7. Foucault, M. Subjekt und Macht [Text] // Analytik der Macht / Hrsg. von D. Defert, F. Ewald. — Frankfurt am Main : Suhrkamp, 2005. — 349 S. — S. 240–263.
8. Jellinek, G. Allgemeine Staatslehre [Text]. – Berlin : Häring, 1900. — 726 S.
9. Jouvenel, B. Du pouvoir: Histoire naturelle de sa croissance [Text]. — Genève : Bourquin, 1947. — 462 S.
10. Kant, I. Die Metaphysik der Sitten [Text] // Werkausgabe. — Bd. 8. — Frankfurt am Main : Suhrkamp, 1989. — 885 S.
11. Kielmansegg, Peter Graf. Kirche und Staat in Europa [Text] // Die Politischen Meinung. —2008, April. — N 461. — S. 13–18.
12. Koloma Beck, T. Theorien der Gewalt zur Einführung [Text] / T. Koloma Beck, K. Schlichte. — Hamburg : Junius, 2014. — 187 S.
13. Machiavelli, N. Der Fürst [Text] / Hrsg. von O. Höffe. — Berlin : Akademie Verl., 2012. — 213 S.
14. Morgenthau, H.J. Politics among nations: The struggle for power and peace [Text]. — 2 ed., rev. and enl. — New York : Knopf, 1954. — 600 S.
15. Popitz, H. Phänomene der Macht [Text]. — 2 Aufl. — Tübingen : Mohr, 1992. — 279 S.
16. Schlichte, K. In the shadow of violence: the politics of armed groups [Text]. — Frankfurt am Main : Campus-Verl., 2009. — 256 S.
17. Simmel, G. Gesamtausgabe [Text]. — Bd. 11 : Soziologie : Untersuchungen über die Formen der Vergesellschaftung / Hrsg. von O. Rammstedt. — Frankfurt am Main : Suhrkamp, 1992. — 1051 S.
18. Stepanov, V.N. ‘Kraft’ (‘force’) and ‘Geist’ (‘spirit’) As Concepts Foregrounding the Personal and Super-Personal in the Philosophy of Wilhelm von Humboldt [Text] // Yaroslavsky pedagogicheskiy vestnik [Yaroslavl’ Pedagogical Bulletin]. — 2015. — N 2. — Vol. 1 : Cultural Studies. — P. 74–81.
19. Stepanov, V.N. ‘Kraft’ (‘force’), ‘Geist’ (‘spirit’), ‘Genie’ and ‘Genius’ As Transparent Concepts in the Philosophy of Wilhelm von Humboldt [Text] // Inostrannye yazyki v vysshei shkole [Foreign Lanmguages in Tertiary Education. — Ryazan, 2015. — N 1 (32). — P. 35–41.
20. Thucydides. Geschichte des Peloponnesischen Krieges [Text]. — 3 Aufl. — München : Dt. Taschenbuch-Verl., 1981. — 731 S.
21. Vergleichende Diskurslinguistik. Überlegungen zur Analyse national heterogener Textkorpora [Text] / K. Böke, M. Jung, T. Niehr, M. Wengeler // Einwanderungsdiskurse. Vergleichende diskurslinguistische Studien. — Wiesbaden : Westdeutscher Verlag, 2000. — 239 S.
22. Voinov, A.V. Ontology as a Holistic Model of a Loosely Structured Subject Field [Text] / A.V. Voinov, T.A. Gavrilova // Tretya mezhdunarodnaya konferentsiya po kognitivnoi nauke [Third International Conference on Cognitive Studies] (Moscow, June 20–25, 2008) : Abstracts of papers. — Vol. 1. — M., 2008. — P. 566–567.
23. Weber, M. Wirtschaft und Gesellschaft. Grundriß der verstehenden Soziologie [Text] / Hrsg. J. Winckelmann. — 5 Aufl. — Tübingen : Mohr, 1985. — 385 S.
24. Zhabotinskaya, S.A. A Name as a Text: the Conceptual Network of Lexical Meaning (Analysis of Nominating Emotions) [Text] // Kognitsiya, kommunikatsiya, diskurs [Cognition, Communication, Discourse]. — 2013. — N 6. — P. 47–76.

РАЗДЕЛ II

ИССЛЕДОВАНИЕ ЯЗЫКА В ДИНАМИКЕ ЕГО РАЗВИТИЯ

УДК 81’34.115 + 81’34:575.82

А.Д. Петренко, д-р филол. наук
Д.М. Храбскова, канд. филол. наук
(Таврическая академия («Крымский федеральный университет
имени В.И. Вернадского»), Симферополь, Республика Крым)

Редукция гласных как внутренний фактор фонетической эволюции языка

В статье определяется место и роль процесса редукции гласных в формировании механизмов языковой эволюции на фонематическом уровне. Научная новизна исследования заключается в типологизации существующих видов фонетических изменений по фактору редукционной модификации. Фонетические трансформации эволюционного типа делятся на парадигматические изменения в системе языка и синтагматические модификации в речи. Изучение истории современных языков и анализ полученных результатов дают возможность классифицировать языковые изменения в зависимости 1) от скорости развития (быстрые и медленные), 2) степени осознания носителями языка (малозаметные и легко воспринимаемые), 3) степени влияния на языковой код (глубинные и поверхностные, неустойчивые и систематические). Все три характеристики находятся в отношениях системной зависимости. Чаще всего, если изменение медленное, то оно малозаметное, глубинное и систематическое. И наоборот, быстрые изменения характеризуются как легко воспринимаемые, поверхностные и неустойчивые. Нововведения первого типа характеризуют фонологический и грамматический уровни языка. Изменения второго типа свойственны лексической субсистеме.

В свою очередь, любая синтагматическая модификация звуков речи, будь то комбинаторная или позиционная, сводится к процессу редукции. Существуют два ядерных типа редукции: количественная и качественная, а также переходный количественно-качественный тип, выражающийся в процессе монофтонгизации/дифтонгизации гласных. Гласные фонемы характеризуются также неявным типом редукции, проявляющимся в безударной позиции. В подобных случаях речь идет о развитии феномена «шва» (“*schwa*”**)** с тенденцией к трансформации фонематической системы.

фонема, фонетические и фонематические изменения, эволюция языка, редукция гласных

Petrenko, Aleksandr, Ph. D. Doctor of Philology, Professor,
Khrabskova, Danuta, Ph. D. (Philology), Associate Professor
Tavricheskaya Academy (Branch of Krym Federal University
named after B.I. Vernadsky, Simferopol, Crimea)

Vowel Reduction as an Inner Factor of the Phonetic Evolution of the Language

The analytical scientific research is devoted to defining the place and role of the vowel phoneme reduction process in forming the mechanisms of the language evolution at the phonemic level. The scientific novelty of the research is in classification of the existing kinds of the phonetic changes according to the factor of the reduction modification. The phonetic transformations of the evolution type are divided into paradigmatic changes in the language system and syntagmatic modifications in speech. History of the modern languages and analysis of the data available provide an opportunity to classify the linguistic changes according to three characteristics: 1) depending on the rate of development — quick and slow; 2) depending on the degree of awareness by the native speakers — imperceptible and easy-to-perceive; 3) depending on the degree of influence on the language code — deep and surface, unstable and systematic. The three characteristics are system-dependent. Mostly, if the change is slow, it is imperceptible, deep and systematic, contrariwise, quick changes are characterized as easy-to-percept, surface and unstable. The latter innovations are typical of the lexical level of the language. The former ones characterize phonologic and grammar levels.

© Петренко А.Д., Храбскова Д.М., 2017

In its turn, any syntagmatic modification of the speech sounds, whether combinatorial or positional, comes down to the process of reduction. There are two nuclear types of the reduction: quantitative and qualitative, and also there is transitional quantitative-qualitative type, which is realised in the process of monophthongization/diphthongization of vowels. The vowel phonemes are also characterized by the implicit type of reduction, observable in the unstressed position. Such occurrences give vivid evidence to the development of "schwa" phenomenon, with a general tendency to the phonemic system transformation.

phoneme, phonetic and phonemic changes, language evolution, vowel reduction

Теория эволюционистики начинает активное развитие с середины XIX века, по преимуществу в работах биологов, и формирует тектологическое направление, отображенное в интердисциплинарных положениях экономиста А.А. Богданова в первой четверти XX века. Проблема природы языковой эволюции ведет историю от А. Шлейхера и его Stammbaumtheorie («древо языков»), активно развивается и обсуждается в лингвистической среде уже более полутора веков, доныне оставаясь актуальной. Однозначного мнения о причинах, заставляющих двигаться механизмы трансформационных процессов в языковой системе, не существует. Эволюционные изменения имеют место в истории каждого языка, — это факт неоспоримый, хотя и не настолько очевидный, как может представляться на первый взгляд. Научная новизна представленного аналитического исследования заключается в рассмотрении процесса редукции звука речевой цепи как стандартизированного механизма звуковых изменений языка, объединяющего все типы комбинаторных и позиционных фонетических процессов.

Для человека, непосредственно не связанного с лингвистикой, языковые модификации в большинстве случаев остаются незаметными. Е.Д. Поливанов в статье «Где лежат причины языковой эволюции» приводит размышление среднестатистического японца, делающего достаточно логичные, по его мнению, выводы о невозможности изменения языка в принципе, поскольку, как полагает японец, «когда мы учимся говорить, мы лишь заучиваем тот язык, на котором общаются наши родители; а они, в свою очередь, усвоили язык своих родителей. <…> Нашим заданием в детстве, как и заданием наших родителей и их предков, в период усвоения языка, было вовсе не переиначивание слов, а, наоборот, — необходимость научиться разговаривать именно так, как это делают взрослые» [1]. Нормативным является коллективное намерение наследования (имитации), а не умышленного изменения ныне существующей языковой системы. Исключение составляют те случаи, когда используемый язык/языковая форма реализуются в качестве криптолалии. Основная функция языка — коммуникативная — по определению исключает преднамеренное изменение языкового кода, поскольку этот процесс может угрожать новой генерации утратой способности использовать язык как способ общения со старшим поколением. Однако на территории распространения латинского языка сформировались французский, испанский, итальянский и т. д., а современный китаец вряд ли без специальной подготовки поймет древнекитайский текст. Одно из первых эмпирических исследований в области изучения фонетических изменений принадлежит Л. Гошá [2]. Результаты проведенного швейцарским диалектологом анализа отобразили ряд парадоксов, связанных с развитием и модификацией языковых единиц. Л. Гошá установил, что в Шармее, небольшом селении французской Швейцарии, представители пяти разных поколений неодинаково произносят пять гласных и один согласный. Таким образом, можно было сделать вывод о наметившемся языковом изменении. По прошествии нескольких десятилетий другой исследователь, Э. Германн [3], фиксирует развитие и распространение установленных Л. Гошá реализаций. Данный пример подтверждает не только потенциальную способность языка к изменениям, но и возможность прогнозирования этих изменений.

Целью представленного исследования является изучение процесса редукции гласных как одного из внутриязыковых факторов, влияющих на развитие и темпы эволюции фонетической системы языка. К задачам работы относится раскрытие понятия «языковое изменение» с точки

---

[1] Поливанов Е.Д. Где лежат причины языковой эволюции // Общее языкознание : хрестоматия / сост. Б.И. Косовский. Минск : Наука, 1976. С. 152.

[2] Gauchat L. L'unité phonétique dans le patois d'une commune // Aus romanischen Sprachen und Literaturen: Festschrift Heinrich Morf. Halle. 1905. S. 368.

[3] Hermann E. Lautveränderungen in der Individualsprache einer Mundart // Nachrichten der Gesellschaft der Wissenschaften zu Göttingen. 1929. Vol. 11. S. 457.

зрения логического позитивизма, составление классификации языковых изменений по их функциональной характеристике, изучение механизмов процесса редукции гласных в их корреляции с темпами и качеством фонетических изменений.

Существуют такие понятия и явления, важные для общественной деятельности человека, изменение которых является нежелательным. Например, эталоны единиц измерения. В их числе наиболее наглядным представляется эталон метра. Эти единицы не должны изменяться, и общество тщательно оберегает их стабильность. Более того, изменения в их материальном воплощении связаны со все более строгими требованиями к неизменности сущности. «Когда-то эталоном метра был металлический стержень, сохранявшийся в особенных стабильных условиях в Париже, сейчас — это условное количество определенных электрических волн» [4]. Но в любом случае метр составляет основную единицу длины.

Фонетическая система языка, как и сам язык в целом, относится к таким же базовым социальным понятиям. Положение о том, что изменение произношения (во времени и пространстве) препятствует функционированию языкового кода, особенно если он обслуживает высшие общественные потребности, доказывают литературные языки. В данных языковых стратах процесс звуковых изменений замедлен именно потому, что они представляют собой средство сохранения и проявления культуры. Одновременно в этих субсистемах высшего социального порядка подавляется вариативность произношения в пространстве: литературный язык не имеет диалектов. Язык полноценно исполняет свое назначение в том случае, когда его звуковая система способна дифференцировать смысл. Прекратил существовать определенный звук, на его месте появляется новый: галло-романский [u] сменяется старофранцузским [y]. Другой пример: количественная редукция гласного [e] в позиции после ударения в конце слова, обусловленная стремлением старофранцузского языка к окситоническому ударению, привела к исчезновению различительного признака женского рода [*ami/amie*]. Однако фонетическая система немедленно отреагировала на это изменение, компенсировав утрату новым коррелятивным признаком гласных фонем по количеству: долгие/краткие [*ami/ami:*]. Имеет место количественное или качественное изменение в системе, но смыслоразличительная функция продолжает реализовываться. Этим требованием обусловлено существование самой системы.

Свидетельства о языковых и, в частности звуковых, изменениях можно найти еще в произведениях античных авторов. Приложение к грамматике III века “Appendix Probi”, которое является источником изучения как нормативного классического, так и народного латинского языка, указывает на строгие фонетические законы и норму классического произношения:

– tabula non tabla (количественная редукция — синкопа);
– crista non crysta (качественная редукция по признаку лабиализации);
– formica non furmica (качественная редукция по признаку ряда);
– caelebs non celeps (количественно-качественная редукция — монофтонгизация дифтонга).

Система элементов языка как средства консолидации и выражения самоопределения нации требует высокой степени устойчивости. Кардинал Франции А. де Ришелье, понимая важность этой функции языка в процессе становления государства, следующим образом формулирует задание, предписанное Французской академии в ее Уставе от 1635 года: «Со всей возможной заботой и терпением трудиться для того, чтобы дать точные правила нашему языку и сделать его пригодным для рассуждений об искусстве и науке» [5].

На вопрос, каким образом происходят языковые изменения, отвечает история отдельных языков на основании эмпирического материала, а также компаративная и контактная лингвистика, используя генеалогическую и ареальную интерпретации. Общие тенденции в развитии языка базируются на зафиксированных фактах языковых изменений. При этом следует учитывать, что процесс языковой эволюции не избавлен от «ускорений и замедлений, внезапных скачков и остановок» [6]. Изучение истории современных языков и анализ полученных результатов дают возможность классифицировать языковые изменения по трем характеристикам:

1) в зависимости от скорости развития — быстрые и медленные;

---

[4] Дешериев Ю.Д., Крысин Л.П. О причинах фонетических изменений // Влияние социальных факторов на функционирование и развитие языка. М. : Наука, 1988. С. 47.

[5] Мейе А. О развитии языков от эпохи первоначальной общности до исторической эпохи // Общее языкознание : хрестоматия / сост. Б.И. Косовский. Минск : Наука, 1976. С. 166.

[6] Поливанов Е.Д. Где лежат причины языковой эволюции. С. 152.

2) в зависимости от степени осознания носителями языка — малозаметные и легко воспринимаемые;

3) в зависимости от степени влияния на языковой код — глубинные и поверхностные, неустойчивые и систематические.

Все три характеристики находятся в отношениях системной зависимости. Чаще всего, если изменение медленное, оно является малозаметным, глубинным и систематическим. И наоборот, быстрые изменения характеризуются как легко воспринимаемые, поверхностные и неустойчивые. Нововведения первого типа характеризуют фонологический и грамматический уровни языка. Изменения второго типа свойственны лексической субсистеме. Результаты исследования социофонетической вариативности современного немецкого языка в Германии на обширном материале подтверждают положение о том, что, если в лексике и семантике развитие инноваций может быть доступным практически визуальному наблюдению, то грамматика требует более сложных методов регистрации и контроля, равно как фонетика и фонология [7].

Фонетические изменения, по определению, происходят согласно устойчивой схеме логических законов. Сущность этих законов такова, что при изменении (даже упрощении) чего-либо имеет место компенсация. В случае с фонетикой подобная компенсация может приводить даже к усложнению артикуляции. Появление во французском языке носовых гласных обусловлено рядом факторов, в том числе и законом редукции консонантных групп: *longer* — упрощение консонантизма привело к усложнению вокалической системы.

В исторической фонологии принято различать парадигматические изменения, фиксирующиеся на уровне системы языка, и синтагматические модификации, происходящие в речи носителей языка систематически. С последними, то есть с изменениями звукового состава слов при сохранении инвентаря фонем, общество встречается повсеместно. Языковые изменения сначала проявляются на идиолектном уровне и не носят системного характера. Но дальнейшее развитие каждого звукового изменения осуществляется по одной и той же схеме. Кто-то ввел в употребление *твóрог*, кто-то начал произносить [larm] вместо нормативных *творóг* и [lerme]. Нововведения имели некое количество сторонников, осознанно использующих в речи подобные формы. Со временем это количество увеличилось путем социальной апперцепции. И лишь позже, при стечении определенных обстоятельств, изменения имели возможность быть признанными языковым сообществом. В конце XVI века М. Монтень положил начало изменению звуковой и орфографической форм прилагательного «счастливый», произнося, а затем зафиксировав письменно вариант *“heureux”*, вместо общепринятого в то время *“hureux”*. Сначала о допустимости существования подобных форм спорят, затем начинают активно использовать их в речи. В итоге новые слова и варианты становятся единственно возможными. Сегодня лишь в учебниках и орфографических словарях сохранились свидетельства о еще не таких давних формах, как *áнглийский, библиóтека, симвóл.* Известны также и обратные случаи: историей языка зафиксировано немало фактов остановки языковых сдвигов, отторжения нового способа произношения и возврата к консервативному стилю. Примером подобного явления может служить изменение в произношении слова *[Pari]* в XVI веке: на севере и в говорах Лангедока намечается тенденция к произношению *[Pazi]*, одновременно в разговорном варианте французского языка используется форма *[Pεri]*. Ни первая, ни вторая не выдержали конкуренции с общепринятым произношением. Если фонетическое изменение все же имеет место, оно закрепляется в определенной позиции. В ряде случаев, если изменение охватывает все возможные позиции, то лишь тогда звук изменяется в языке в целом. Вместе с тем следует подчеркнуть следующую взаимозависимость: чем более мотивирован знак, тем он устойчивее и тем легче он может противостоять звуковым изменениям. В данном контексте речь идет, в первую очередь, о звукоподражании и эмфазе.

Практически любая знаковая система, используемая человеком, несет в себе избыточную информацию. Этот избыток необходим: при его отсутствии каждая ошибка слуха, произношения, печатная приводила бы к приему ложных сообщений. Однако всегда существует потребность к упрощению. Эта потребность приводит в движение позиционный процесс: в определенных позициях звуки либо вовсе исчезают, либо утрачивают различительные признаки (имеет место нейтрализация фонем). Данные позиционные модификации делят на комбинаторные и собственно позиционные. К первым относят аккомодацию, ассимиляцию, диссимиляцию.

---

[7] Петренко А.Д. Социофонетическая вариативность современного немецкого языка в Германии. К. : Рідна мова, 1998. 255 с.

Вторую группу составляют оглушение согласных в конце слова и редукция гласных в безударных позициях. Последняя является достаточно значимым явлением, поскольку приводит к образованию таких фонетических феноменов, как немецкий Murmellaut либо французский [∂] «беглый» (caduc). Исключительность подобных единиц заключается в том, что их соотнесенность с отдельными фонемами языка или определение как аллофонов, существующих в системах исследуемых языков, — вопрос постоянных дискуссий филологов.

Фундаментальные исследования редукции гласных дали возможность установить два ее типа: качественную и количественную. Качественная редукция характеризуется возникновением устойчивых различительных признаков звука. В истории развития языков зафиксированы случаи, когда качественная редукция становится причиной формирования новых фонем, например, появление в старофранцузском языке гласной фонемы [y] вместо [u]. Это изменение изначально обусловлено общим смещением артикуляции старофранцузского языка вперед в сравнении с народной латынью. Именно этот признак, место артикуляции, является коррелятивным дифференциальным для пары фонем современного французского языка [y]/[u]. Таким образом, качественную редукцию можно отнести к факторам создания фонологически значимых признаков, то есть «признаков, по которым осуществляется противопоставление звуков, способных дифференцировать интеллектуальные значения» [8].

Одновременно возникает вопрос: можно ли количественную редукцию или полную нейтрализацию гласного в слабой позиции принять за признак, являющийся достаточным для выделения отдельной фонемы. Профессор Л.В. Щерба дает положительный ответ. Он предлагает различать в фонологической системе французского языка отдельную фонему «[∂]-беглый». Основное общетеоретическое обоснование точки зрения Л.В. Щербы заключается в том, что, исходя из положения об артикуляционном единстве звуков, отнесенных к одной фонеме, он рассматривает результаты позиционных изменений одной и той же фонемы как чередование разных фонем. «Во французском языке следует различать две фонемы [oe]: одна является той, которая никогда не выпадает и которую мы будем обозначать через [oe], и другая, которая в речи при определенных условиях может выпадать и которую, хотя она фонетически совпадает с первой, мы обозначим через [∂]» [9].

В доказательство приводится пример глаголов *peupler [poeple]* и *demander [d∂mã:de]*, имеющих в начальных слогах качественно одинаковые гласные. В позиции после предлога “á” их акустическая форма может быть отображена следующим образом: *[apoeple]* и *[ad(∂)mã:de]*, или вариант *[admã:de]*. То есть фонемой [∂] называется такой [oe], который в заданных условиях чередуется с нулем звука.

По определению Н.С. Трубецкого, «установить то, что два звука представляют разные фонемы (а не два варианта, или вариации одной фонемы), можно при изучении их в позиционно одинаковых условиях, поскольку только в этом случае становится полностью понятным, что именно эти два различительных звука противостоят один другому по своей смыслоразличительной форме» [10]. Однако редуцированные гласные всегда находятся в слабой позиции, то есть являются безударными. Необходимым (хотя и недостаточным) условием реализации всех фонетических противопоставлений во французском языке считается их положение под потенциальным ударением. Исследуемая фонема [∂], как указывалось ранее, реализуется в несколько исключительных позициях, нежели все иные гласные фонемы. Однако П.С. Кузнецов [11] приводит один пример, когда эта фонема может оказаться под ударением. В данном случае она выступает как [oe], таким образом отождествляясь с последней. Это случай ударного объектного местоимения *le* (например, *prendsle*). Поскольку именно это *le*, которое оказывается указательным местоимением, в безударной позиции служит наиболее характерным примером [∂] «беглого». Оба *le* имеют одинаковый фонематический состав и не различают смысла. Следуя Московской фонологической школе, расценивать звукотип [∂] как отдельную фонему лишь на том основании, что он факультативно чередуется с нулем, не представляется обоснованным.

---

[8] Трубецкой Н. С. Основы фонологии. М. : Аспект Пресс, 2000. С. 51.

[9] Щерба Л.В. Фонетика французского языка. М. : Просвещение, 1957. С. 103.

[10] Трубецкой Н. С. Основы фонологии. С. 39.

[11] Кузнецов П.С., Реформатский А.А. К вопросу о фонематической системе современного французского языка // Из истории отечественной фонологии. М. : Наука, 1970. С. 163–203.

Подобные теоретические истоки обнаруживаются и в вопросе о фонологическом статусе редуцированного гласного [∂] Murmellaut в немецком языке, за исключением того, что он может быть результатом не только количественной редукции, но и качественной, а также никогда не встречаться в позиции под ударением. Но, следуя Л.Р. Зиндеру, «его следует считать не более чем аллофоном фонемы [ε], а иногда [e:]» [12]. Л.Р. Зиндер доказывает возможность воспринимать практически идентичными позиции, когда гласные [∂]/[ε] чередуются как безударный и ударный в одной морфеме *['le:b∂n] leben — [le:'bεndıç] lebendig*, и этого, по его мнению, достаточно, чтобы рассматривать их как аллофоны одной фонемы.

И все же проблема редуцированного [∂], подробно описанная Х. Крехом [13], дискутируется уже более 60 лет в теории и практике немецкого языка. Достаточно долгое время орфоэпические словари не признавали как норму стандартного произношения возможность количественной редукции гласного. Однако последние издания GWDA (1982), DUDEN (1990) допускают в немецком стандартном произношении элизию “e” во флексиях, в позиции перед смычными, или в комбинациях «сонорный + смычный», сопровождающуюся частичной ассимиляцией согласного. Уже давно в немецком языке стали традицией и отмечены в различных исследованиях те случаи использования редуцированного [∂], которые наглядно демонстрируют процесс сближения реальных тенденций произношения и правил, регулирующих его кодифицированную норму. Элизия [∂] не приводит к деформации смысла слов, она происходит в разных контекстах общения при разном темпе речи, являя собою более престижную реализацию, нежели полное произношение гласного. То же самое можно наблюдать и во французском языке: провансальский акцент характеризуется наличием большинства «беглых» [∂].

В заключение следует отметить, что редуцированные гласные одного типа с [∂] «беглым» и [∂] Murmellaut являются результатом синтагматических модификаций, имеющих место в истории каждого языка. Как известно, общий процесс редукции гласных в слабых позициях может состоять из двух этапов: качественной и количественной редукции. Качественная редукция способна привести к формированию новых фонем, но лишь в случаях, когда она охватывает указанный звук во всех позициях в целом. Количественная же редукция, как наглядно демонстрируют примеры, не является фактором формирования новых фонем, а только обусловливает частичную или абсолютную трансформацию существующих. Недостаточно аргументированным в пределах теории фонологии остается тезис о существовании самостоятельной фонемы [∂] во французском и немецком языках, обусловленный лишь тенденцией ряда фонем в слабых позициях к количественной редукции.

Редукция гласных как фонетический процесс может служить подтверждением концепции, согласно которой звуковые изменения происходят именно за счет существования избыточной информации, передаваемой фонемой в данной позиции. Один из факторов, указывающих на существование избыточной информации, заключается в сохранении сигнификативной функции значимых единиц даже в условиях полной редукции гласного.

Список использованной литературы

1. Дешериев, Ю.Д. О причинах фонетических изменений [Текст] / Ю.Д. Дешериев, Л.П. Крысин // Влияние социальных факторов на функционирование и развитие языка. — М. : Наука, 1988. — С. 41–55.

2. Зиндер, Л.Р. Теоретический курс фонетики современного немецкого языка [Текст]. — М. : Просвещение, 2003. — 140 с.

3. Кочерган, М.П. Загальне мовознавство [Текст]. — К. : Видавничий центр “Академія”, 2003. — 464 с.

4. Кузнецов, П.С. К вопросу о фонематической системе современного французского языка [Текст] / П.С. Кузнецов, А.А. Реформатский // Из истории отечественной фонологии. — М. : Наука, 1970. — С. 163–203.

5. Либерман, А.С. Заметки о теории звуковых изменений (на германском материале) [Текст] // Проблемы фонетики : сб. ст. / отв. ред. Р.Ф. Касаткина. — М. : Наука, 2002. — С. 12–26.

6. Мартине, А. Принцип экономии в фонетических изменениях [Текст]. — М. : Наука, 1960. — 261 с.

7. Мейе, А. О развитии языков от эпохи первоначальной общности до исторической эпохи [Текст] // Общее языкознание : хрестоматия / сост. Б.И. Косовский. — Минск : Наука, 1976. — С. 164–172.

[12] Зиндер Л.Р. Теоретический курс фонетики современного немецкого языка. М. : Просвещение, 2003. С. 99.

[13] Beiträge zur deutschen Ausspracheregelung / Hrsg. H. Krech. Berlin, 1961. 80 S.

8. Петренко, А.Д. Социофонетическая вариативность современного немецкого языка в Германии [Текст]. — К. : Рідна мова, 1998. — 255 с.

9. Поливанов, Е.Д. Где лежат причины языковой эволюции [Текст] // Общее языкознание : хрестоматия / сост. Б.И. Косовский. — Минск : Наука, 1976. — С. 147–164.

10. Прокопова, Л. І. Соціолект школярів і німецька літературна вимова [Текст] // Мови європейського культурного ареалу. Розвиток і взаємодія. — К. : Довіра, 1995. — С. 163–168.

11. Трубецкой, Н.С. Основы фонологии [Текст]. — М. : Аспект Пресс, 2000. — 352 с.

12. Храбскова, Д.М. Фонетична еволюція французького мовлення етнічних французько-німецьких білінгвів [Рукопись] : дис. … канд. філол. наук: 10.02.05. — Сімферополь : ТНУ ім. В.І. Вернадського, 2006. — 241 с.

13. Щерба, Л.В. Фонетика французского языка [Текст]. — М. : Просвещение, 1957. — 320 с.

14. Beiträge zur deutschen Ausspracheregelung [Text] / Hrsg. H. Krech. — Berlin, 1961. — 80 S.

15. Bloomfield, L. Language [Text]. — N.Y. : Henry Holt, 1933. — 386 p.

16. Borodina, M. Phonétique historique du français [Text]. — L. : Nauka, 1961. — 280 p.

17. Chigarevskaïa, N. Précis d'histoire de la langue française [Text]. — L. : Nauka, 1974. — 340 p.

18. Gauchat, L. L'unité phonétique dans le patois d'une commune [Text] // Aus romanischen Sprachen und Literaturen: Festschrift Heinrich Morf. Halle. — 1905. — S. 368.

19. Hermann, E. Lautveränderungen in der Individualsprache einer Mundart [Text] // Nachrichten der Gesellschaft der Wissenschaften zu Göttingen. — 1929. — Vol. 11. — S. 457.

20. Labov, W. The social stratification of English in New York city [Text]. — Washington : D.C., 1966.

21. Wolf, H. Sprachwandel in soziolinguistischer Sicht [Text] // Germanistische Linguistik. — Georg Olms Verlag, 1970. — Vol. 1. — N 6. — 700 S.

References

1. Beiträge zur deutschen Ausspracheregelung [Text] / Hrsg. H. Krech. — Berlin, 1961. — 80 S.

2. Bloomfield, L. Language [Text]. — N.Y. : Henry Holt, 1933. — 386 p.

3. Borodina, M. Phonétique historique du français [Text]. — L. : Nauka, 1961. — 280 p.

4. Chigarevskaïa, N. Précis d'histoire de la langue française [Text]. — L. : Nauka, 1974. — 340 p.

5. Desheriyev, Yu.D. O prichinakh phoneticheskikh izmeneniy [On the causes of phonetic changes] [Text] / Yu.D. Desheriyev, L.P. Krysin // Vliyaniye sotsialnykh faktorov na funktsionirovaniye I razvitiye yazyka [The Influence of social factors on the functioning and development of language]. — M. : Nauka, 1988. — P. 41–55.

6. Gauchat, L. L'unité phonétique dans le patois d'une commune [Text] // Aus romanischen Sprachen und Literaturen: Festschrift Heinrich Morf. Halle. — 1905. — S. 368.

7. Hermann, E. Lautveränderungen in der Individualsprache einer Mundart [Text] // Nachrichten der Gesellschaft der Wissenschaften zu Göttingen. — 1929. — Vol. 11. — S. 457.

8. Khrabskova, D.M. Phonetychna evoljutsiya frantsuzkogo movlennja etnichnykh frantsuzko-nimetskykh bilingviv [Phonetic evolution of the French language French-German ethnic bilinguals] [Rukopis] : dis. … kand. filol. nauk : 10.02.05. — Simferopol : TNU V.I. Vernadsky, 2006. — 241 p.

9. Kochergan, M.P. Zagalne movoznavstvo [General linguistics] [Text]. — K. : Vidavnichy tsenter "Academy", 2003. — 464 p.

10. Kuznetsov, P.S. K voprosu o phonematicheskoy systeme sovremennogo frantsuzskogo yazyka [To the question of the phonemic system of the modern French language] [Text] / P.S. Kuznetsov, A.A. Reformatsky // History of Russian phonology. — M. : Nauka, 1970. — P. 163–203.

11. Labov, W. The social stratification of English in New York city [Text]. — Washington : D.C., 1966.

12. Lieberman, A.S. Zametky o theory zvukovykh izmeneny (na germanskom materiale [Notes on the theory of sound change (on German material)] [Text] // Problemy phonetiky [Problems of phonetics] : sb. st. / otv. red. R.F. Kasatkina. — M. : Nauka, 2002. — S. 12–26.

13. Martinet, A. Printsyp ekonomiy v phoneticheskikh izmeneniyakh [The Principle of economy of phonetic changes] [Text]. — M. : Nauka, 1960. — 261 p.

14. Meillet, A. O razvitiy yazykov ot epokhi pervonachalnoy obshchnosty do istoricheskoy epokhi [On the development of languages from the era of the original community to the historic era] [Text] // Obshcheye yazykoznaniye [General linguistics] : Reader. / Comp. B.I. Kosovsky. — Minsk : Nauka, 1976. S. 164–172.

15. Petrenko, A.D. Sociophoneticheskaya variativnost sovremennogo nemetskogo yazyka v Germaniy [Sociophonetic variation of the modern German language in Germany] [Text]. — K. : Ridna mova, 1998. — 255 p.

16. Polivanov, E.D. Gde lezhat prichiny yazykovoy evoljutsiy [Where are the causes of language evolution] [Text] // Obshcheye yazykoznaniye [General linguistics] / sost. B.I. Kosovsky. — Minsk : Nauka, 1976. P. 147–164.

17. Prokopova, L.I. Sotsiolect shkoljariv i nimetska literaturna vymova [Sociolect of students and German pronunciation] [Text] // Movy jevropejskogo kulturnogo arealu. Rozvytok i vzayemodiya [Languages European cultural area. Development and interaction]. — Kyiv : Dovira, 1995. P. 163–168.

18. Shcherba, L.V. Phonetika frantsuzskogo yazyka [Phonetics of the French language] [Text]. — M. : Education, 1957. — 320 p.
19. Trubetskoy, N.S. Osnovy phonologiy [Basics of phonology] [Text]. — M. : Aspect Press, 2000. — 352 p.
20. Wolf, H. Sprachwandel in soziolinguistischer Sicht [Text] // Germanistische Linguistik. — Olms Varia 1, 1970. — N 6. — 700 S.
21. Zinder, L.R. Theoretichesky kurs phonetiki sovremennogo nemetskogo yazyka [Theoretical course of phonetics of modern German language] [Text]. — M. : Progress, 2003. — 140 p.

УДК 81'06

Д.Ю. Проскурякова, аспирант
(Орловский государственный университет
имени И.С. Тургенева, Россия)

Элементы современного французского языка пригородов в художественном тексте (на материале романа Фаизы Ген "Kiffe kiffe demain")

В статье анализируются неконвенциональные языковые элементы в дебютном романе Фаизы Ген "Kiffe kiffe demain". Писательница работает в направлении littérature beur и littérature urbaine («арабская литература» и «урбанистическая литература») — двух связанных между собой направлений современной французской прозы. Рассматривается феномен *français contemporain des cités* — современного французского языка пригородов — термин, введенный в употребление французским арготологом Ж.-П. Гудайе. Анализ нестандартного вокабуляра проводится на основании алгоритма Э.М. Береговской с указанием частотности использования лексем и способов их семантизации. На основании результатов анализа автор делает вывод о романе как ярком образце использования современного французского языка пригородов в художественном тексте.

художественный текст, Фаиза Ген, неконвенциональные лексемы, верлан, частотность арготического словоупотребления

Proskuryakova, Darya, Post-Graduate Student
(Orel State University named for I.S. Turgenev, Orel, Russia)

Elements of Modern Suburban French in a Literary Text (based on Faïza Guène's first novel "Kiffe Kiffe Demain")

The paper examines non-conventional linguistic usages in Faïza Guène's first novel "Kiffe Kiffe Demain". The author works within the framework of a literary school called "littérature beur" and "littérature urbaine", which stands for "Arabic literature" and "urbanistic literature" — the two interconnected branches of modern French fiction. The article investigates the phenomenon of "français contemporain des cites" — the modern French language of suburbs — the term first introduced by the French argot researcher J-P. Goudaillier. The analysis of non-standard vocabulary is performed according to the algorithm suggested by E.M. Beregovskaya, with references to the frequence of occurrence of lexemes and the method of their semantization. On the basis of the results obtained from the analysis, the author draws a conclusion that the novel under discussion is a demonstrative example of the use of the French language of suburbs in a literary text.

literary text, Faïza Guène, unconventional unities, verlan, frequency of argotic items usage

О современных пригородах Парижа в последние десятилетия стало модно и говорить, и писать. Так, Рашид Джаидани в своем романе "Boumkœur" отмечает: «Сейчас это в моде — пригороды, криминальная молодежь, рэп и все происшествия, которые выносят в заголовки газет крупными буквами. Этим надо пользоваться» [1]. Пригороды Парижа принято воспринимать

[1] Djaïdani R. Boumkœur. P. : Editions du Seuil, 1999. 159 p. P. 13.

© Проскурякова Д.Ю., 2017

как гетто — своего рода замкнутые в себе социально-культурные системы, в которых проживает неблагополучная молодежь, в большинстве своем дети и внуки эмигрантов из Северной Африки, Китая, Египта и т. д. В настоящее время эти места проживания являются не столько экономическим или культурным феноменом, сколько лингвистическим. Французский арготолог Жан-Пьер Гудайе ввел в употребление термин *français contemporain des cités* (современный французский язык пригородов, «арго пригородов»), который он определяет как «самое яркое современное проявление того варианта французского языка, который в последние десятилетия, равно как и говорящие на нем люди, потерял вначале свою сельскую специфику, затем все языковые признаки рабочего класса и стал, в конце концов, средством выражения социальных групп, вовлеченных в процесс урбанизации» [2]. Доминантой этого языка является французский язык, в который, однако, активно вторгаются, по мнению Ж.-П. Гудайе, арабский магрибинский, берберский, различные африканские, цыганские и азиатские наречия, креольский антильский и прочие. Таким образом, современный пригород представляет собой настоящую Вавилонскую башню, где смешиваются различные языки и культуры, переплавляясь в итоге в единое красочное наречие, похожее на лингвистическую мозаику. Главным признаком формирования этого наречия является «деструктуризация французского языка его же носителями, которые внедряют в него слова иного происхождения, иной культуры» [3].

Следует заметить, что под современным языком пригородов имеют в виду язык пригородов именно Парижа, так называемого *Paris intra muros*. Отличительной его чертой является постепенное слияние арго и просторечного языка, что привело, по мнению Клода Ажежа, к изменению статуса многих арготизмов, которые сначала употреблялись исключительно в рамках какого-либо ремесла, затем перешли в общее арго, а потом через просторечный язык получили маркер разговорной лексики, которая допускается к употреблению даже в школе [4].

С развитием языка пригородов закономерно начинает появляться на таком языке и литература. В 80-е годы XX века в основном это было творчество писателей-иммигрантов из стран Магриба, чьи произведения образовали весьма специфичную и четко определенную нишу во французской литературе, широко известную под термином “beur”, что на верлане [5] означает «арабский». Эта «арабская литература» тесно связана с «урбанистической литературой» [6], а также с «литературой пригородов». В 1999 году после ошеломительного успеха романа “Boumkœur” Рашида Джаидани, автор которого сам родом из пригорода, возникла парадоксальная, но в целом типичная для современной Франции ситуация: молодые люди, говорящие на арго, стали выступать на телевизионных площадках у известных ведущих, вступать в лингвистические споры, к их мнению стали прислушиваться. Однако эйфория имеет обыкновение быстро проходить. На сегодняшний день рэп встречается в речах политиков и в рекламе йогуртов, слам (устная городская поэзия; обычно декламируется в общественном месте) преподают в школе [7]. Приведенные выше термины «арабская литература», «урбанистическая литература» и «литература пригородов» широко используются всеми исследователями, которые затрагивают современный городской роман и французский язык пригородов, а также встречаются в средствах массовой информации. Однако единого мнения относительно того, насколько эти термины прочно войдут в литературоведение, пока нет, равно как и отсутствуют их четкие определения. Приведем только одно определение урбанистической литературы, которое дала Илария Витали, доктор университета Болоньи, специалист по французской литературе:

---

[2] Goudaillier J.-P. De l'argot traditionnel au français contemporain des cités // La linguistique. 2002. Vol. 38, N 1. P. 5–24. URL : www.cairn.info/revue-la-linguistique-2002-1-page-5.htm.

[3] Goudaillier J.-P. La langue des cités // Communication et langages. 1997. № 112. P. 96–110. URL : http://www.persee.fr/doc/colan_0336-1500_1997_num_112_1_2768

[4] Goudaillier J.-P. Comment tu tchatches! Dictionnaire du français contemporain des cités. P. : Maisonneuve et Larose, 1998. 261 p. P. 13.

[5] Верла́н (фр. *verlan*) — пласт лексики в составе французского молодежного сленга. Создан на базе слов литературного языка, согласные звуки которых идут в обратном порядке, а гласные часто меняются на eu. (Прим. ред.)

[6] Vitali I. De la littérature beure à la littérature urbaine: Le Regard des “Intrangers” // Nouvelles Études Francophones. 2009. Vol. 24, N 1. P. 172–183. URL : http://www.jstor.org/stable/25702194

[7] Ardaoui S. Y a-t-il la littérature de banlieue? URL : http://www.presseetcite.info/journal-officiel-des-banlieues/culture/y-t-il-une-litterature-de-banlieue

«В урбанистической литературе местом действия является городская среда, а объектами осмысления — такие темы, как социальное неравенство, национальная неоднородность, напряженность и вынужденная близость в рамках крупных сообществ» [8].

Самыми известными писателями этого направления принято считать Азуза Бегага, Рашида Джаидани и Фаизу Ген. Арготический пласт языка пригородов Парижа рассматривается нами на материале дебютного романа Ф. Ген “Kiffe kiffe demain”, который она начала писать в 18 лет для себя. Однако ее преподавательница писательского мастерства передала черновики в издательство “Hachette”. Опубликованный в 2004 году роман был продан в количестве, превышающем 400 000 экземпляров, и переведен на 26 языков мира, в том числе на русский под названием «Туда-сюда» или «Завтра кайф».

Подобный успех неизбежно приводит к вопросам: Что именно стало ключом к подобному успеху и не менее удачной последующей литературной карьере? Роман для подростков, написанный подростком? Оригинальный стиль и сюжет? Главная героиня, которая является типичной представительницей своей социальной и возрастной группы?

Роман “Kiffe kiffe demain” написан от первого лица девочкой-подростком Дорией, которая рассказывает о своей жизни в пригороде Парижа Ливри-Гаран. Язык автора абсолютно аутентичен и до мельчайших деталей стилизован под устную речь молодых обитателей пригородов. Остальные герои романа (мать Дории родом из Марокко; ее подруги, такие же эмигрантки, как она, пытающиеся выжить в стране, которую они представляли по черно-белым фильмам 1960-х годов; Хамуди, дилер, торгующий марихуаной, друг Дории; Азиз, пожилой владелец маленького супермаркета в квартале, и другие) вносят каждый свое, особенное в многообразный и красочный язык романа.

Марк Сурдо посвятил языку и стилю романа Ф. Ген “Kiffe kiffe demain” статью “Mots d’ados et mise en style: *Kiffe kiffe demain* de Faïza Guène” («Язык подростков и стилистика романа “Kiffe kiffe demain” Фаизы Ген»), отметив ее высокое мастерство в стилизации устной речи за счет, во-первых, морфологических особенностей и грамматических оборотов, характеризующих исключительно разговорный стиль, а во-вторых, широкого использования разнообразной лексики современного французского языка пригородов [9].

Анализ неконвенционального вокабуляра

М. Сурдо уточняет: «…верлан является важнейшим компонентом “Kiffe kiffe demain”», несмотря даже на то, что вокабуляр романа не сводится к одному этому элементу. В тексте отражена полная гамма языка пригородов: недавно изобретенные лексемы, лексемы из традиционного арго, заимствования, переосмысление существующих лексем, изменение словоформы, все разнообразие стилистических фигур, обыкновенно встречающихся в современном французском языке пригородов» [10].

Изучение языкового материала романа проводилось нами на основе работ Э.М. Береговской, Т.И. Ретинской, Ф. Карадека, Т.Н. Громовой, Е.Ф. Гриневой, Ж.-П. Гудайе. В результате были выявлены и проанализированы неконвенциональные лексические единицы, а также установлено, что общий их объем состоит из заимствований из арабского, английского (*cool, shit, joint*), африканских (*bled, bledard, charabia, hchouma, chétane, kiffer, flouse*), цыганских (*chourave, pourrave*) языков, лексем из традиционного и общего арго (*aspirine, bahut, bagnoler, bafouiller, cramer des blases*) и верланизмов (*meuf, keuf, ouf, chelou, relou, noich).*

Дениза Франсуа в своей статье “La litérature en argot et l’argot en littérature” («Литература на арго и арго в литературе») отмечает, что использование арго в художественном произведении сводится к определению степени *частотности* использования арготических лексем. Исходя из этого она предлагает разделять романы с использованием арготических лексем на «литературу на арго» и «арго в литературе», однако считает цифровой критерий неубедительным для данного разделения. На самом деле, сложно указать, какое именно количество лексем,

---

[8] Vitali I. De la littérature beure à la littérature urbaine: Le Regard des “Intrangers”.

[9] Sourdot M. Mots d’ados et mise en style: *Kiffe kiffe demain* de Faïza Guène // Aux marges de la langue: argots, style et dynamique lexicale. Hommage à Marc Sourdot pour son 65ème anniversaire. Brno : Masarykova univerzita, 2011. P. 138–147.

[10] Ibid. P. 142.

фраз или параграфов является решающим, для того чтобы отнести тот или иной роман к категории арготического или же к категории романов с использованием арго. Качественный критерий, с ее точки зрения, является куда более эффективным: у одних авторов отдельно взятые персонажи, принадлежащие к определенному социальному слою, используют арготизмы, у других — сам автор-рассказчик использует арго в повествовании [11]. Опираясь на этот критерий, можно сделать вывод, что Ф. Ген относится к современным писателям-арготье *(écrivain-argotier)*, поскольку для ее главной героини Дории французское арго пригородов является «родным» языком, на котором она изъясняется свободно и привычно, хотя речь этого персонажа и выдает порой личность самой писательницы, более образованной, чем ее литературное альтер-эго (встречаются и правильное согласование времен, и употребление subjonctif présent и passé: Ce serait quand même pas mal qu'elle *fasse* ses cours avec la même énergique pour ses affic-hes [12]).

Уже само название романа *"Kiffe kiffe demain"* содержит в себе арготизм и одновременно игру слов. Глагол *kiffer* образован от существительного *kif,* которое заимствовано из арабского языка и переводится как «*смесь марихуаны и табака», «удовольствие*». Изначально этот глагол обозначал «*курить травку, употреблять наркотики*», но затем приобрел более широкое значение — «*любить*» [13]. *Kiffe kiffe* является омофоном прилагательного *kif-kif*, которое переводится «одинаковый, похожий, такой же, тот же самый». Авторы словаря "Dictionnaire français-russe de l'argot, de la langue populaire et familière" Т.Н. Громова и Е.Ф. Гринева дают следующий вариант перевода фразы "c'est kif-kif demain" [14] из романа, которую любит повторять Дория: «Завтра то же, что вчера, завтра будет то же самое» [15]. На последних оптимистичных страницах романа Дория говорит, что отныне она будет писать свое любимое выражение по-другому: *kiffe kiffe demain* (от глагола *kiffer)*, что в переводе означает «я готова радоваться жизни и идти вперед».

Всего нами было выявлено и проанализировано 211 лексем общего и традиционного арго. Верланизированных лексем немного — 7, но они являются одними из самых распространенных: chelou, noich, ouf, relou, keuf, téma, vénère.

Cette *meuf*, on dirait qu'elle a besoin d'être heureuse à la place des autres (P. 3).

Mme Burlaud vient de me proposer un truc *chelou*: un séjour aux sports d'hiver organisé par la municipalité (P. 15).

Noich (P. 62).

J'imagine un super mariage, une cérémonie de *ouf*... (P. 60).

C'est ça qu'est *relou* avec les psychologues, psychiatres, psychanalystes et tout ce qui commence par "psy"… (P. 15).

Téma la fille, habillée encore plus mal que sa daronne… (P. 144).

Quand ça m'échappe et que je dis "*vénère*" ou "*chelou*", elle comprend autre chose ou bien elle fait sa tête de perf (P. 68).

S'il m'invite pas, je le balance aux *keufs* (P. 165).

М. Сурдо отмечает, что все процитированные лексические единицы, кроме *chelou*, присутствуют в словаре Petit Robert.

Почти все верланизированные лексемы Ф. Ген вводит без дополнительных объяснений, предполагая, что ее М-Читатель [16] знает их значение, кроме лексемы *noich,* менее распространенной, чем остальные, которую она дает с «переводом» на стандартный французский: Du chinois. Du *noich* (P. 160).

---

[11] François D. La littérature en argot et l'argot dans la littérature // Communication et langages. 1975. N 27. P. 5–27. URL : http://www.persee.fr/doc/colan_0336-1500_1975_num_27_1_4224

[12] Guène F. Kiffe kiffe demain. P. : Hachettes Littératures, 2004. 189 p. P. 55. (Далее ссылки на это издание даются в тексте с указанием в скобках номера страницы.)

[13] Goudaillier J.-P. Comment tu tchatches! Dictionnaire du français contemporain des cités. P. 157.

[14] Guène F. Kiffe kiffe demain. P. 76.

[15] Громова Т.Н., Гринева Е.Ф. Dictionnaire français-russe de l'argot, de la langue populaire et familière. Французско-русский словарь арго, просторечия и фамильяризмов. М. : Нестор Академик, 2012. 1168 с. С. 576.

[16] «…Автор должен иметь в виду некую модель возможного читателя (далее — М-Читателя), который, как предполагается, сможет интерпретировать воспринимаемые выражения точно в таком же духе, в каком писатель их создавал» (Эко У. Роль читателя. Исследования по семиотике текста. СПб. : Симпозиум, 2007. 502 с.).

Введение арготических лексем без их объяснения характерно для всего текста, за исключением моментов, когда автор с целью усилить идею использует несколько синонимов, относящихся к разным стилистическим регистрам: D'après ce que tout le monde dit, c'est un *toubab*, enfin un *Blanc*, un *camembert*, une *aspirine* quoi… (P. 131).

Основными источниками заимствований в лексике романа являются арабский и английский языки. Употребление арабских заимствований обусловлено национальной принадлежностью героини, которые условно можно разделить на две группы: общеизвестные лексемы, входящие в словарь Ж.-П. Гудайе "Comment tu tchatches!" в качестве лексем из традиционного арго (*bled, hchouma, chétane, kiffer, flouse, walou* и др.), и более специфичные *(négafas, cheikh, ramadan, aïd, inchallah, beslama* и т.д.), не являющиеся арготизмами в прямом смысле этого слова. Стоит отметить отдельно лексему *marabout (m)* и производный от нее переходный глагол *marabouter*. Существительное *marabout* в словаре Т.Н. Громовой и Е.Ф. Гриневой переводится как «священник на флоте» с пометкой *arg.* [17], однако в контексте романа оно используется в значении, данном в словаре *"Larousse"*: в мусульманских странах, в частности в Африке, *marabout* — это местный святой, считающийся покровителем сбора урожая, чье захоронение является местом поклонения [18].

Il m'a pas dit au revoir, ni salut, ni *beslama*. Rien, *walou* (P. 158).

Elle a utilisé le joker *"inchallah"* (P. 146).

Aziz avait engagé deux "*négafas*", ce sont des marieuses chargées de toute l'organisation de la fête: décors, vêtements, maquillage, bijoux de la mariée, nourriture, tous ces trucs-là (P. 112).

Помимо прямых заимствований из арабского языка, автор вводит также имитацию арабского акцента в речи нескольких персонажей, например, матери Дории Ясмины, ее знакомого Набиля или местного торговца Азиза:

Elle a même déjà sympathisé avec deux autres femmes: une Marocaine de Tanger et une grand-mère normande qui s'appelle *"Jéquiline"*. J'ai supposé que c'était Jacqueline, la formatrice (P. 89).

Parfois, il râle avec son accent de blédard: "Oh là là ! Si vous *prounez cridit sur cridit*, on est toujours pas sourtis de la berge !! <…> *L'institoutrice* elle *doumande* à Toto: "Combien ça fait douze bouteilles de vin, à *dou* euros la pièce?" Et il répond quoi le p'tit? Il répond: "Trois jours Madame"…" (P. 77).

В романе присутствует большое количество англицизмов (*poster, boys bands, made in Ikea, made in bled, sitcom, fan, casting, cow-boy, jet-set),* но к арготизмам относится сравнительно небольшое их количество. Употребление англицизмов ограничено только двумя семантическими полями: эмоциональным полем (*cool, shit, joint)* и наркоманией *(deal, dealer, shit).*

Три лексемы зафиксированы в словаре Ж.-П. Гудайе: *shit* (в значении «наркотик») [19], *deal, dealer* (в значении «продажа наркотиков», «легкие деньги», «продавец наркотиков») [20].

Самыми малочисленными являются заимствования из цыганского языка: нами дважды зафиксировано употребление лексем *chourave* и *pourrave.* Обе они присутствуют в словаре Ж.-П. Гудайе, но по поводу второй он уточняет, что ее цыганская этимология является ложной, поскольку образована от прилагательного *pourri* (испорченный, гнилой) при помощи паразитарного суффикса *-ave* [21].

Elle nous a expliqué qu'on venait de lui *chourave* son Opel Vectra (P. 143).

Exactement la même que celle que l'assistante sociale s'était fait *chourave* sur le parking en bas de chez moi (P. 183).

Moi, je suis pas une *pourrave* (P. 165).

Из 210 арготических единиц, выделенных нами в романе, 45 вступают в синонимические связи, образуя синонимические ряды различной длины. Нами было выделено 17 рядов. Наиболее развернутые из них — это синонимические ряды с денотатами *femme* и *homme*, 7 и 4 лексемы соответственно:

Femme: gosse, nana, gonzesse, gamine, meuf, poufiasse, pétasse;
Homme: gosse, gamin, môme, gars.

---

[17] Громова Т.Н., Гринева Е.Ф. Dictionnaire français-russe de l'argot, de la langue populaire et familière. С. 624.
[18] URL : http://www.larousse.fr/dictionnaires/francais
[19] Goudaillier J.-P. Comment tu tchatches! Dictionnaire du français contemporain des cités. P. 219.
[20] Ibid. P. 100.
[21] Ibid. P. 198.

Эти же ряды являются наиболее разнообразными с точки зрения стилистической маркировки входящих в их состав лексем. По данным словаря Т.Н. Громовой и Е.Ф. Гриневой, лексемы *gosse, nana, gonzesse, gamine, pétasse* относятся к фамильяризмам, *meuf* — к арготизмам (верлан), *poufiasse* — к вульгаризмам [22].

Типичным для речи подростка является злоупотребление увеличительными префиксальными морфемами, в том числе английского происхождения: *super, archi, hyper, ultra*:

Sur la photo, Filip, il était *trop* beau, il avait les dents *ultra*blanches, limite transparentes, et il était torse nu avec des tablettes de chocolat de dessins animés (P. 42).

Vous avez vu, je fais comme les avocats des films américains qui, pour défendre un client sérial killer, violeur et cannibale, racontent toute son enfance *super* malheureuse (P. 47).

Ça doit exister des Russes brunes avec des prénoms *hyper* simples à prononcer... (P. 107).

Ils étaient tous *archi*branchés... (P. 159)

— Tu connais *Le Caméléon* ?
— Ouais grave ! (Bulle.)
— Tu regardes tous les jours ? (Bulle.)
— Ouais !
— Tu vois qui c'est le héros dans la série ?
— Grave ! (Bulle.)
— Il s'appelle Jarod… (Bulle.)
— Ouais grave ! En plus, il est grave beau !
— Eh ben il est pédé ! (Bulle.)
— En vrai ?
— Pédé en vrai. (Bulle.)
— C'est un truc de ouf ! Comment tu sais ? (Bulle.)
— C'est ma soeur qui me l'a dit, elle a vu ça sur Internet !
— Ouais, c'est un truc de ouf ! Il est grave pédé en vrai sur Internet… (Bulle.) (P. 47)

Прилагательное *grave* употреблено в процитированном выше диалоге пять раз, и его употребление и смысл в некоторых случаях разнятся. Общим, однако, является то, что оно выполняет функцию наречия, характерную для разговорной речи. Подобный прием носит название конверсии (в этой связи укажем на учебное пособие Т.И. Ретинской «Арго французской учащейся молодежи» [23]). В репликах *"Ouais grave!"* и *"Grave!"* оно переводится как «*конечно, еще бы!*» [24], в контексте *"il est grave beau"* его значение можно передать как «*очень, ужасно*» в комбинации с прилагательным [25]. В контексте "*Il est grave pédé en vrai sur Internet*" мы можем предположить, что *grave* также выступает в качестве наречия и переводится как «*по-настоящему, действительно*», хотя данное значение не зафиксировано в используемых нами словарях. Также следует отметить, что в тексте романа встречается сочетание типа "grave + de + существительное", причем определенный артикль перед существительным не выпадает:

Elle se souvient qu'on lui doit du flouse que dans les moments où il y a *grave du monde*, tout ça pour foutre la honte à ma mère (P. 25).

Механизм конверсии затрагивает не только прилагательное *grave*, но и такие прилагательные, как *direct, pareil, juste*, и устойчивое выражение *un bon petit coup* [26].

Direct il sort le semi-automatique, il t'explose le pouce, tu peux plus le sucer le soir avant de t'endormir (P. 46).

En plus d'etre habillées *pareil*, coiffées *pareil*, elles parlaient *pareil* (P. 122).

Il me dit "*juste* cinq minutes…" (P. 27).

...ils font le signe de croix, pleurent un bon petit coup (P. 73–74).

---

[22] Громова Т.Н., Гринева Е.Ф. Dictionnaire français-russe de l'argot, de la langue populaire et familière.
[23] Ретинская Т.И. Арго французской учащейся молодежи : учеб. пособие. Орел : ОГУ, 2005. 104 с.
[24] Громова Т.Н., Гринева Е.Ф. Dictionnaire français-russe de l'argot, de la langue populaire et familière. С. 525.
[25] Goudaillier J.-P. Comment tu tchatches! Dictionnaire du français contemporain des cités. P. 144.
[26] Громова Т.Н., Гринева Е.Ф. Dictionnaire français-russe de l'argot, de la langue populaire et familière. С. 295.

Следует отметить также употребление междометий *hé, quoi, pff, heu, ben, oh là, hein, ho, eya eya*:

Hé! Nabil! (P. 47).

Oh là, vous avez la mauvaise mine… ouh là... (P. 67).

Проанализированные нами особенности неконвенционального вокабуляра, многочисленные отсылки к культуре общества потребления, масс-медиа и кино делают роман Фаизы Ген “Kiffe kiffe demain” показательным образцом современного французского языка пригородов.

Совокупность данных языковых особенностей позволила автору создать свой аутентичный полифонический стиль, который и стал залогом ее взаимопонимания с публикой, полюбившей ее творчество. Роман “Kiffe kiffe demain”, хотя и написан для определенной возрастной группы читателей, его проблематика выходит не только за пределы целевой аудитории, но и за пределы пригорода, что найдет более широкое отражение в последующих произведениях Фаизы Ген — романах “Un homme, ça ne pleure pas”, “Du rêve pour des oufs” и “Les gens du Balto”.

Список использованной литературы

1. Береговская, Э.М. Социальные диалекты и язык французской современной прозы [Текст] : учеб. пособие. — Смоленск : СГПИ, 1975. — 120 с.
2. Громова, Т.Н. Dictionnaire français-russe de l’argot, de la langue populaire et familière. Французско-русский словарь арго, просторечия и фамильяризмов [Текст] / Т.Н. Громова, Е.Ф. Гринева. — М. : Нестор Академик, 2012. — 1168 с.
3. Ретинская, Т.И. Арго французской учащейся молодежи [Текст] : учеб. пособие. — Орел : ОГУ, 2005. — 104 с.
4. Ретинская, Т.И. Словарь арго французской учащейся молодежи [Текст]. — М. : ЛИБРОКОМ, 2014. — 174 с.
5. Эко, У. Роль читателя. Исследования по семиотике текста [Текст]. — СПб. : Симпозиум, 2007. — 502 с.
6. Ardaoui, S. Y a-t-il la littérature de banlieue? [Electronic resource]. — Mode of access : http://www.presseetcite.info/journal-officiel-des-banlieues/culture/y-t-il-une-litterature-de-banlieue
7. Caradec, F. Dictionnaire du français argotique et populaire [Text]. — Larousse, 2001. — 298 c.
8. Colin, J.-P. Argot & français populaire [Text] / J.-P. Colin, J.-P. Mével, Chr. Leclère. — P. : Larousse, 2006. — 976 p.
9. Djaïdani, R. Boumkœur [Text]. — P. : Editions du Seuil, 1999. — 159 p.
10. François, D. La littérature en argot et l'argot dans la littérature [Electronic resource] // Communication et langages. — 1975. — N 27. — P. 5–27. — Mode of access : http://www.persee.fr/doc/colan_0336-1500_1975_num_27_1_4224
11. Goudaillier, J.-P. Comment tu tchatches! Dictionnaire du français contemporain des cités [Text]. — P. : Maisonneuve et Larose, 1998. — 261 p.
12. Goudaillier, J.-P. La langue des cités [Electronic resource] // Communication et langages. — 1997. — N°112. — P. 96–110. — Mode of access : http://www.persee.fr/doc/colan_0336-1500_1997_num_112_1_2768
13. Goudaillier, J.-P. De l'argot traditionnel au français contemporain des cités [Electronic resource] // La linguistique. — 2002. — Vol. 38, N 1. — P. 5–24. — Mode of access : www.cairn.info/revue-la-linguistique-2002-1-page-5.htm.
14. Guène, F. Kiffe kiffe demain [Text]. — P. : Hachettes Littératures, 2004. — 189 p.
15. Sourdot, M. Mots d’ados et mise en style: Kiffe kiffe demain de Faïza Guène [Text] // Aux marges de la langue: argots, style et dynamique lexicale. Hommage à Marc Sourdot pour son 65ème anniversaire. — Brno : Masarykova univerzita, 2011. — P. 138–147.
16. Vitali, I. De la littérature beure à la littérature urbaine: Le Regard des “Intrangers” [Electronic resource] // Nouvelles Études Francophones. — 2009. — Vol. 24, N 1. — P. 172–183. — Mode of access : http://www.jstor.org/stable/25702194

References

1. Ardaoui, S. Is there the suburbs’ literature? [Electronic resource]. — Mode of access : http://www.presseetcite.info/journal-officiel-des-banlieues/culture/y-t-il-une-litterature-de-banlieue (in Fr.)
2. Beregovskaya, E.M. Sotsialnye dialecty y yazik frantsuzskoy sovremennoy prozy: utchebnoe posobye dla slushateley spetskursa [Social Dialects and the Language of Modern French Prose: Manual for a specialized course] [Text]. — Smolensk : SGPI, 1975. — 120 p. (in Russ.)

3. Caradec, F. French argot and popular language dictionary [Text]. — Larousse, 2001. — 298 p. (in Fr.)
4. Colin, J.-P. Argot and French popular language [Text] / J.-P. Colin, J.-P. Mével, Chr. Leclère. — P. : Larousse, 2006. — 976 p. (In Fr.)
5. Djaïdani, R. Boumkœur [Text]. — P. : Editions du Seuil, 1999. — 159 p. (in Fr.)
6. Eco, U. Rol' tchitatela. Issledovanya po semiotike teksta [The Role of the Reader: Studies in Textual Semiotics] [Text]. — SPb. : Simpozium, 2007. — 502 p. (in Russ.)
7. François, D. The literature in the argot and the argot in the literature [Electronic resource] // Communication et langages. — 1975. — N 27. — P. 5–27.— Mode of access : http://www.persee.fr/doc/colan_0336-1500_1975_num_27_1_4224 (in Fr.)
8. Goudaillier, J.-P. Comment tu tchatches! French modern suburbs' dictionary [Text]. — P. : Maisonneuve et Larose, 1998. — 261 p. (in Fr.)
9. Goudaillier, J.-P. From traditional argot to the modern surbubs' French [Electronic resource] // La linguistique. — 2002. — Vol. 38, N 1. — P. 5–24. — Mode of access : www.cairn.info/revue-la-linguistique-2002-1-page-5.htm. (in Fr.)
10. Goudaillier, J.-P. Suburbs' language [Electronic resource] // Communication et langages. — 1997. — N 112. — P. 96–110. — Mode of access : http://www.persee.fr/doc/colan_0336-1500_1997_num_112_1_2768 (In Fr.)
11. Gromova, T.N. Frantsuzsko-russky slovar' argo, prostoretchiya y familyarizmov: sprav.izdanie [French-Russian Argot, Popular and Informal Language Dictionary] [Text] / T.N. Gromova, E.F. Grineva. — M. : Nestor Akademik, 2012. — 1168 p. (in Russ.)
12. Guène, F. Kiffe kiffe demain [Text]. — P. : Hachettes Littératures, 2004. — 189 p. (In Fr.)
13. Retinskaya, T.I. Argo frantsuzskoy utchashcheys'a molodezhy: utchebnoe posobie [French Students' Argot: Manual] [Text]. — Orel : OGU, 2005. — 104 p. (in Russ.)
14. Retinskaya, T.I. Slovar' argo frantsuzskoy utchashcheys'a molodegi [Dictionary of the Argot of French Students] [Text]. — M. : LIBROKOM, 2014. — 174 p. (in Russ.)
15. Sourdot, M. Teenagers' words and stylistics: Faïza Guène Kiffe kiffe demain [Text] // Informal language: argots, stylistics and lexical. — Brno : Masarykova univerzita, 2011. — P. 138–147. (in Fr.)
16. Vitali, I. From the «beure» literature to the urban literature: the look of "Intrangers" [Electronic resource] // Nouvelles Études Francophones. — 2009. — Vol. 24, N 1. — P. 172–183. — Mode of access : http://www.jstor.org/stable/25702194 (in Fr.)

РАЗДЕЛ III

ЛИНГВОДИДАКТИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ПРЕПОДАВАНИЯ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ ЯЗЫКА НА ЯЗЫКОВЫХ ФАКУЛЬТЕТАХ

УДК 372.881.1+37.013

А.А. Колесников, канд. пед. наук
(Рязанский государственный университет
имени С.А. Есенина, Рязань, Россия)

Как организовать работу студентов с иноязычным литературным произведением на основе сервисов Веб 2.0: от теории к практике

В статье продолжается рассмотрение нового способа организации самостоятельной работы студентов языкового вуза с иноязычными литературными произведениями. Представлена практическая реализация авторской образовательной технологии, основанной на использовании обучающих возможностей социальных сервисов Веб 2.0 и создании обучающих блогов. Описаны требования к блогосфере, обоснован обучающий функционал отдельных сервисов и представлены рекомендации по их применению в рамках рассматриваемой технологии. Описано проведённое опытное обучение, проанализированы результаты апробации, возникшие трудности и способы их преодоления.

самостоятельная работа, анализ литературного произведения, иноязычный литературный текст, дистанционное обучение иностранному языку, веб 2.0, обучающий блог, социальный сервис

Kolesnikov, Andrei, Ph. D.
(Language Teaching Methodology), Associate Professor
(Ryazan State University named for S.A. Esenin, Ryazan, Russia)

Web 2.0 Management of Students' Individual Work with Foreign Language Literary Texts: from Theory to Practice

The paper continues discussing a new way of organizing students' individual work (in a language high school) with foreign-language literary texts. It presents the practical implementation of the author's educational technique based on the educational opportunities of Web 2.0 social services (networks), where "educational blogs" can be created. The article describes the use of multimedia and interactive learning tools, general and specific methods of work with literary texts. The requirements for blogosphere, as well as educational functionality of certain network-services are described, and methodological recommendations are made. The author of the paper also reports pilot training and testing results, describes the difficulties encountered and ways to overcome them.

students' individual work, literary text analysis, foreign-language literary text, distance foreign language learning, Web 2.0, educational blog, social networking service

Предварительные пояснения

Настоящая статья продолжает описание технологии организации самостоятельной работы студентов с иноязычным литературным произведением на основе сервисов Веб 2.0, научное обоснование которой было представлено нами в предыдущей публикации [1], где раскрыта

[1] Колесников А.А. Самостоятельная работа студентов с иноязычным литературным произведением на основе сервисов Веб 2.0 // Иностранные языки в высшей школе. 2016. № 4. С. 76–82.

© Колесников А.А., 2017

значимость социальных сервисов Веб 2.0 для проектирования и реализации индивидуальной работы студентов языкового вуза с литературным художественным текстом при организованном взаимодействии формальных (неформальных) и информальных образовательных форм в условиях расширенного виртуального образовательного пространства, обосновано использование описываемой технологии в целях эффективного решения проблемы нехватки аудиторных часов для практической литературоведческой деятельности и задачи активизации индивидуальной работы студентов. Для достижения необходимых результатов социальный сервис должен соответствовать ряду требований (наличие блогосферы, техническая возможность интеграции с сервисами подкастов и видеоблогов, наличие вики-сервиса), выполнение которых обеспечит эффективное использование обучающих блогов интерактивно-мультимедийного характера, то есть позволит ориентировать функционал традиционной блогосферы на преобразование социально-виртуальной среды в образовательное пространство. Для этих целей необходимо системно и систематически активизировать обучающий функционал отдельных сервисов Веб 2.0 в рамках представленной технологии обучения.

Организация работы должна опираться на ряд частных принципов, определяющих использование очно-заочных организационных форм (точнее, подвида очно-заочной модели «дистанционное обучение + элементы очного обучения» [2]), мультимедийно-интерактивных средств обучения, общих и специальных приемов работы с литературным текстом:

- индивидуализации и интенсификации учебной деятельности;
- дополняемости видов анализа продуктивной деятельностью;
- активизации интертекстуальных связей при работе с литературным произведением;
- интенсивной интерактивности.

В данной статье мы обратимся к методическим рекомендациям практического характера относительно пошаговой организации работы.

Организация самостоятельной работы студентов с сервисом Веб 2.0

В пространстве социального сервиса, активно используемого студентами, преподаватель должен создать специализированную группу (сообщество), определить в настройках ее тематику, выбрав вариант «Образование». В разделе «Тип группы» (“Community type”) рекомендуется выбрать вариант «Закрытый», в связи с тем что в блогосфере будут размещены авторские материалы студентов, которые нежелательно открывать для всех пользователей социального сервиса. В фотоальбоме группы преподаватель размещает иллюстрации обложек рекомендуемых для индивидуального чтения книг и их краткие аннотации, при этом следует подчеркнуть, что студенты свободны в выборе любой другой книги, но при условии согласования выбора с преподавателем. Далее преподаватель определяет, какие элементы сообщества следует активировать. Обычно в группе имеются следующие сервисы:

Раздел «Обсуждения» (“Discussion board”) — позволяет открывать темы обсуждений и линейно развивать их. Именно этот раздел, соотносимый с технологией линейных блогов, является в нашем случае тем центром, в котором создается обучающая блогосфера и осуществляется основная деятельность студентов; остальные разделы выполняют преимущественно вспомогательную и поддерживающую роль.

Раздел «Стена» (“Wall”) — позволяет размещать полезную для всех участников группы информацию: ссылки, короткие и объемные тексты, мультимедийные файлы (например, продукты проектной деятельности).

Раздел «Фотографии» (“Photos”) — позволяет создавать собственные фотоальбомы и размещать в них графические документы, в том числе отсканированные копии текстов, иллюстраций и т. п.; при необходимости студент в своем блоге может дать ссылку на соответствующий графический документ в этом разделе.

Раздел «Видеозаписи» (“Videos”) — позволяет создавать видеоальбомы и размещать в них посредством гиперссылок видео с внешних ресурсов (познавательные литературоведческие передачи, интервью с автором и пр.), а также собственные видеосюжеты (результаты проектной работы). Аналогично функционирует раздел *«Аудиозаписи»*.

---

[2] Дистанционное обучение в профильной школе / под ред. Е.С. Полат. М. : Academia, 2009. С. 32.

Раздел «Документы» (“Documents”) — позволяет загружать документы (файлы) различных типов и ссылаться на них.

Раздел «Вики» («Материалы») (“Wiki block”) — позволяет расположить на главной странице сообщества вики-блок (дополнительную вики-страницу в рамках сообщества) с любыми материалами. Этот сервис можно использовать как средство создания всеми членами группы общего текста (например, глоссария).

Следующий шаг со стороны преподавателя — размещение подробной инструкции для студентов. Инструкция может быть опубликована на общем форуме либо в разделе дискуссионного форума («Обсуждения»). Рассмотрим один из возможных вариантов инструкции, который был использован нами при апробации описываемой технологии. Здесь и далее примеры даются на основе немецкого языка.

А. Вступительная часть	
LITERATURBLOG Liebe Freunde, in diesem Semester (Studienjahr) haben Sie die Aufgabe, ein größeres literarisches Werk selbstständig zu lesen und zu analysieren. Im Laufe des Semesters/Jahres werden Sie das Lektüreblog führen. Jede/r von Ihnen erstellt in diesem Forum ein neues Thema. Das ist Ihr persönliches Weblog, das Sie ständig während des Semesters/Jahres führen sollen und JEDE WOCHE mit neuen Materialien, Ideen, Kommentaren etc. ergänzen.	ЛИТЕРАТУРНЫЙ БЛОГ Дорогие друзья, в этом семестре (учебном году) Вам предстоит самостоятельно прочитать и проанализировать литературное произведение. В течение семестра (года) Вы будете вести «блог читателя». Каждый(-ая) из Вас откроет в этом форуме новое обсуждение, которое станет Вашим блогом. Этот блог Вы должны постоянно (каждую неделю) пополнять новыми материалами, идеями, комментариями и пр.
Б. Основная часть	
TITEL. Hier geben Sie bitte Ihren Namen, Vornamen, den Titel des Buches und dessen Autor an. Es wäre auch sehr anschaulich, wenn Sie die eingescannte Datei des Buchumschlages hochladen. NACHRICHT. Schreiben Sie bitte einen kurzen Text darüber, warum Sie dieses Buch für die Lektüre gewählt haben, was Sie über den Autor / die Autorin wissen (kurze, informative und interessante Zusammenfassungen aus mehreren Informationsquellen sind erwünscht), was Sie vom Buch erwarten. Gehen Sie dabei auf die folgenden Fragen ein: 1) Was hat dieser Autor noch geschrieben? Wodurch ist/wurde er bekannt? Lebt er noch? War er auch schon beim Leben berühmt? Welche Preise, Auszeichnungen hat er bekommen? Wurden seine Bücher verfilmt? 2) Was hat Sie motiviert, gerade dieses Buch zu wählen? Was ist Ihr erster Eindruck (z.B., von Annotation, Illustrationen, Buchdecke, Struktur etc.)? 3) Was erwarten Sie vom Lesen? Lesen Sie bitte auch die Nachrichten Ihrer Mitstudierenden und kommentieren Sie mindestens 3 davon. Fragen sind auch erwünscht.	*Поле «НАЗВАНИЕ»*. Пожалуйста, укажите здесь Ваши имя, фамилию, название выбранной книги и её автора. Для наглядности желательно загрузить скан обложки. *Поле «НОВОСТЬ»*. Вкратце прокомментируйте, почему Вы выбрали эту книгу, что Вы знаете об авторе (приветствуются короткие, информативные и интересные обобщения нескольких источников), что Вы ожидаете от книги, то есть осветите следующие вопросы: 1) Что ещё написал автор этой книги? Благодаря чему он известен? Жив ли он в настоящее время? Был ли он знаменит при жизни? Какие премии/награды он получил? Были ли его книги экранизированы? 2) Что побудило Вас выбрать именно эту книгу? Каково Ваше первое впечатление (например, от аннотации, иллюстраций, обложки, структуры и т.п.)? 3) Что Вы ожидаете от чтения? Прочитайте также сообщения Ваших сокурсников и прокомментируйте минимум 3 из них; приветствуются также вопросы.

KOMMENTAR. Beachten Sie, dass Sie JEDE WOCHE einen Blog-Eintrag posten sollen. Im Eintrag sollen Sie folgendes angeben: 1) Wie viele Seiten Sie gelesen haben (z. B.: S. 134–162); 2) Was im Roman inhaltlich passierte, welche neuen Helden auftauchten, was Ihnen besonders auffiel; 3) Welche sprachlichen und stilistischen Besonderheiten dieses Fragment enthält und welche Funktion sie haben (eine kurze linguostilistische Analyse konkreter Passagen); 4) Welchen Wortschatz Sie sich aus diesem Ausschnitt angeeignet haben: a) 5–10 Wörter und Wendungen aus einem im Roman behandelten spezifischen Bereich (z. B., “Sprache des Rechts”); übersetzen Sie die entsprechenden Textstellen, wo diese Wörter vorkommen; b) 5–10 Wörter und Wendungen, die Ihnen für Ihre Alltagskommunikation als wertvoll erscheinen. Bestimmen Sie ihre Stilfärbung: – im Kontext des Romans; – außerhalb des Kontextes (bitte Beispiele). 5) PRAXIS: – für künftige Übersetzer: Wählen Sie einen Auszug (2–3 Absätze) aus dem gelesenen Teil und machen Sie eine literarische Übersetzung. Erläutern Sie (auf Deutsch), warum Sie gerade diesen Auszug gewählt haben. Welche Übersetzungsverfahren haben Sie angewendet und warum gerade diese? – für künftige Lehrer: Wählen Sie einen Auszug aus dem gelesenen Teil und erstellen Sie eine Aufgabensequenz für den Aufbau von rezeptiven bzw. produktiven Fertigkeiten der Lernenden. Versuchen Sie variable Arbeits- und Sozialformen dabei zu verwenden. Für welche Jahrgangsstufe sind die Aufgaben gedacht? *Erwartete Leistung: 1 Beitrag und mindestens 2 Kommentare/Echotexte zu den Beiträgen anderer Studierender.*	*Поле «КОММЕНТАРИЙ»*. Обратите внимание: каждую неделю Вы должны размещать запись в блоге. В записи Вы должны указать/отразить следующее: 1) Какие страницы Вы прочитали (например, с. 134–162)? 2) Что произошло в романе, какие появились новые герои, что Вам особенно запомнилось? 3) Какими языковыми и стилистическими особенностями характеризуется этот фрагмент, какую функцию они выполняют (краткий лингвостилистический анализ фрагментов)? 4) Какими лексическими единицами Вы пополнили свой словарь: а) 5–10 слов и выражений из специализированной области, которая присутствует в романе (например, юридическая лексика); переведите соответствующие фрагменты в тексте, где встретилась эта лексика; б) 5–10 слов и выражений, имеющих, на Ваш взгляд, ценность для повседневного общения. Определите их стилистическую окраску: – в контексте романа; – вне контекста (с примерами); 5) Ваш практический опыт: – для будущих *переводчиков*: выберите отрывок (2–3 абзаца) из прочитанной части и подготовьте литературный перевод [3]; объясните, почему Вы выбрали именно этот отрывок; какие переводческие приемы Вы использовали и с какой целью? – для будущих *учителей*: выберите отрывок из прочитанной части и разработайте на его основе последовательность упражнений, направленных на формирование рецептивных/продуктивных умений учащихся; используйте разнообразные формы и методы работы; определите, для какого класса Вы разрабатываете задания. *Ожидаемый результат: запись в блоге и минимум 2 комментария или эхо-текста* [4].

Обратим особое внимание на последний пункт данного раздела — «Ваш практический опыт». Как известно, академическая деятельность студентов обязательно должна трансформироваться в контекстную квазипрофессиональную и учебно-профессиональную (А.А. Вербицкий). Следует полагать, что задания, подобные приведенному выше, позволяют развивать готовность студентов, в том числе на мотивационно-потребностном уровне, к систематическому профессионально-ориентированному овладению иностранным языком в процессе повседневной жизнедеятельности. Так, например, при чтении иноязычных книг/газет/интернет-блогов, при просмотре иноязычных фильмов и передач студент должен стремиться воспринимать эти материалы в том числе и через призму своей профессиональной деятельности, а именно: как можно использовать тот или иной материал в целях обучения? для обучающихся какого возраста он полезен? как можно его адаптировать/трансформировать для того или иного класса? какие формы и методы работы с этим материалом наиболее уместны? и пр. Рассмотренное задание предполагает взаимооценивание на основе комментариев/«эхо-текстов».

Дальнейший выход в практику осуществляется за счет проектной работы, выполняемой в конце семестра/года по прочтении произведения.

[3] Возможная альтернатива: анализ имеющихся вариантов профессионального перевода.

[4] Примеры и анализ эхо-текстов см.: Wolfrum J. Kreativ schreiben: Gezielte Schreibförderung für jugendliche und erwachsene Deutschlernende (DaF / DaZ). Ismaning : Hueber, 2010. 183 S.

В. Проектная работа	
PROJEKT Wählen Sie eine Variante der Projektarbeit: 1) “Kontextbedingte auswertende Analyse”: eine schriftliche komplexe Analyse des Werkes, wobei mehrere Rezensionen von Kritikern, Interviews mit dem Autor, Verfilmungen, nachfolgende literarische Variationen des Textes etc. berücksichtigt werden und eine zusammenfassende Auswertung angeboten wird (vgl. die Struktur in der beigefügten Datei). Erwartete Leistung: ein Beitrag. 2) “Filmproduktion”: eine interpretative Verfilmung eines Teils des gelesenen Romans + eine literaturwissenschaftliche TV-Sendung: Sie als Literaturwissenschaftler analysieren und vergleichen das Werk und den Film in Form einer wissenschaftlichen Diskussion. Erwartete Leistung: 2 Videodateien. 3) Planspiel “Redaktionsbeirat”. Erwartete Leistung: eine Präsentation. *Für alle Projekttypen gilt und ist sehr wichtig: 1 Echotext des Autors und mindestens 3 Echotexte zu den Beiträgen anderer Studierender werden erwartet!*	ПРОЕКТ Выберите вариант проектной работы: 1) «Контекстно-обусловленный оценочный анализ»: письменный комплексный анализ произведения, в котором учитываются различные рецензии, интервью с автором, экранизации, последующие литературные вариации на тему произведения и в заключение предлагается обобщающая оценка (структура в прикреплённом файле). Ожидаемый результат: запись в блоге (статья). 2) «Кинопроизводство»: интерпретационная экранизация части романа + литературная телепередача: Вы в роли литературоведов обсуждаете произведение и фильм в форме научной дискуссии. Ожидаемый результат: 2 видеофайла. 3) Деловая игра «Редколлегия» [5]. Ожидаемый результат: презентация. *Важно! Относится ко всем проектам: ожидаются 1 авторский эхо-текст и минимум 3 эхо-текста к презентациям других студентов.*

Итак, студентам предоставляются на выбор три типа проекта: научно-исследовательский/познавательный, мультимедийный и игровой.

По завершении описанного выше наполнения виртуальной учебной группы преподаватель добавляет в состав ее участников профили студентов через электронные приглашения.

Следующий шаг — проведение *установочного занятия* в рамках аудиторной фазы работы. На занятии преподаватель объясняет студентам задачи и особенности работы, комментирует описанные выше инструкции, устанавливает сроки. Особое внимание следует акцентировать на важности пунктуального еженедельного размещения новых записей в блогах. Система блогов позволяет фиксировать время публикации материала с точностью до минуты. Таким образом, каждый студент обязан разместить запись (и необходимые комментарии) до 23:59 воскресенья текущей недели; материалы, опубликованные позже, преподавателем *не рассматриваются*. Наш опыт показывает, что такие рамки резко повышают учебную дисциплину.

На установочном занятии преподаватель должен также познакомить студентов с системой оценивания. Помимо описанных выше видов активной само- и взаиморефлексии (посредством эхо-текстов), еженедельные работы студентов оцениваются преподавателем как качественным (на основе комментария [6]), так и количественным методом. Специфика описываемой технологии позволяет, на наш взгляд, использовать холистический способ оценивания, то есть проводить целостное оценивание на основе определенных признаков. В системе блогосферы создается «оценочный» блог (“*Wochenresümee*”), представляющий собой таблицу, где по вертикали расположены Ф.И.О. студентов, а по горизонтали — номера недель семестра. Каждую неделю преподаватель заполняет соответствующее поле. Для оценивания мы рекомендуем использовать следующие условные обозначения, которые при необходимости легко перевести в количественные показатели (0–3): «+» — задания полностью и качественно выполнены; «±» — задания выполнены частично (не менее 3 заданий из еженедельных пяти); «+!» — задания выполнены с большим количеством ошибок/недочетов; «–» — задания не выполнены (выполнено менее 3 заданий) или размещены с опозданием. Проект оценивается по отдельной шкале, которую рекомендуется обсудить со студентами.

---

[5] Структуру и методические рекомендации по проведению деловой игры «Редакционный совет/редколлегия» см.: Anregungen zur Interaktion im Unterricht von Deutsch und Russisch als Fremdsprache. Führen von Gesprächen, Sprachmittlung. S. 57–58.

[6] В комментарии преподаватель дает общую оценку размещенной в блоге записи студента, выделяет положительные стороны его работы, предлагает исправить самые существенные языковые недочеты, некорректные элементы лингвостилистического анализа, задает вопросы (в случае отсутствия важной информации), предлагает в помощь дополнительные материалы/ресурсы в виде ссылок. Комментарий строится по модели «сэндвича». Примеры см. в описании опытного обучения.

Количественный результат (средний балл) составляет часть общего рейтингового балла за семестр и влияет на экзаменационную оценку студента. В целях повышения объективности результатов рекомендуется установить минимальное количество записей в блоге, обязательное для каждого студента. Так, если речь идет о первом иностранном языке, объем недельного индивидуального чтения на старших курсах составляет в среднем 20–30 страниц [7]. При среднем объеме произведения в 200–300 страниц следует полагать, что к концу семестра студент обязан выполнить не менее 10 работ.

Далее следует онлайн-фаза. Студенты работают самостоятельно (в том числе в режиме онлайн-взаимодействия) в соответствии с описанным выше планом; в рамках аудиторных занятий преподаватель периодически должен уделять время краткому комментированию текущей работы и возникающим вопросам; помимо этого, должен быть предусмотрен ряд дистанционных и очных консультаций для студентов, столкнувшихся со значительными трудностями в работе. Количество и длительность консультаций рекомендуется ограничивать в соответствии с запланированной нагрузкой преподавателя.

По завершении работы (в конце семестра) должно быть предусмотрено еще одно очное занятие, на котором проводится презентация, обсуждение и оценивание заключительных проектов и/или рефлексия выполненной работы, организуемая с использованием *активных методов*, например: «Разговор в четырех углах» (“Vier-Ecken-Gespräch”), «Умная скатерть» (“Platzdeckchen-Methode”), «Коммуникативная ладонь» (“Kommunikative Hand”) и т.п. [8].

Завершая описание, остановимся еще на двух важных рекомендациях относительно организации работы. Первая касается необходимости строжайшего соблюдения авторских прав в сети. Следует помнить, что авторские продукты студентов (тексты, мультимедийные презентации и пр.) являются предметом их интеллектуальной собственности, в связи с чем преподаватель не имеет права их тиражировать, обнародовать или открывать к ним доступ другим пользователям социальной сети без согласия студентов. В случае, если пространство блогосферы (созданная группа) используется повторно (для обучения других студентов), предыдущие материалы должны удаляться или размещаться в закрытом архиве. Размещение в обучающих блогах полнотекстовых вариантов художественных произведений не должно нарушать авторские права. В случае если произведения находятся в официальном открытом доступе, допустимы гиперссылки.

Вторая важная рекомендация относится к этической стороне самопрезентации преподавателя в пространстве социального сервиса. Создавая свой виртуальный электронный профиль, преподаватель обязан соблюдать морально-этические нормы, накладываемые на него характером выбранной профессии. Так, личная страница преподавателя, доступная обучающимся, должна быть оформлена в официальном/нейтральном стиле, иметь обучающий и воспитывающий характер, способствовать развитию мотивации к овладению иностранными языками, формированию ценностных ориентаций учащихся и студентов. Недопустимы материалы вульгарного и дискриминационного характера, материалы, нарушающие корпоративную этику образовательного учреждения; нежелательна также информация личного характера. При несоблюдении названных этических норм образовательное учреждение вправе потребовать от преподавателя удалить свой профиль из соцсети.

Апробация и обсуждение результатов

Организация и проведение апробации. Описанная технология экспериментально апробировалась в четырех студенческих подгруппах с 2013 по 2016 год в институте иностранных языков (ИИЯ) РГУ имени С.А. Есенина. В качестве платформы Веб 2.0 была использована одна из популярных социальных сетей. В обучении были задействованы 34 студента; все они к началу обучения уже были зарегистрированы в данной сети. Несмотря на небольшое количество обучающихся, экспериментальная группа являлась достаточно репрезентативной в контексте образовательной среды ИИЯ РГУ, так как в ней были представлены основные (условные) категории студентов в пропорциях, отражающих реальную ситуацию: а) студенты, стабильно демонстрирующие высокие и очень высокие учебные результаты (18 %); б) студенты, демонстрирующие результаты в категории от средних до выше средних (47 %); в) студенты, успеваемость которых — от ниже средней до низкой (20 %); г) студенты, имеющие очень низкие результаты (15 %).

[7] Фадеева Г.М., Гусейнова И.А. Литературные тексты: от восприятия к коммуникации. М. : МГЛУ, 2013. 246 с. С. 5.

[8] См. подробнее: Anregungen zur Interaktion im Unterricht von Deutsch und Russisch als Fremdsprache. Führen von Gesprächen, Sprachmittlung / Hrsg. U. Behr, A. Kolesnikov. Bad Berka : Thillm, 2014. 160 S.

Все четыре подгруппы относились к выпускным курсам бакалавриата и изучали немецкий язык как второй иностранный.

Результаты и обсуждение. В процентном соотношении обучающиеся продемонстрировали следующие результаты, отраженные в таблице 1 [9].

Таблица 1

Результаты апробации

Уровень	*Количество баллов*	*Процент выполнения*	*Процент обучающихся*
Высокий	32–36	90–100	35
Средний / выше среднего	25–31	70–89	29
Ниже среднего / низкий	18–24	50–69	27
Очень низкий	менее 18	менее 50	9

Таким образом, 64 % студентов успешно и пунктуально справились со всеми аспектами работы.

Положительный эффект от проведенной работы наблюдался нами в следующих областях. Прежде всего, это мотивационно-ценностная сфера. Начальные недели работы по описанной технологии были одинаково трудными для всех участвовавших в апробации групп. Предложенный вид работы оказался для студентов несколько неожиданным: ранее они не имели опыта работы с литературным произведением в режиме, сочетающем индивидуальную и интерактивную учебную деятельность. Непривычными оказались и условия: как утверждали обучающиеся в исследовательских интервью, проводимых нами, ранее им не приходилось работать в четко структурированном режиме с жесткими временными рамками. Вместе с тем именно эти условия по окончании обучения большинство студентов определяли как положительный момент. Если ранее индивидуальная самостоятельная работа представлялась им в контексте достаточно свободного ее выполнения (что в большинстве случаев выражалось в спешной подготовке задания за день до срока сдачи), то подобный режим позволил им в корне изменить сложившееся представление и понять, что индивидуализация предполагает достаточно трудоемкую работу по планированию/распределению своей ежедневной нагрузки и строгое выполнение собственного индивидуального графика. Многие студенты сообщали, что установленный режим научил их предусматривать возможные трудности и риски. В частности, ряд студентов решил отказаться от практики сдачи работы в последний день: в случае технических неполадок и невозможности размещения записи в блоге до установленного времени их недельный труд автоматически оценивался в 0 баллов, так как запись, размещенная позже срока, не засчитывалась. Мы отмечали, что некоторые студенты старались завершить работу за 2–3 дня до срока, чтобы в случае возникновения непредвиденных обстоятельств иметь возможность сдать выполненные задания в письменном виде до наступления выходных.

Описываемое студентами эмоциональное состояние в процессе обучения мы сочли возможным охарактеризовать как *продуктивное учебное напряжение*, которое (в разумных пределах) имеет благоприятный воспитательный эффект, ценность которого заключается еще и в том, что, знакомясь в процессе работы с трудами своих сокурсников, студенты получали дополнительные стимулы; некоторые из них по окончании обучения решили детально познакомиться с произведениями, проанализированными другими обучающимися.

Еще один положительный эффект наблюдался нами в отношении научной деятельности студентов. Мы отмечали, что многие обучающиеся активно использовали свои материалы в дипломных работах, а также в подготовке докладов для студенческой конференции. Эффекты такого рода значительно реже наблюдались нами при организации индивидуальной работы с литературным произведением по традиционной модели.

Апробация технологии также позволила обнаружить целый ряд трудностей. Основная из них — непривычная форма работы — описана выше. Именно в начальные недели студенческие работы набирали наименьшее количество баллов, что во многих случаях связано с формальным

[9] Без учета результатов заключительного проекта.

несоответствием установленным правилам (размещение позже срока, отсутствие требуемого количества комментариев и т.п.). Привыкание к режиму длится максимально полтора месяца, в течение которых следует постоянно напоминать студентам о необходимости рационального планирования своей индивидуальной работы. Впоследствии результаты работы стабилизируются.

Определенные трудности возникли при реализации принципа интерактивности. Изначально написание комментариев и эхо-текстов к работам других студентов предлагалось в качестве рекомендации. В результате лишь отдельные студенты проявили интерес к блогам своих сокурсников и периодически размещали комментарии. Такую ситуацию мы сочли недопустимой: как было обосновано выше, смысл использования социальных сервисов Веб 2.0 при организации образовательного процесса как раз и состоит в том, чтобы индивидуальная самостоятельная (внеаудиторная) работа приобрела коллаборативные свойства и обеспечивала активное взаимодействие обучающихся. В этой связи нами было принято решение ввести минимальную норму обязательных комментариев и отзывов (эхо-текстов), при этом мы руководствовались в том числе рекомендациями и обширным опытом известных образовательных и научных учреждений, разрабатывающих и практикующих методы дистанционного обучения [10].

В группах, изучающих немецкий язык как второй иностранный, затруднение вызвали второй и третий варианты проектной работы — игровой и мультимедийный проекты. В этой связи студенты экспериментальных групп выполняли преимущественно научно-познавательные проекты.

Подводя общие итоги апробации, мы считаем возможным констатировать успешность проведенного опытного обучения. Сделать такой вывод позволяют три факта: а) описанный выше мотивационно-ценностный эффект проведенной работы; б) значительно более высокое качество заключительных сочинений по произведению; в) более высокое качество ответов студентов на экзамене по вопросам литературоведческой тематики.

Завершая описание апробации, предлагаем читателю ряд примеров виртуальной интеракции преподавателя со студентами (элементы комментариев), которые можно использовать как клише при решении тех или иных учебных задач (табл. 2).

Таблица 2

Примеры комментариев преподавателя

Обучающая коммуникативная задача	*Пример комментария*
Нацеливание студента на исправление некоторых (самых существенных) ошибок	*M [11]., danke für Ihre ausführliche und inhaltsreiche Analyse. Ich bitte Sie manche Fehler in Ihrer Nacherzählung zu verbessern: … / Den Sinn des ersten Satzes habe ich nicht ganz verstanden: …*
Напоминание о сроках и необходимости пунктуально выполнять все задания	*A., inhaltlich hat es mir gut gefallen, aber nicht alle Aufgaben sind erfüllt. Seien Sie bitte ein bisschen pünktlicher: Ihr Eintrag soll spätestens am Sonntag erscheinen, nicht am Montag.*
Приглашение на очную консультацию для обсуждения ошибок/вопросов	*S., danke für Ihren rechtzeitigen Eintrag. Leider sind manche Passagen wegen großer Anzahl der Fehler unlesbar. Wir müssen mit Ihnen am Dienstag Ihre Fehler besprechen.*
Нацеливание на уточнение/углубление лингвостилистического анализа	*…in Punkt 3 klingt die Phrase „die Autorin drückt ihre Gedanken mit vielen verschiedenen stilistischen Mitteln aus“ vielversprechend. Es wäre wunderbar, ein paar konkrete Beispiele und deren Analyse zu sehen.*
Нацеливание на более подробное изложение сюжетных особенностей	*W., finden Sie nicht, dass die Nacherzählung von 20 Seiten in nur 3 Zeilen etwas zu lakonisch ist? Bitte nächstes Mal nehmen Sie sich Zeit und versuchen Sie, das Sujet genauer darzustellen.*
Просьба обосновать использованные переводческие трансформации	*T., warum haben Sie in Ihrer Übersetzung des 1. Satzes wesentlich mehr Emotionalität gebraucht, als man das im Originaltext spüren kann?*
Благодарность и поздравление с успешным завершением работы	*A., ich gratuliere Ihnen zum erfolgreichen Abschluss Ihres Literaturblogs. Jetzt können Sie Atem holen und sich ausruhen. Nach einer verdienten Pause machen Sie sich Gedanken über den Aufsatz.*

[10] В частности, опыт организации дистанционных онлайн-фаз Немецкого культурного центра им. Гёте (Goethe-Institut).

[11] Мы не указываем полные имена студентов, принимавших участие в апробации, чтобы избежать персонификации данных.

Таким образом, опытная апробация технологии позволила выявить ряд трудностей и проблем, предложить способы их преодоления, подтвердила ее эффективность на количественном и качественном уровне и была рекомендована для использования на средних и старших курсах языковых вузов.

Список использованной литературы

1. Дистанционное обучение в профильной школе [Текст] / под ред. Е.С. Полат. — М. : Academia, 2009. — 208 с.
2. Фадеева, Г.М. Литературные тексты: от восприятия к коммуникации [Текст] / Г.М. Фадеева, И.А. Гусейнова. — М. : МГЛУ, 2013. — 246 с.
3. Anregungen zur Interaktion im Unterricht von Deutsch und Russisch als Fremdsprache. Führen von Gesprächen, Sprachmittlung [Text] / Hrsg. U. Behr, A. Kolesnikov. — Bad Berka : Thillm, 2014. — 160 S.
4. Wolfrum, J. Kreativ schreiben: Gezielte Schreibförderung für jugendliche und erwachsene Deutschlernende (DaF / DaZ) [Text]. — Ismaning : Hueber, 2010. — 183 S.

References

1. Anregungen zur Interaktion im Unterricht von Deutsch und Russisch als Fremdsprache. Führen von Gesprächen, Sprachmittlung [Text] / Hrsg. U. Behr, A. Kolesnikov. — Bad Berka : Thillm, 2014. — 160 S.
2. Distantsionnoye obucheniye v profil'noy shkole [Distance learning in the specialized school] [Text] / ed. E.S. Polat. — M. : Academia, 2009. — 208 p.
3. Fadeewa, G.M. Literarische Texte: Von der Rezeption zur Kommunikation [Text] / G.M. Fadeewa, I.A. Gussejnowa. — Moskau : MSLU, 2013. — 246 S.
4. Wolfrum, J. Kreativ schreiben: Gezielte Schreibförderung für jugendliche und erwachsene Deutschlernende (DaF / DaZ) [Text]. — Ismaning : Hueber, 2010. — 183 S.

УДК 81'44+378

Я.М. Колкер, канд. пед. наук,
Е.С. Устинова, канд. пед. наук
(Рязанский государственный университет
имени С.А. Есенина, Рязань, Россия)

Обучение русскому языку как иностранному: функционал языка-посредника в свете концепции многоязычия

В статье обосновываются роль и функции языка-посредника в сопоставлении с родным языком при формировании многоязычия как характеристики современного высокообразованного специалиста и особенно выпускника языкового факультета. Актуальность статьи обусловлена доминированием в большинстве исследований прагматического подхода к языку-посреднику, что значительно сужает его обучающий и развивающий потенциал. Аргументируется и иллюстрируется целесообразность применения языка-посредника не только в условиях, где затруднена опора учащихся на родной язык, но и в других ситуациях. Раскрывается роль языка-посредника как медиатора между языковыми картинами мира. Показано, что соотнесение трех языков — родного, иностранного и посредника — предоставляет больше возможностей для формирования языковой наблюдательности, способности к анализу, предотвращения «языкового шовинизма», развития универсальных интеллектуальных умений. Посредническая роль английского языка при обучении русскому языку также соотносится с его будущим статусом в качестве второго иностранного, когда, в свою очередь, русский язык как первый иностранный язык будет выполнять посреднические функции.

многоязычие, иностранный язык, родной язык, язык-посредник, медиатор между языковыми картинами мира, семный анализ, дифференциация, профилактика «языкового шовинизма»

© Колкер Я.М., Устинова Е.С., 2017

Kolker, Jacob, Ph. D. (Language Education), Professor,
Ustinova, Elena, Ph. D. (Language Education), Associate Professor
(Ryazan State University named for S.A. Esenin, Ryazan, Russia)

Teaching Russian as a Foreign Language: the Functions of a Mediator Language from the Perspective of Multilingualism

The paper proceeds from the concept of multilingualism — both as a challenging classroom situation (if the learners have heterogeneous native language backgrounds) and as a requirement of contemporary society. The authors oppose a utilitarian look upon the mediator language and examine its multiple roles, which go beyond narrowly pragmatic objectives. The article provides numerous illustrations of how languages and their interaction work in language-oriented tertiary education, with English as the mediator (and later — as the minor) and Russian as the major. It is shown that English can perform most of the functions of the native language (though not all) and, besides, has uses of its own as a mediator between two linguistic pictures of the world. It provides material for comparative observation of the three languages, whether from the viewpoint of grammar, vocabulary, or culture-bound use of language. Correlation of the three languages contributes to the learners' power of observation, develops a palate for linguistic analysis, encourages guess work, prevents "linguistic chauvinism" and facilitates the development of universal intellectual skills. The paper shows that the two foreign languages can switch roles: when in the second year students begin to study English professionally as FL2, Russian will perform its functions as the mediator.

multilingualism, foreign language, mother tongue, mediator language, functions, linguistic worldview, semantic analysis, divergent semantic components, fighting linguistic chauvinism

Привлечение родного языка и языка-посредника при изучении нового языка: современное состояние проблемы

Статья посвящена проблемам преподавания иностранных языков (далее — ИЯ), возникающим все чаще в связи с необходимостью обучать студентов иностранным языкам (в том числе и русскому как иностранному) в условиях, когда преподаватель не владеет родным языком студентов. Ситуация усугубляется, когда в одной группе обучаются носители разных языков и культур. Для многих стран эта ситуация обусловлена притоком мигрантов, но в этом случае речь идет либо о курсах языка для взрослых, либо о школьном образовании. Наше исследование связано с вузовской подготовкой лингвистов-переводчиков, то есть с обучением иностранцев, профессионально изучающих русский язык как (первый) иностранный (далее — РКИ). Возможность и целесообразность применения в этих условиях родного языка студентов, а также языка или языков, изучавшихся ими в средней школе, на сегодняшний день изучена далеко не достаточно.

Если преподаватель не владеет родным языком студентов, приходится либо прибегать к одному из прямых методов, либо подключать язык-посредник, каковым в большинстве случаев является английский. В последние годы русский язык тоже нередко выступает как язык-посредник, если абитуриенты из стран ближнего зарубежья выбирают в качестве первого ИЯ английский или иной иностранный язык.

В лингводидактических исследованиях последних лет почти не встречаются рекомендации устанавливать прямую связь между понятием и иноязычным словом, то есть «запереть канал» родного языка. Роль привлекаемого на помощь языка — родного или любого другого — нередко сводится к нескольким утилитарным функциям: перевод заданий и инструкций, семантизация лексики, объяснение домашнего задания, контроль понимания лексической/грамматической единицы [1]. Мы же придерживаемся убеждения, что язык-посредник равно, как и родной язык, применим *на всех этапах* профессиональной подготовки лингвистов, хотя его «ниша», то есть набор функций, постепенно претерпевает изменения. Прежде всего, мы рассматриваем язык-посредник не только как медиатор между участниками учебного процесса, но *и как медиатор между языковыми картинами мира*, поэтому он нужен даже в тех условиях,

[1] По наблюдениям М.С. Фильцовой. (Фильцова М.С. Использование языка-посредника в обучении русскому языку студентов English Media // Образование: прошлое, настоящее и будущее : материалы II Междунар. науч. конф., г. Краснодар, февраль 2017 г. Краснодар : Новация, 2017.)

когда у преподавателя и обучаемых общий родной язык. Вовлечение в учебный процесс предыдущего языкового опыта студентов расценивается в документах Европейского союза как фактор, способствующий интеллектуальному развитию учащихся (“cognitive benefits which include the ability to learn, higher intellectual capabilities…”) [2], при этом важно, *как именно* приобретался предыдущий опыт. «С точки зрения многоязычия любой предыдущий опыт изучения языков ценен, но, согласно концепции “Faktorenmodell” (Hufeisen 2001), все языки, изучавшиеся по модели усвоения родного, объединяются как L1 — язык 1. Первый иностранный язык, изучавшийся как учебный предмет, именуется L2, а последующие языки — соответственно L3 и так далее» [3]. Сказанное подчеркивает, что родной язык и язык-посредник, имея много общего как языки-помощники, не могут полностью заменить друг друга: родной язык воспринимается как «правильная» картина мира, и увидеть его объективно можно лишь выйдя за его пределы. И именно язык-посредник, особенно на начальном этапе обучения, помогает *посмотреть на свой родной язык извне, со стороны* и воспринять особенности иностранного языка не как искажение нормальной логики построения предложения, а скорее как закономерность, нарушаемую в родном языке. Тем самым он предупреждает восприятие иноязычной особенности как нелепой, то есть профилактирует так называемый «языковой шовинизм». Например, английский язык может использоваться в целях предупреждения ошибки при изучении китайского языка русскими учащимися: аналогия подчеркивает, что иноязычное употребление вполне логично:

- “Hěn gāoxìng rènshi nǐ”= *Очень рад познакомиться с вами*. Таков китайский речевой этикет при первой встрече. Обратите внимание, что предлог «с» отсутствует. (Ср. с английской фразой “*Glad to meet_you*.”)
- Запомните дни недели. Это очень просто: понедельник — «неделя + один», вторник — «неделя + два» и т. д. Только воскресенье называется по-другому: «неделя + солнце» (ср. с англ. “Sunday”).

Соответственно при обоснованном подключении других языков (например, в целях сопоставительного анализа) нет оснований опасаться, что изучаемый язык будет «вытеснен с урока». По выражению К.-Б. Бёкмана и его соавторов, “the German class has room for many other languages” («На уроке немецкого есть место и для многих других языков») [4].

Итак, различая понятия «родной язык» и «язык-посредник», мы полагаем, что оба они *выполняют разнообразные функции, во многом совпадающие и частично различающиеся*. В ходе образовательного процесса изучаемый язык (например, русский) и язык-посредник (например, английский) *могут меняться ролями.* Так, даже полученные в школе элементарные, фрагментарные знания английского языка способствуют усвоению русского как иностранного на первом курсе, а на занятии по английскому языку как второму ИЯ, изучаемому со второго курса при подготовке переводчиков, можно опираться на опыт в РКИ как языке-посреднике. Тем самым мы готовим почву для *многоязычия* обучающихся.

Близкую точку зрения высказывает Л.В. Молчанова, широко рассматривающая первый ИЯ: «…от источника глубинных лингводидактических универсалий до языка-посредника при обучении ИЯ2» [5]. Существуют и другие отечественные исследования, говорящие о потенциальной применимости языка-посредника на всех этапах обучения иностранному языку [6]. Однако в этих работах получили освещение далеко не все возможности привлекаемых языков — родного и посредника. Кроме того, проблема освещается преимущественно в дидактическом ракурсе, а не в *лингво*дидактическом, а последний необходим, чтобы помочь преподавателю-практику опираться на языки-помощники с учетом специфики изучаемых языковых явлений.

---

[2] Language teaching and learning in multilingual classrooms. Luxembourg : Publications Office of the European Union, 2015. P. 27.

[3] Chaudhuri T. Multilingual perspectives on German as a foreign language in India Observations of an empirical study with learners of German as a foreign language in New Delhi // ForumSprache. 2009. N 1. P. 7.

[4] Boeckmann K.-B., Aalto E., Abel A., Lamb T. Promoting plurilingualism — Majority language in multilingual settings. European Centre for Modern Languages / Council of Europe Publishing. 2011. URL: https://www.researchgate.net/publication/259507522_Promoting_plurilingualism_-_Majority_ language_ in_multilingual_settings

[5] Молчанова Л.В. Обучение второму иностранному языку в условиях формирования функционального многоязычия в языковом вузе (на примере японского языка) : автореф. дис. … канд. пед. наук. Рязань, 2009. С. 4.

[6] Осинцева-Раевская Е.А. Роль и место родного языка при изучении русского языка как иностранного // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. 2014. Вып. 5. С. 96–102; Фильцова М.С. Использование языка-посредника в обучении русскому языку студентов English Media.

Функции языка-посредника

***Учебное общение, обслуживающее учебный процесс (инструкции преподавателя, вопросы, просьбы, касающиеся хода занятия*).** Эта функция довольно быстро передается изучаемому языку. Однако некоторые инструкции, если соблюдать и точность указаний, и простоту языка, естественнее звучат на английском. Например, вместо «*Отрывайте глаза от текста, следите за обращенностью речи»* проще и понятнее сказать: "*Read, look up and say. And say it to `me!"*).

На начальном этапе по-английски могут задаваться вопросы, вызывающие употребление недавно введенных лексических единиц и служащие для тематического обобщения лексики:

(а) Read the words:

магазин, университет, больница, библиотека, цирк, общежитие, театр, аптека, кинотеатр.

Where do you go almost every day?

(б) Name the place (-s) where …

- people go to have a good time;
- people go to buy something;
- people go to study;
- people go when they are ill.

Важно обеспечить перечисление, чтобы единицы по-разному группировались при ответе на разные вопросы. Так, заниматься ходят и в университет, и в библиотеку, люди с недомоганием идут либо в больницу, либо в аптеку, а покупки делаются и в магазине, и в аптеке.

Нестандартные инструкции, задающие коммуникативную ситуацию или смысловую задачу, могут формулироваться на языке-посреднике достаточно долго, пока не сформируются прочные лексико-грамматические навыки понимания русской речи. См., например, инструкцию к составлению связного описания (б), предлагаемую после упражнения в запоминании постепенно расширяющегося предложения (а):

(а) Работа над памятью. Read, look up and say!

(Запомните: ***у***тром = *in the morning*, с утр***а*** = *since the morning*.)

Идёт дождь. Сег***о***дня идёт дождь. Сегодня с утр***а*** идёт дождь. Сегодня с утра идёт дождь и д***у***ет в***е***тер. Сегодня с утра идёт дождь и дует хол***о***дный ветер. Сегодня с утра идёт дождь и дует холодный ос***е***нний ветер. Вчера *было* солнечно, а сегодня с утра идёт дождь и дует холодный осенний ветер.

(б) В задании «а» с нами говорит пессимист (a person who always sees the bad side of things). Составьте похожее описание (Make up a description of the same kind — compare yesterday and today). But try to sound more optimistic (= less pessimistic).

Семантизация лексического материала. Язык-посредник применяется, когда нет возможности опереться ни на беспереводные способы объяснения лексической единицы, и прежде всего на различные виды прямой демонстрации (реальный объект, картинка, жест, схема, мимика и пр.), ни на объяснение средствами иностранного языка: антоним (*злой = не добрый*) или краткое объяснение доступными иноязычными средствами (*ленивый = не любит работать; запретить = сказать «нельзя!»*).

Язык-посредник в функции семантизации особенно применим на начальном этапе, поскольку частотные слова и фразы учебного обихода и ежедневного бытового общения с наибольшей вероятностью могут быть знакомы студентам даже с очень низким уровнем владения английским языком. В группе с двумя или более родными языками возможен и индивидуальный подход. Если слово на языке-посреднике будет понято хотя бы одним учащимся, он сможет перевести его на родной язык для остальных членов своего языкового сообщества. Если же студент не знает ни русского слова, ни его английского эквивалента, но владеет другим европейским языком как посредником, можно опереться на слово общего корня, чтобы обеспечить догадку с помощью «рабочей дефиниции». Например, при семантизации слова «погода» можно начать со слова общего корня «климат» (англ. climate, фр. climat, нем. Klima, исп. clima): *Вы знаете слово «климат»? А погода — это «климат сегодня».*

Слова с достаточно абстрактным значением («восхищение», «обида») или, напротив, с конкретным видовым значением (наименования деревьев, птиц и пр.) должны по возможности переводиться на родной язык учащихся. Для этого преподавателю не обязательно владеть им: существуют электронные словари, откуда слова и примеры могут быть заранее выписаны и вставлены в план-конспект занятия или предъявлены с помощью технических средств. Перевод на родной язык может сочетаться с микроконтекстом или антонимом на изучаемом языке, как в следующем фрагменте, когда родные языки в группе — китайский и французский.

Некоторые формы совершенного вида образуются не с помощью приставок (*читать — **про**читать, писать — **на**писать*), а с помощью изменения основы глагола. Прочитайте и запомните эти формы глаголов. Они вам будут нужны сегодня.

Поступать	Поступить	1) … в университет, на работу = 考入大学; 2) … хорошо, плохо, умно, глупо: 她对待我很不好 = она плохо поступила со мной (faire mal à quelqu'un).

Формирование потенциального словаря. Если идет речь о так называемой «интернациональной лексике», то носителям большинства восточных языков (в отличие от европейских) при их обучении русскому языку трудно опираться на слова общего корня: так, в английском (русском) и в китайском количество общей лексики минимально, поскольку китайский язык в основном пользуется внутренними ресурсами словотворчества и предпочитает кальку прямому заимствованию. Например: футбол = 足球 zúqiú (то ли калька с английского “football” = «нога + мяч», то ли случайное совпадение способа номинации).

Русский язык как иностранный, в отличие от восточных, с его разветвленной системой аффиксов и соответственно дериватов, представляет собой благодатный материал для формирования потенциального словаря с одновременным развитием языковой наблюдательности, догадки и лингвистического мышления в целом, однако этот аспект внутриязыковой опоры не входит в задачу статьи. Заметим, кстати, что выявление этимологии слова и дальнейшая систематизация слов общего корня помогают иностранным учащимся запомнить длинные и труднопроизносимые русские слова, которые появляются на первом курсе в связи с бытовыми коммуникативными потребностями студентов, например, «общежитие» (*жить = to live; общий — значит наш: и твой, и мой, и их; общежитие — наш общий дом*). Впоследствии такой подход к семантизации лексики поможет студентам понять и лучше запомнить слова *«общаться», «сообщать», «общительный»*, «*общество*» и т. д.

Английский же язык подсказывает значение многих русских заимствованных слов. Более того, опора на английский помогает сформировать фонетический слух, создать представление о «русском акценте» и осмыслить фонетические характеристики, его обусловливающие (палатализация, оглушение конечных звонких согласных и т. д.). Поэтому полезно сопоставлять английские слова и их русские заимствования, чтобы определить на слух, которое слово в паре было русским, а которое — английским: *текст — text, теннис — tennis, basketball — баскетбол, ноутбук — notebook* и т. п.

Создание атмосферы постоянного проникновения в структуру неродного языка (иностранного и посредника) и его культуры. Язык-посредник помогает, в частности, создать представление о том, что неродной язык может использоваться *в различных стилистических регистрах* в официальном и неформальном общении (уменьшительные имена в русском, выбор между «ты» и «вы», сокращенные и полные глагольные формы в английском языке в зависимости от устной или письменной формы общения и т. п.). Например:

Русский (иностранный)	ты	Вы (один)	вы (все)
Английский (посредник)	you	you	you
Китайский (родной)	你 nǐ	您 nín	你们nǐmen, 您们 nínmen

Разумеется, нужны и дополнительные лингвокультурные сведения (желательно на родном языке учащихся) о ситуациях, допускающих или не допускающих обращение на «ты», поскольку

его использование в русском и китайском языках не вполне совпадает. Так, в северо-восточной лингвокультуре Китая (в отличие от Пекина) местоимение 你 nǐ («ты») часто употребляется и по отношению к незнакомым людям в бытовых ситуациях общения, то есть принимает на себя и роль русского «Вы». Эту лингвокультурную особенность можно показать на схеме, где относительная широта рамки подчеркивает различие в употребительности неформальной и подчеркнуто вежливой форм в двух языках:

ты	Вы (один, одна)	вы (все)	
你 nǐ	您 nín	你们nǐmen	您们nínmén

Предотвращение ошибок употребления лексики за счет сопоставления объема значений. Во многих случаях язык-посредник помогает увидеть сходство и различие в языковом членении действительности при сопоставлении всех трех языков: родного, иностранного и посредника. Так, вводя лексему *жарко, жаркий* целесообразно соотнести ее и с родным языком учащихся (например, с китайским 热 *rè*), и с посредником (английским *hot*). В данном случае язык-посредник членит реальность так же, как и родной китайский, в отличие от русского, где понятие «высокотемпературный» делится на «жаркий» и «горячий». А со словом «холодный» ситуация иная: здесь русский концепт «низкотемпературный» совпадает с английским в отличие от китайского, где для холодных дней и холодных напитков существуют разные обозначения: соответственно 冷 *lěng* и 凉 *liáng*.

Особенно трудны случаи межъязыковых соответствий, когда одному слову родного языка соответствуют три или более различающихся по семантике единиц иностранного языка. Студентам может помочь опора на язык-посредник, если он членит изучаемый фрагмент картины мира так же, как и иностранный. И даже если студент не знает всех соответствий в языке-посреднике, на помощь придут простые контексты-словосочетания, выявляющие семантику каждой единицы. Например, если русские студенты изучают китайский язык, то при введении глагола 游泳 (плавать) желательно профилактировать межъязыковую интерференцию:

– people *swim* (游泳 yóuyǒng),
– ships *sail* (航行 hángxíng),
– people *sail* on board a ship (乘船走 chéngchuán zǒu),
– dead leaves or pieces of wood *float* on water (漂 piāo).

Вместо проведения ложного однозначного соответствия между единицами «плавать» и 游泳 yóuyǒng, язык-посредник помогает сформировать «пустые ячейки» для выражения других значений русского глагола «плавать», которые устранят возможность неправильного употребления изученного китайского глагола в несвойственных ему значениях.

Иллюстрация использования лексико-грамматических явлений как средство формирования лингвистического видения иностранного языка. Особенности синтаксиса иностранного языка лучше понимаются и запоминаются, если в языке-посреднике обнаруживается структурная аналогия с иностранным языком. Это предотвращает психологическое неприятие дополнительной трудности, которой нет в родном языке. Так, на первых же уроках РКИ, когда вводится отрицание («Это Анна? — *Нет*, это *не* Анна. Это Нина»), китайский студент сталкивается с двумя отрицательными частицами, которым в китайском языке соответствует одна — «不 bù». Английский язык демонстрирует ту же закономерность, что и русский, и подсказывает студентам, как выбирать между «*не*» и «*нет*»: “Is it Anna? — *No*, it is *not* Anna. It is Nina”.

Иногда оппозиция вариантов видовых форм (*ехать — ездить, лететь — летать* и др.) связана с изменением лексического значения слова, и здесь язык-посредник проясняет ситуацию. Так, глагол «плыть» отличается от формы «плавать» дополнительной семой направления. В английском языке эта сема передается контекстом, выявляющим смысловое различие глаголов.

«*What are doing? — I’m swimming. — You are swimming too far out. Swim back!*”	*Что ты делаешь? — Я плаваю. — Куда ты плывёшь? Плыви назад!*

Значение направления движения в русском языке встроено в семантическую структуру глагола «плыть» и только уточняется лексическими индикаторами «куда» и «назад». Английский контекст подсказывает китайским студентам закономерности выбора формы глагола. При этом высказывания “*You are swimming too far out*” и «*Куда ты плывёшь?*», не совпадая в буквальном значении, в прагматическом смысле эквивалентны. Точная передача фразы “*too far out”* потребовала бы неизвестной учащимся словоформы «*заплыл*», а буквальный перевод русского риторического вопроса прозвучал бы на английском языке не вполне уместно. Тем самым косвенно эти контекстуально обусловленные соответствия помогают сформировать понятие об адекватности перевода и допустимости переводческих замен, то есть способствуют формированию профессиональной (переводческой) компетенции.

При объяснении таких вариантов форм несовершенного вида, как *ехать — ездить, лететь — летать, идти — ходить,* также возможна опора на английский язык, но только если учащиеся понимают смысловую разницу между Present Continuous и Present Simple: “Where *are you going*? — To the library. — *Do you always go* to the library so late?” Однако в оппозициях такого типа можно обойтись и внутриязыковыми средствами, представив алгоритм выбора русского эквивалента глагола 去 qù (≈ англ. “go”) с помощью схемы.

去 qù (≈ “go”)

	сейчас	*всегда, часто*
Без транспорта	идти	ходить
На транспорте	ехать	ездить

На элементарном уровне изучения ИЯ такая дифференциация достаточна для нужд общения, хотя между китайским и английским словами не случайно стоит знак приблизительного равенства. В ходе дальнейшего изучения языка при противопоставлении глаголов «пойти — прийти» по семе «направление отсюда или сюда» необходимо провести различия, обусловленные особенностями употребления слов. Так, приглашая китайского друга прийти вечером в ресторан отметить торжественное событие, по-русски и по-английски мы говорим «приходите» (“come”). Но по-китайски говорят «идите» (去 qù) вместо ожидаемого «приходите» (来 lái), поскольку говорящий сейчас находится не в ресторане. При изучении же английского как ИЯ обнаруживается иное расхождение с русским языком (как родным или посредником):

Мы идем в кино. *Идёмте* с нами!

We are going to the cinema. *Come* with us!

Выбор глагола *“come”* вместо ожидаемого *“go”* обусловлен неявной семой «присоединяться».

Другая лингвометодическая проблема — окказиональный семантический контраст форм глагола совершенного и несовершенного вида в некоторых словосочетаниях. Яркий пример: *сдавать* и *сдать* экзамены. Английский язык как посредник выявляет их смысловое несовпадение: двум формам, казалось бы, одного глагола соответствуют разные английские лексемы:

Расскажите о том, как вы сдавали сессию на первом курсе.

Запомните:

Я *сдавал/сдавала* три экзамена (I was to *take* three exams).

Я *сдал/сдала* все три экзамена (I *passed* all my exams).

Сколько экзаменов вы *сдавали* летом? По каким предметам?

Они были трудные или лёгкие? Как вы *сдали* экзамены?

Таким образом, язык-посредник служит в качестве подсказки, предупреждающей ошибку (“attention pointer”), и одновременно формирует понятие о слове как наборе сем, где та или иная сема в определенных коммуникативных ситуациях может быть решающей для выбора иноязычной лексической единицы.

Посредничество в формировании понятия о смыслоразличительной роли флексий в русском языке. Например, китайские глаголы не имеют вообще флексий рода и числа, и сформировать понятие о смыслоразличительной роли флексий в какой-то степени можно через английский язык, где есть противопоставление “*He, she, it likes” — I, we, you, they like”*. Аналогично посредничество английского языка помогает уяснить различие между прилагательными и наречиями: *He is a good teacher — he teaches well. Он хороший преподаватель —*

он преподает хорошо. Но, поскольку в английском языке в предикативной функции используются прилагательные, а в русском — наречия (*I am cold = Мне холодно*), посредничество английского ограничивается созданием общего понятия о смысловом различии и формальных признаках прилагательных и наречий в РКИ, а в дальнейшем в ходе тренировки следует опираться на оппозицию вопросов «какой?» и «как?», а также на терминологию в родном языке учащихся, например: 副词 fùcí (нареч.) —形容词 xíngróngcí (прил.).

Материал для сопоставительного анализа с самостоятельным выведением языкового правила (индуктивная презентация грамматических явлений). Примером может служить притяжательное местоимение «свой». В китайском языке существует приблизительный аналог 自己[的], не совпадающий с русским по особенностям употребления. Язык-посредник дает не столько перевод, сколько объяснение (“*one’s own*”), но зато позволяет предложить контексты, помогающие осмыслить выбор между конкретным ответом на вопрос «Чей именно?» и обобщающим местоимением «свой»:

«Свой» — значит “one’s own”. Сравните английские и русские предложения и скажите, когда в русском языке употребляются слова «свой», «своя», «своё», «свои»:

They are proud of *their* son. *Their* son is a famous doctor.	Они гордятся *своим* сыном. *Их* сын — знаменитый врач.
Where is *your* umbrella? Did you leave *your* umbrella at home? Take mine.	Где *твой* зонтик? Ты оставил *свой* зонтик дома? Возьми мой.
Put ***your*** telephone into your bag.	Положи ***свой*** телефон в сумку.

Use the word «свой», if the thing or person belongs to the doer of the action: *Она помогает своей сестре.*

Use the word «свой» instead of «твой, ваш» in imperative sentences: *Убери свой телефон в сумку*.

Учебный перевод как средство обучающего контроля. Речь идет о контроле в ходе выполнения заданий, где обучающая составляющая доминирует над оценочной (в терминологии О.Г. Полякова — «неформальный контроль», при котором обучающиеся не чувствуют себя проверяемыми) [7]. Язык-посредник, как и родной язык студентов, «подсказывает» содержание тренировочных заданий, позволяя облекать высказывания в нужную форму, а также отслеживать степень сформированности навыка, чтобы при необходимости вносить изменения в ход занятия.

В этой функции наиболее полезен учебный перевод на РКИ (частичный или полный, с опорами и без). Например, после обобщения форм притяжательных местоимений, студентам предлагается перевести на русский язык словосочетания *my notebook, your textbook, my things, your jacket, our friends, your coat, your telephones,* при этом намеренно предлагается хорошо знакомая лексика, чтобы студенты могли сосредоточиться на выборе местоимения в нужном роде и числе. Привлечена также опора на логику: “*your jacket”* соответствует вариантам «*твоя* куртка» или «*Ваша* куртка», в то время как фраза *“your telephones”,* скорее всего, адресована всем присутствующим. Заметим, что опора на родной (китайский) язык сохранила бы только грамматическую задачу, но устранила бы логический компонент задания.

Прием, сочетающий контроль с самоконтролем, — это «обратный перевод» небольших связных высказываний в пределах объема непосредственной памяти с языка-посредника на изучаемый язык. Высказывания из 2–4 коротких предложений должны быть общеупотребительными по регистру (в классификации И.Р. Гальперина — neutral, standard colloquial или standard literary) и звучать естественно как побудительная или ответная реплика. В них могут логично сочетаться элементарные речевые акты (например, запрос информации и совет, выражение мнения и аргументы и т. п.). Студентам предлагается несколько параллельных текстов на ИЯ и языке-посреднике. Например:

[7] Поляков О.Г. Контроль в обучении иностранным языкам // Методика обучения иностранным языкам: традиции и современность. М. : Титул, 2010. С. 385.

Ты всегда говоришь: «Не делай этого», «Не гуляй под дождем», «Не смотри телевизор до 11-ти». А мне нравится гулять под дождем, и я люблю смотреть телевизор!	You always say “Don’t do it”! “Don’t walk in the rain”, “Don’t watch TV till eleven”. But I `like walking in the rain, and I `like watching TV!

В этом примере отрабатывается контраст между неопределенной формой глагола и формой повелительного наклонения в РКИ. Язык-посредник (как и родной язык в этой же функции) может вообще не звучать: он нужен как опора для воссоздания иноязычного текста. Предварительно фразы мини-монолога повторяются за преподавателем (внимание обращается на естественность звучания и логическое ударение). После этого русский текст закрывается, студенты смотрят на английскую «подсказку» и еще раз слушают и повторяют каждую фразу на иностранном языке (РКИ). Затем они воспроизводят русский текст по его английскому аналогу, стараясь передать отношение говорящего к ситуации (в примере выше — эмфатический протест).

Еще один вариант учебного перевода на ИЯ — перевод по заданной модели. Например, отрабатывается противопоставление структур: *«у кого-то что-то было — чего-то не было»*. Здесь важен контраст утвердительной формы (именительный падеж, глагол изменяется в роде и числе) и отрицательной (форма глагола не зависит от рода и числа дополнения, существительное — в родительном падеже). В английском же языке структура почти не меняется, что опять-таки позволяет подсказать только содержание высказывания:

Translate the sentences showing contrast. Use the model:

У меня (у него, у неё, у нас, у вас, у них) …

… Был, была, были, было (кто, что?) …,

… но не было (кого, чего?)

He had a family, but no house.

She had a husband, but no children.

He had a good job, but no car.

They had money, but no friends.

Возможен и тройной перевод (самостоятельный, но под контролем преподавателя). Предлагается текст на языке-посреднике, который студенты переводят на родной язык (если родной язык у всех один и тот же, например, китайский). Один из студентов пишет на доске. Студенты должны подтвердить правильность перевода или исправить его, а затем перевести его на РКИ с обсуждением получившихся вариантов.

Сопоставление иноязычного оригинала и перевода на язык-посредник как средство выявления идиоматичности иностранного языка. Язык-посредник помогает вникнуть в самую неброскую, неприметную синтаксическую идиоматику изучаемого языка. Эта функция в равной мере присуща родному языку и языку-посреднику (возможно сопоставление трех языков, но только если преподаватель хорошо владеет родным языком учащихся). Главное, что в учебном переводе на РКИ начнут проявляться ростки будущего профессионального перевода. Например, через перевод выявляется такая особенность русского языка, как предпочтительное использование утвердительной формы сказуемого и передача отрицательных сем другими членами предложения (“*don’t live ... — живу не …”; “doesn’t take me more than — отнимает только …*”).

My classes begin at ten a.m. I don’t live very far from the university, and I often walk there. It doesn’t take me more than twenty minutes, ...

Иногда текст на языке-посреднике русифицируется как помощь в переводе. Но русификация должна идти как *дополнительная* информация, чтобы не создать неправильный англоязычный стереотип:

I don’t like to stay (Russ.: *“to sit”*) at home on Sunday.

He won’t return until half past nine. (Russ.: *He will return only at …*)

Образец логичного построения высказывания на русском языке как (первом) иностранном. В этой функции роль родного языка и языка-посредника совпадает. Предлагаемый образец показывает, о чем можно говорить и как эффективно выстроить переход от одной мысли к другой, но студент остается один на один с проблемами формулирования мыслей на иностранном языке. В примере, приведенном ниже, необходимы степени сравнения наречий и модальные глаголы «*надо*», «*не надо*», «*можно не*»:

Я студентка, но я не очень хорошо учусь. Я боюсь не сдать экзамены. Посоветуйте мне, что делать.

Образец: *If you don't study well, go to the library more often, and go to the cinema more seldom. Read more books. You needn't study till late at night, but you must study every day! You must go to bed earlier, and get up earlier, too. Plan your day. Then you will study better. Your life will be easier and more interesting.*

При недостаточно развитом воображении студент может перевести текст на РКИ с минимальными добавлениями; для других же текст послужит примером для творческого высказывания.

Вопросы по тексту (или правильные и ложные утверждения) как способ проверки понимания. Язык-посредник или родной язык в таких заданиях иногда предпочтительнее, чем формулировка на РКИ, особенно если из текста, простого по языковому оформлению, требуется извлечь некий подтекст, сделать вывод, но понять вопрос на иностранном (русском) языке учащиеся еще не могут.

Меня зовут Катя. У нас большая семья. Мы часто собираемся вместе, и каждый рассказывает о себе. Мой старший брат нашел работу. Работа ему нравится. <…>

Моя младшая сестра учится в пятом классе. У них теперь много учителей и много предметов. Она приходит домой и долго делает домашние задания. Ей нужно гулять, она еще ребёнок! А она сидит дома и всё время учится. Это вредно.

В этом году я закончу школу. Я еще не знаю, кем я хочу быть. Мои родители часто говорят со мной об этом. Мне нравятся профессии программиста, инженера и врача. Я думаю, что профессия врача — самая интересная. Но она самая трудная. Может быть, я буду программистом. Это очень современная профессия. Но программисту и инженеру надо хорошо знать математику. А я не люблю математику.

Are Kate's parents worried about her? Is it natural of them to feel worried about her future? *Which of these words can best describe Kate: Optimistic? Light-minded? Selfish? Hard-working? Childish? Find all the facts which can prove that you are right.*

Функции языка-посредника и родного языка: краткое сопоставление

Практически во всех перечисленных функциях в равной мере применим и язык-посредник, и родной язык студентов, хотя при обучении иностранцев такая возможность бывает нечасто. Однако даже если преподаватель РКИ работает в однородной по языку группе и свободно владеет родным языком студентов, язык-посредник все равно важен. Во-первых, в отличие от родного языка, в разноязычной аудитории он один для всех, то есть объединяет студентов как учебный коллектив. Во-вторых, он предупреждает проявления «языкового шовинизма» (психологического отторжения норм ИЯ). Родной язык способен выполнять эту роль только в условиях, где у всех студентов и у преподавателя он один и тот же и где можно доказать, что система родного языка (как, впрочем, и любого другого) небезупречна в плане логики и упорядоченности. В-третьих, язык-посредник, привлекаемый в условиях сопоставления трех языков, развивает языковую наблюдательность и привычку рассматривать языковые явления в рамках системы.

Вероятно, у родного языка функционал немного шире. На языке-посреднике, учитывая заведомо недостаточный уровень коммуникативной компетенции, труднее готовить студентов к точному анализу семных расхождений (*равнодушный — безучастный, мешать — препятствовать*), к учету стилистического регистра лексики или синтаксиса, к формированию и дальнейшему переносу на РКИ интеллектуальных умений (дефиниции, классификации, аналогии и т. п.), то есть меньше возможностей для формирования предпереводческих умений [8]. В связи с этим очень важно в полном объеме использовать тот потенциал, которым располагает язык-посредник.

Многолетняя практика преподавания ИЯ показывает, что изучаемый язык, в свою очередь, не может не влиять на использование родного. Это доказывается научными исследованиями и эмпирическими наблюдениями, хотя чаще всего отмечается интерференция и положительный перенос в плане языковых навыков [9]. Но при изложенном в статье подходе к полифункциональной взаимосвязи языков можно обеспечить *положительный перенос учебных,*

---

[8] О роли родного языка в формировании предпереводческих умений см.: Колкер Я.М., Устинова Е.С. Предпереводческие виды учебной деятельности на первом курсе специальных факультетов // Urbi et Academiae : науч. журнал. СПб. : Алеф Пресс, 2012. С. 92–100.

[9] См., напр.: Kecskes I. The effect of the second language on the first language: The dual language approach. URL : http://www.albany.edu/faculty/ikecskes/files/babyloniaproofkecskes.pdf ; Плескач Ю.И., Битнер М.А. Русский язык как язык-посредник при обучении английскому языку студентов-билингвов // Научные исследования: от теории к практике : материалы X Междунар. науч.-практ. конф., Чебоксары, 30 окт. 2016 г. : в 2 т. Т. 2 / редкол.: О.Н. Широков [и др.]. Чебоксары : Интерактив плюс, 2016. № 4 (10). С. 75–78.

интеллектуальных и риторических умений из изучаемых языков на родной, что способствует повышению академической успешности студентов в любой области знаний.

Таким образом, как показало наше исследование, язык-посредник, как и родной язык, не только не препятствует развитию иноязычного языкового мышления на ИЯ, но и способствует ему во многих аспектах, а следовательно, применим на всех ступенях профессиональной подготовки лингвистов. В основном функции обоих языков-помощников совпадают, хотя каждый из них имеет свои преимущества и ограничения.

Язык-посредник важен как медиатор между двумя языковыми картинами мира даже тогда, когда преподаватель владеет родным языком студентов-лингвистов. На всех этапах обучения ИЯ целесообразно сопоставление языков, по возможности, и родного, и иностранного, и посредника. При этом в равной мере полезны ситуации совпадения языка-посредника с родным языком (в противовес ИЯ) и с иностранным (в противовес родному).

За счет использования языка-посредника в целях сопоставительных лингвистических обобщений создаются условия для его дальнейшего изучения и совершенствования. Используя язык-посредник как средство обучения, преподаватель косвенно подготавливает основу для «смены ролей», то есть для профессионального овладения языком-посредником как вторым иностранным, когда первый ИЯ сможет, в свою очередь, осуществлять посреднические функции.

Список использованной литературы

1. Колкер, Я.М. Предпереводческие виды учебной деятельности на первом курсе специальных факультетов [Текст] / Я.М. Колкер, Е.С. Устинова // Urbi et Academiae : науч. журнал. — СПб. : Алеф Пресс, 2012. — № 1 (3). — С. 92–100.
2. Колосова, Т.Г. Об особенностях преподавания русского языка как иностранного с использованием и без использования языка-посредника на начальном этапе [Текст] // Вестник Московского государственного агроинженерного университета им. В.П. Горячкина. — 2014. — Вып. 1. — С. 138–141.
3. Молчанова, Л.В. Обучение второму иностранному языку в условиях формирования функционального многоязычия в языковом вузе (на примере японского языка) [Рукопись] : автореф. дис. … канд. пед. наук. — Рязань, 2009. — 26 с.
4. Осинцева-Раевская, Е.А. Роль и место родного языка при изучении русского языка как иностранного [Текст] // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. — 2014. — Вып. 5. — С. 96–102.
5. Плескач, Ю.И. Русский язык как язык-посредник при обучении английскому языку студентов-билингвов [Текст] / Ю.И. Плескач, М.А. Битнер // Научные исследования: от теории к практике : материалы X Междунар. науч.-практ. конф., Чебоксары, 30 окт. 2016 г. : в 2 т. — Т. 2 / редкол. : О.Н. Широков [и др.]. — Чебоксары : Интерактив плюс, 2016. — № 4 (10). — С. 75–78.
6. Поляков, О.Г. Контроль в обучении иностранным языкам [Текст] // Методика обучения иностранным языкам: традиции и современность. — М. : Титул, 2010. — С. 382–405.
7. Фильцова, М. С. Использование языка-посредника в обучении русскому языку студентов English Media [Текст] // Образование: прошлое, настоящее и будущее : материалы II Междунар. науч. конф., г. Краснодар, февраль 2017 г. — Краснодар : Новация, 2017.
8. Boeckmann, K.-B. Promoting plurilingualism — Majority language in multilingual settings. European Centre for Modern Languages [Electronic resource] / K.-B. Boeckmann, E. Aalto, A. Abel, T. Lamb ; Council of Europe Publishing. — 2011. — Mode of access : https://www.researchgate.net/publication/ 259507522_ Promoting_plurilingualism_-_Majority_language_ in_multilingual_settings
9. Chaudhuri, T. Multilingual perspectives on German as a foreign language in India Observations of an empirical study with learners of German as a foreign language in New Delhi [Text] // ForumSprache. — 2009. — N 1. — C. 6–22.
10. Kecskes, I . The effect of the second language on the first language: The dual language approach [Electronic resource]. — Mode of access : http://www.albany.edu/faculty/ikecskes/files/babyloniaproofkecskes.pdf.
11. Language teaching and learning in multilingual classrooms [Text]. — Luxembourg : Publications Office of the European Union, 2015. — 96 p.

References

1. Boeckmann, K.-B. Promoting plurilingualism — Majority language in multilingual settings. European Centre for Modern Languages [Elektronnyy resurs] / K.-B. Boeckmann, E. Aalto, A. Abel, T. Lamb ; Council of Europe Publishing. — 2011. — Rezhim dostupa : https://www.researchgate.net/publication/259507522_ Promoting_plurilingualism_-_Majority_ language_in_multilingual_settings

2. Chaudhuri, T. Multilingual perspectives on German as a foreign language in India Observations of an empirical study with learners of German as a foreign language in New Delhi [Tekst] // ForumSprache. — 2009. — N 1. — S. 6–22.

3. Filtsova, M.S. Uses of a Mediator Language in Teaching Russian to English Media Students [Tekst] // Obrazovaniye: proshloye, nastoyashchee I budushchee : materialy II mezhdunar. nauch. konf. [Education: Past, Present and Future: Papers of the 2nd International Theoretical Conference]. — Krasnodar : Novatsiya, 2017. (in Russ.)

4. Kecskes, I. The effect of the second language on the first language: The dual language approach [Elektronnyy resurs]. — Rezhim dostupa : http://www.albany.edu/faculty/ikecskes/files/babyloniaproofkecskes.pdf.

5. Kolker, J. Teaching Pre-Translation Skills to First-Year Students of Linguistic Universities [Text] / J. Kolker, E. Ustinova // Urbi et Academiae : Research journal. — Saint Petersburg : Alef Press, 2012. — N 1 (3). — S. 92–100.

6. Kolosova, T.G. On the Specifics of Teaching Russian as a Foreign Language With or Without the Assistance of a Mediator Language at the Elementary Level [Tekst] // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo agroinzgenernogo universiteta im.V.P. Gryachkina [Newsletter of Moscow State Agriculture Engineering University named for V.P. Goryachkin]. — 2014. — Vyp. 1. — S. 138–141 (in Russ.)

7. Language teaching and learning in multilingual classrooms [Tekst]. — Luxembourg : Publications Office of the European Union, 2015. — 96 s.

8. Molchanova, L.V. Obucheniye vtoromu inostrannomu yazyku v usloviyakh formirovaniya fuctsionalnogo mnogoyazychiya v yazykovom vuze (na primere yaponskogo yazyka) [Teaching a Second Foreign Language in a Language University: Towards a Multilanguage Educational Milieu (with Japanese for FL2)] [Rukopis]. — Abstracts of dissertation, Ryazan, 2009. — 26 s. (in Russ.)

9. Osintseva-Rayevskaya, E.A. The Role and Place of the Mother Tongue when Learning Russian as a Foreign Language [Tekst] // Vestnik baltiyskogo federalnogo universiteta im. I. Kanta [Newsletter of the Baltic Federal University named after I. Kant]. — 2014. — Vyp. 5. — S. 96–102. (in Russ.)

10. Pleskach, Yu.I. Russian as a Mediator Language in Teaching English to Bilingual Students [Tekst] / Yu.I. Pleskach, M.A. Bitner // Nauchnye issledovaniya: ot teorii k praktike: materialy X mezhdunar. nauch.-prakt. konf. [Academic Research: from Theory to Practice: Papers of the Xth International Theoretical-Practical Conference, Cheboksary, 30 Oct. 2016) : in 2 t. — T. 2 / ed. by O.N. Shirokov [I dr.]. — Cheboksary : Interactive Plus, 2016. — N 4 (10). — S. 75–78. (in Russ.)

11. Polyakov, O.G. Assessment as Part of Foreign Language Teaching [Tekst] // Metodika obucheniya inostrannym yazykam: traditsii I sovremennost' [Foreign Language Teaching Methodology]: multi-author book. — Moscow : Titul, 2010. — S. 382–405. (in Russ.)

УДК 81.11+378.147

О.А. Сулейманова, д-р филол. наук
(Московский городской
педагогический университет, Москва, Россия)

Развитие научного потенциала высшей школы: к вопросу об оптимизации преподавания теоретических дисциплин в системе бакалавриата

В статье предлагается один из возможных подходов к преподаванию теоретических дисциплин в системе вузовской подготовки в современных условиях плотного информационного контента; рассматривается формат преподавания теоретического курса общего языкознания. Приводится описание подхода в формате active learning, сочетающего такие виды работы, как научные проекты и аналитическая интерпретация выбранного объекта исследования с точки зрения различных лингвистических парадигм и направлений. Такой подход позволяет оптимизировать преподавание теоретических дисциплин и тем самым способствовать развитию научного потенциала высшей школы.

преподавание теоретических курсов, научные парадигмы, предмет исследования, аналитическая интерпретация, общее языкознание

© Сулейманова О.А., 2017

Suleimanova, Olga, Ph. D. (Doctor of Philology), Professor
(Moscow City Pedagogical University, Moscow, Russia)

Enhancing the Academic Potential of Tertiary Education: Updating the Teaching of Theoretical Disciplines to Undergraduates

The paper focuses on teaching linguistic theory in higher school in the context of the modern dense information content; the special focus is on teaching general linguistics. The author offers some techniques which are based on the active-learning format, this format including research projects and analytical interpretation of the chosen research object in different linguistic perspectives and within the frames of various research paradigms. The proposed approach is meant to add to the academic potential in the university syllabus.

teaching theory, linguistic paradigms, research theme, analytical interpretation, general linguistics

В настоящее время в системе высшего образования идет непрерывный поиск адаптации образовательной системы к новой информационной реальности, радикально изменившей систему образования, причем в значительной степени в связи с тем, что доступность информации снижает мотивацию студентов, например к посещению занятий, а конспектирование лекций теряет смысл. Более того, успешное освоение образовательных платформ в системе вузовского образования дает неограниченную возможность участникам образовательного процесса — и преподавателям, и студентам — пользоваться планом, текстом и заданиями к лекциям, что радикально изменяет характер учебного взаимодействия в аудитории. Традиционное проведение учебной лекции и затем повторение ее содержания с незначительными вариациями (как крайний вариант) на семинаре не обладает достаточным мотивационным потенциалом и нуждается в пересмотре. Нужно сказать, что, наряду с традиционным форматом чтения лекций, часто именуемым в зарубежной традиции *a sage on stage*, существовала и иная традиция — *a guide on site*, предполагающая совместное продвижение участников образовательного процесса. В таком случае преподаватель не читает лекции, как это было принято (*delivers lectures),* а, скорее, интерактивно обсуждает тему со студентами (*gives talks).* В последнее время все более востребованной становится и стратегия научения студентов использовать на практике полученные от «тренера» (*a coach*) теоретические знания. Студенту показывают, как работать с таким знанием (не знание ради знания, хотя и это важно), что можно делать с таким знанием, какие решать задачи (практические, исследовательские и др.). В практике преподавания накоплен релевантный опыт в виде проектной работы, который можно использовать, например, в курсе общего языкознания, а также применять другие форматы работы, один из которых представлен ниже.

Место дисциплины в образовательной программе

Рассмотрим место дисциплины «Общее языкознание» в прокрустовом ложе действующего Федерального государственного образовательного стандарта по программе подготовки 45.03.02 «Лингвистика» (вступил в силу 1 сентября 2014 г.) и те задачи, которые ставит стандарт перед этой дисциплиной. В процессе ее изучения решается задача овладения, в частности, следующими компетенциями: ОК-8 — способность применять методы и средства познания для своего интеллектуального развития, профессиональной компетенции; ОПК-15 — способность выдвигать гипотезы и последовательно развивать аргументацию в их защиту (ср. сходную ПК-24); ОПК-16 — владение стандартными методами поиска, анализа и обработки материала исследования (ср. сходную ПК-26); ПК-25 — владение основами современных методов научного исследования. Именно эти компетенции и формируются в процессе освоения рассматриваемой дисциплины. Как представляется, мотивацию студентов к ее освоению можно повысить за счет усиления креативной составляющей и за счет внесения в систему оценивания заданий, выполнение которых невозможно без самостоятельного анализа материала в предлагаемом на лекции формате и на основе предложенного преподавателем алгоритма, поэтому важно, чтобы задания были «уникальны» и не имели аналогичных примеров в интернете.

Программа курса «Общее языкознание»

В соответствии с образовательной программой по данному направлению подготовки на дисциплину «Общее языкознание» на втором курсе в первом семестре отводится 32 аудиторных часа (8 обзорных лекций и 8 семинарских занятий). Данной дисциплине предшествует курс

«Введение в языкознание», в ходе которого изучены основные положения лингвистической теории: природа и происхождение языка, знаковая теория языка, описание уровней языка и др. В курсе общего языкознания ставится задача овладения методологией ключевых лингвистических парадигм и направлений, что предполагает знание основных положений лингвистических теорий, методик и техник работы с соответствующим лингвистическим материалом. Перед преподавателем в связи с предложенным форматом встает задача не только передать студентам совокупность знаний, но и сформировать исследовательские и аналитические компетенции, поскольку именно сформированные в процессе обучения компетенции дают представление о предмете, объекте и методах исследования, принятых в рамках каждой из изученных парадигм (ср. с известной английской пословицей *do not give me fish, teach me how to fish*). Иными словами, в ходе лекции, например по дискурсивной лингвистике, студент получает сведения об основных представлениях и положениях, истории становления, предмете, объекте исследования, задачах, решаемых в рамках данного направления. В качестве задания к семинару студентам предлагается самостоятельно изучить фрагменты основополагающих работ в данной области (например, работы П. Серио и его коллег), а также решить две практические задачи, которые по определению не имеют аналогов и поэтому требуют самостоятельного выполнения. Все это позволяет оптимизировать процесс обучения.

Пути оптимизации

Оптимизация достигается за счет, во-первых, использования подхода *active learning*, а именно: на основе полученной в ходе лекции информации студент решает практическую научную задачу, аналогов которой нет в интернете. Например, он вынужден осмыслить объект своей курсовой работы в дискурсивной, социолингвистической или семантической перспективе: определить предмет исследования, методику сбора материала и его практического анализа, спрогнозировать результат исследования. Таким образом, освоение дисциплины достигается за счет активного практического применения изученного материала. Во-вторых, актуальной остается опора на проектную работу, которая в современном образовательном пространстве рассматривается как одно из условий формирования общих и профессиональных компетенций студентов. Основное предназначение проектной работы состоит в предоставлении студентам возможности самостоятельного приобретения знаний и умений в процессе решения поставленной задачи, решение которой требует интеграции знаний из различных предметных областей [1]. Ключевым моментом в проектном задании является прямая его связь с методологической основой изучаемой лингвистической парадигмы, а также выполнение проектного исследовательского задания в соответствии с рассматриваемой методологией. Иными словами, в проектной работе происходит синергетическое взаимодействие теоретического знания с практическим опытом, что позволяет преподавателю достичь интегративного дидактического единства развития, обучения и воспитания студента, а коллективная учебная деятельность при этом дает возможность моделировать не только деятельностную, но и личностную сторону взаимодействия студентов, повышая роль коллективного субъекта [2].

Проектная работа. Используя проектную работу для организации познавательной деятельности студентов, можно построить лекционный курс по общему языкознанию и в принципе по ряду теоретических дисциплин таким образом, чтобы на лекции студенты получали информацию об одной из существующих лингвистических парадигм — лингвистической семантике, когнитивной лингвистике, социолингвистике, дискурсивной лингвистике, прагматике, психолингвистике: основные методологические постулаты, предмет и объект исследования, актуальная проблематика и описательный потенциал. На соответствующем семинарском занятии анализируются репрезентативные исследования, выполненные в данном направлении поиска, причем с акцентом на исследовательской методике. Далее группам студентов по 3–4 человека предлагается небольшой исследовательский краткосрочный монопроект [3], выполнить который можно на основе изученного подхода и методики исследования. В конце семестра проводится презентация-защита проектов.

---

[1] Колесникова И.А Педагогическое проектирование. М. : Академия, 2007 ; Полат Е.С. Современные педагогические и информационные технологии в системе образования. М. : Академия, 2007.

[2] Куклина С.С. Коллективная учебная деятельность как организационная форма овладения иноязычным общением : моногр. Киров : Изд-во ВятГГУ, 2007.

[3] Кустова С.А. Проектная деятельность как одно из условий формирования общих и профессиональных компетенций студентов. URL : http://festival.1september.ru//articles/633155)

Так, например, был предложен ряд нижеприведенных проектов, предполагающих анализ методологии и основных постулатов и положений одного из направлений лингвистики и затем реализацию практического исследования в рамках данного направления:

- Проект по социолингвистике (лонгитюдный анализ владения лингвистическими компетенциями), связанный с измерением русского и английского словарного запаса студентов разных курсов. Студенты-исследователи проводят интернет-опрос студентов разных курсов и магистров, используя сайты www.myvocad.info для русского и www.testyourvocab.com для английского вокабуляра. С помощью этих сайтов определяется объем словарного запаса испытуемых на родном и иностранном языках и далее полученные результаты сравниваются.
- Проект по семантике (описание семантики языковых единиц *renovate, redecorate, repair, refurbish*), в рамках которого определяются значения языковых единиц по принятой схеме исследования: дистрибутивный анализ единиц на основе корпусных данных, выдвижение гипотезы и компонентный анализ с проведением семантического эксперимента с опорой в целом на процедуры гипотетико-дедуктивного метода.
- Проекты по прагматике (анализ нарушений постулатов общения П. Грейса на основе продуктов речевой деятельности действующих политиков или косвенных речевых актов в речи преподавателей (по выбору студента)).
- Проекты по когнитивной лингвистике (метафоризация образовательного дискурса на материале, например, речи преподавателей или ответов студентов на занятиях), которые эффектно представляются затем в презентациях с привлечением анимации.

Все предлагаемые нами проекты основаны на исследовании реального языкового материала и не имеют аналогов в интернете, что делает их уникальными и исключает возможность плагиата. Одно из основных преимуществ данных проектов состоит во включенности студентов в исследовательский процесс в течение всего семестра: сбор материала, анализ своей и преподавательской речевой деятельности, приобретение ценного для лингвиста как профессионала чувства языка.

Такой формат позволяет обучающимся (помимо написания своей курсовой работы, выполняемой в рамках одной из разрабатываемых преподавателями кафедры научных парадигм) расширить свой научный горизонт, овладеть методикой научного исследования в рамках новой для них парадигмы [4], проводить исследовательскую работу в течение нескольких лет.

Вместе с тем следует учитывать, что глубокое осмысление методологической и методической основы различных направлений лингвистики требует более активного, индивидуального, практически ориентированного освоения дисциплины. Для этого в условиях ограниченного времени, отводимого на изучение дисциплины, и с учетом современных требований в курс обучения вводится задание на аналитическую интерпретацию.

Аналитическая интерпретация предмета и объекта исследования. Задание на аналитическую интерпретацию дает студентам возможность, во-первых, активно в различных парадигмальных перспективах осмыслить предмет исследования, задавая соответствующий объект анализа. Сущность такого подхода состоит в следующем: студенту предлагается в качестве итогового контрольного задания ре-концептуализировать предмет/объект своего исследования. Согласно принятому во многих работах определению, под объектом исследования понимается изучаемое языковое явление, под предметом — та его особенность, которая составляет непосредственно интерес исследователя. Например, таким объектом может выступать лексическая единица, тогда как предметом может быть ее семантика, или стоящий за ней образ сознания (анализируется в рамках психолингвистики), или морфологическая структура слова (словообразовательная природа и др.). С учетом избранного предмета изучения определяется направление исследования и его методика. Например, тема курсовой работы «Анализ категории противительности» исходно сформулирована в семантической перспективе. Та же категория и единицы, ее вербализующие, могут исследоваться и в социолингвистическом или прагматическом ключе, и в психолингвистической или в дискурсивной перспективе. При этом возможна и эвристически полезна постановка задачи также в переводческой перспективе: казалось бы, рассмотрение данной категории в переводческом

[4] Тарева Е.Г. Развитие лингвообразовательных практик: оптимистичные проекции // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. 2015. № 2 (18). С. 75–85.

аспекте не требует пояснения, однако значимым при этом является умение точно определить материал исследования, методику анализа (в частности, описать известную исследовательскую методику переводческого анализа, которую обозначают как *think-aloud protocol*), основание для сравнения, ключевое место семантики при проведении исследования (в противном случае при «механическом» установлении соответствия имеет место констатация сложившейся практики и результаты анализа не будут обладать прогностической силой).

Такой подход позволяет студенту научиться анализировать предмет в рамках различных парадигм, например в дискурсивной перспективе, что помогает ему усвоить разницу в прагматическом (дискурсивном) и семантическом анализе синтаксической структуры. Так, фраза *поезд пришел вовремя*, произнесенная студентом, к примеру в коридоре университета при встрече с преподавателем, имеет значение, но не может быть адекватно интерпретирована, поскольку не получает адекватной дискурсивной интерпретации без «привязки» к ситуации общения и интенциям говорящего. Классический пример такого общения представлен в известном диалоге в начале романа М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита»: *«Потому, — ответил иностранец… что Аннушка уже купила подсолнечное масло, и не только купила, но даже и разлила. Так что заседание не состоится. <…> — Простите, — после паузы заговорил Берлиоз, поглядывая на мелющего чепуху иностранца, — при чем здесь подсолнечное масло… и какая Аннушка? — Подсолнечное масло здесь вот при чем, — вдруг заговорил Бездомный… вам не приходилось, гражданин, бывать когда-нибудь в лечебнице для душевнобольных?»* Несмотря на понятность фразы о подсолнечном масле и о некой Аннушке, без знания дискурсивного контекста слушателям невозможно адекватно интерпретировать ее содержание.

Иными словами, полная семантическая интерпретация данной фразы и, как следствие, адекватные действия протагониста состоят в определении значения данных языковых единиц и синтаксической структуры, и именно прагматическая интерпретация позволяет осуществить точную референцию фразы, а дискурсивный анализ — определить коммуникативные установки и интенции говорящего. Подчеркнем, что, выполняя данное задание, студенты, помимо прочего, осознают связь между парадигмами и видят межпарадигмальные зоны пересечения.

Итак, студентам предлагается группа языковых единиц для анализа и ставится задача определить предмет, цель, задачи исследования, разработать его стратегию, состоящую из нескольких этапов, подготовить задания для опросов информантов в разных перспективах:

– социолингвистической,
– семантической,
– прагматической,
– когнитивной,
– дискурсивной,
– психолингвистической.

Предлагаются группы слов, например: *(1) умный, разумный, сообразительный; (2) здесь, тут; (3) хороший, замечательный, великолепный; (4) удаль, храбрость, смелость;* и предложения, например: *Улицу засыпали песком; Люди засыпали улицу песком.*

Студент, выбравший одну из групп слов, планирует направление изучения данной группы (= объект исследования) в различных перспективах по конкретным параметрам.

В социолингвистической перспективе при помощи социолингвистического опроса анализируется частотность употребления данных слов представителями различных социальных групп, а также значимость данных концептов в ценностной картине мира опрошенных (студент самостоятельно составляет анкету, описывает формат опроса, дает прогнозируемый результат и интерпретацию последнего).

В семантической перспективе на первом этапе при использовании дистрибутивного анализа рассматривается семантика каждой лексической единицы на основе исследования материала из корпуса текстов; далее применяется гипотетико-дедуктивный метод — составление анкеты для экспериментального опроса, опрос информантов и составление толкования значения языковой единицы с опорой на компонентный анализ.

В прагматической перспективе проводится практическое исследование отношения говорящего к высказыванию (например, может исследоваться потенциальная опасность коммуникативной неудачи вследствие использования многозначного слова).

В когнитивной перспективе может исследоваться метафоризация, метонимизация данных единиц.

В дискурсивной перспективе может исследоваться частотность и особенности употребления данных слов в различных типах дискурса (художественном, научном, политическом и т.д.).

В психолингвистической перспективе может проводиться ассоциативный эксперимент и устанавливаться инвентарь ассоциатов с целью выстроить модель фрагмента структуры языкового сознания, связанного с данными концептами, служащими маркерами соответствующих культурных кодов.

Таким образом, в течение семестра студент исследует свой объект по различным лингвистическим направлениям, формулирует задачи исследования, выбирает методики и прогнозирует его результаты. В ходе этой работы происходит осмысление всех изучаемых научных направлений, их возможностей и задач. Данные компетенции формируют специалиста, способного решать не только научные, но и прикладные задачи, которые требуют умения работать с различным лингвистическим материалом, применяя методики, соответствующие поставленным задачам.

Формирование профессиональных и общепрофессиональных компетенций оптимизируется за счет активного формата изучения дисциплины, основу которого составляет проектная работа, связанная с проблематикой данной дисциплины, а также за счет аналитической интерпретации предмета и объекта исследования. Областью применения данного формата в преподавании теоретических курсов являются практически любые дисциплины, где представлены разные научные парадигмы.

Список использованной литературы

1. Колесникова, И.А Педагогическое проектирование [Текст]. — М. : Академия. 2007. — 284 с.

2. Куклина, С.С. Коллективная учебная деятельность как организационная форма овладения иноязычным общением [Текст] : моногр. — Киров : Изд-во ВятГГУ, 2007. — 81 с.

3. Кустова, С.А. Проектная деятельность как одно из условий формирования общих и профессиональных компетенций студентов [Электронный ресурс]. — Режим доступа : http://festival.1september.ru//articles/633155)

4. Полат, Е.С. Современные педагогические и информационные технологии в системе образования [Текст] / Е.С. Полат, М.Ю. Бухаркина. — М. : Академия, 2007. — 368 с.

5. Тарева, Е.Г. Развитие лингвообразовательных практик: оптимистичные проекции [Текст] // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. — 2015. — № 2 (18). — С. 75–85.

References

1. Kolesnikova, I.A. Pedagogicheskoye proektirovaniye [Using Projects in Teaching] [Text]. — Moscow : Academia, 2007. — 284 p.

2. Kuкlina, S.S. Kollektivnaya uchebnaya deyatelnost’ kak organizastionnaya forma ovladeniya inoyazychnym obscheniem [Collective Learning Activities as a Means of Acquiring Communication Skills in a Foreign Language] [Text] : Monogr. — Kirov : Izdatelstvo VjatGU, 2007. — 81 p.

3. Kustova, S.A. Proectnaya deyatelnost’ kak odno iz usloviy formirovaniya obschikh i professionalnykh kompetentsiy studentov [Using Projects as a Means of Forming General and Professional Competences in Students] [Electronic resource]. — Mode of access : http://festival.1september.ru//articles/633155

4. Polat, E.S. Sovremennye pedagogicheskiye i informatsioonye tekhnologii v sisteme obrazovaniya [Modern Pedagogical and Information Technologies in the System of Education] [Text] / E.S. Polat, M.Ju. Bukharkina — Moscow : Academia, 2007. — 368 p.

5. Tareva, E.G. Ravitije lingvoobrazovatelnykh praktik: optimistichnyje projektsiiРазвитие лингвообразовательных практик: оптимистичные проекции [Developing Linguistic Educational Practices: Optimistic Prospects] [Text] // Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo Universiteta. Seriya: Philologiya. Teoriya Yazyka. Yazykovoye obrazovaniye. — 2015. — N 2 (18). — P. 75–85.

РАЗДЕЛ IV

СЛОВО В ЯЗЫКЕ И В ТЕКСТЕ: ПЕРЕВОДЧЕСКИЙ АСПЕКТ

УДК 81'37+811.581.11

Лю Байвэй, доц.
(Хэйлунцзянский университет, Харбин, КНР)

Культурная интерпретация семантики иероглифа 半 (половина) и способы его перевода на русский язык (на примере романа «Сон в Красном тереме») [1]

В статье на материале романа «Сон в Красном тереме» рассматриваются грамматические и семантические особенности иероглифа 半 (половина), анализируются адекватные способы перевода иероглифа 半 (половина) на русский язык с учетом его семантики и конкретного использования в речи. Показано, что иероглиф 半 не всегда можно однозначно идентифицировать как числительное или счетное слово и что он может использоваться как в конкретном значении «половина», так и в «диффузном» значении, выявляющемся через контекст, который и обусловливает переводческое решение. Многочисленные примеры иероглифа 半 в различных функциях даны на материале романа «Сон в Красном тереме» в оригинале и переводе на русский язык.

半 (половина), диффузное значение, психологический временной промежуток, степень психологического переживания, выделение смысла

Liu Baiwei, Associate Professor
(Heilongjiang Un-ty, Harbin, China)

Culture-Focused Interpretation of the Word 半 (half) and Its Translation into Russian (with examples drawn from the novel “Hónglóumèng” — “A Dream of Red Mansion”)

The paper treats the grammatical and semantic peculiarities of the character 半 (half), which predetermine its translation into Russian. The author uses the translation of the novel to demonstrate the coincidences and divergences in the translator’s decisions. The paper shows that the character 半 (half) can function as a numeral, as a counting word or as a word fitting into neither of these categories. But the translation of the word depends on more than its grammatical status: it is, to a great extent, context-bound. Under the influence of the context, this lexical unit can even be totally omitted in translation, if its meaning is “diffused” within a set-expressi on, or can be rendered by means of transposition.

半 (half), “diffused” meaning, psychological time-span, the intensity of emotion, emphasizing the essence of the message

---

[1] 项目资助：本文为2016年黑龙江省经济社会发展重点研究课题（外语学科专项），《红楼梦》两个俄译本的对话性研究（项目编号WY2016020—A）的阶段性成果。Данная статья является промежуточным результатом исследования диалогичности двух переводов на русский язык романа «Сон в Красном тереме» в рамках исследования социально-экономического развития провинции Хэйлунцзян (Иностранное языкознание. Номер WY2016020—A). Перевод на русский язык выполнен Ся Хунфан и специалистом по учебно-методической работе НОП «Институт Конфуция РГУ имени С.А. Есенина» М.А. Рышковой.

© Лю Байвэй, 2017

Проблема принадлежности слова 半 bàn (половина) к определенной части речи рассматривалась в работах таких ученых, как Чжао Юаньжень (1979), Чжу Дэси (1979), Люй Шусян (1982), Фан Юйцин (1992) [2] и др. Тем не менее, исчерпывающего ответа на этот вопрос не было получено. В работе «Интерпретация иероглифа 半 (половина)» Чжан Дэсинь описал подходы различных ученых к толкованию этого иероглифа с точки зрения грамматики. Он считает, что данный вопрос требует дальнейшего анализа, поскольку лексическая единица 半 bàn (половина) обладает одновременно функциями двух частей речи: числительного и счетного слова, а к какой части речи она относится в конкретном случае, следует определять в соответствии с ситуацией употребления. И для этого не подходят обычные правила определения части речи: необходимо выработать критерии и объяснения, ориентированные на особенности этого иероглифа. В семантических исследованиях на китайском языке иероглифа 半 упущено одно явление: в некоторых часто употребляемых сочетаниях, в состав которых он входит, например 半日 bànrì (буквальное значение — полдня; переносное значение — неполный, сокращенный день), 半天 bàntiān (буквальное значение — полдня; переносное значение — долго), 半截 bànjié (～儿) (буквальное значение — половина отрезка, части; переносное значение — наполовину, на полпути в значении «незаконченный»), этот иероглиф во многих контекстах не выражает четкое понятие «одна вторая», а обладает диффузным значением. Так, в сочетании 半瓶子醋 (полбутылки уксуса) использование иероглифа подчеркивает, что бутылка не полная; в сочетании 行百里者半九十 (девяносто ли — это половина пути длиною в сто ли) иероглиф подразумевает будущие трудности (на пути того, кто уже близок к успеху. — *Прим. переводчика*). В сочетаниях 门半开 (дверь наполовину открыта — дверь приоткрыта), 犹抱琵琶半遮面 (словно лютней закрывая наполовину лицо — словно спрятав лицо за декой лютни) иероглиф обладает неопределенным смыслом: может подразумеваться как меньшая, так и большая половина. Помимо этого, в сочетании 半日 семантика иероглифа подразумевает «половину дня» (неполный, сокращенный, укороченный день). Сочетание 半死不活 (полумертвый; ни жив ни мертв) описывает состояние, когда человек лишен энергии, живости. Наконец, иероглиф 半 (половина) также встречается в конструкции “一 … 半 … ”, в которой иероглифы 一 (один) и 半 （половина) соединяют синонимы, передавая смысл «не много» или «не долго». Несмотря на то, что большинство данных примеров являются устойчивыми выражениями, на глубинном уровне иероглиф 半 попрежнему имеет значение, выражающее количественный смысл.

В данной статье рассмотрим способы перевода иероглифа 半 (половина) на русский язык, учитывая его семантику, использование в конкретной ситуации и ориентируясь на определение части речи данного иероглифа, разработанное Чжан Дэсинем [3]. В качестве языкового материала рассмотрим оригинал и перевод на русский язык романа «Сон в Красном тереме» [4].

Для удобства анализа способов перевода на русский язык иероглифа 半 (половина) в данной статье приводится основанная на критериях, разработанных Чжан Дэсинем, классификация частей речи, к которым может относиться данный иероглиф. Можно выделить три разных употребления半: числительное 半, счетное слово 半, слово 半, которое не относится ни к числительным, ни к счетным словам.

---

[2] 赵元任. 汉语口语语法[M]. 北京：商务印书馆. 1979. Чжао Юаньжэнь. Грамматика китайской разговорной речи. Пекин : Коммерческая пресса, 1979 ; 朱德熙. 语法讲义[M]. 北京：商务印书馆. 1979. Чжу Дэси. Лекции по грамматике. Пекин : Коммерческая пресса, 1979 ; 吕叔湘. 中国文法要略[M]. 北京：商务印书馆. Люй Шусян. Краткий очерк китайской грамматики. Пекин : Коммерческая пресса, 1982 ; 房玉清. 实用汉语语法[M]. 北京语言学院出版社. 1992. Фан Юйцин. Практическая грамматика китайского языка. Пекин : Изд-во Пекинского ин-та иностр. яз., 1992.

[3] 张德鑫. “半”解[J]. 语言文字应用. 1999年第2期. Чжан Дэсинь. Интерпретация иероглифа “半” // Прикладной характер устной и письменной речи. 1999. № 2.

[4] 曹雪芹. 红楼梦[M]. 北京：人民文学出版社. 1972. Цао Сюэцинь. Сон в Красном тереме / пер. В. Панасюк. М. : Худож. лит. ; М. : Ладомир, 1995. Далее все примеры в тексте статьи приводятся по данному изданию.

Числительное 半 (половина)

1. 半, значение которого соответствует схеме «числительное + счетное слово = существительное».

В таких случаях при наличии в словосочетании числительного 半, обозначающего «одна вторая», практически всегда можно переводить его как «пол (пол-, полу-)», например, 半碗 переводится как «полчашки». Однако, как было отмечено ранее, 半 (половина) в некоторых словосочетаниях (半天, 半截) обладает диффузным значением, передает психологический временной промежуток или степень психологического переживания, поэтому здесь нельзя переводить 半 как «пол (пол-, полу-)». Например:

贾瑞侧耳听着，**半**日不见人来。
(Цзя Жуй внимательно прислушался, но вокруг было тихо.)

话说秦钟既死，宝玉痛哭不已，李贵等好容易劝解半日方住。
(Вскоре Цинь Чжун умер, и Бао-юй во весь голос зарыдал. Ли Гую и другим слугам насилу удалось его успокоить.)

贾母听了，沉吟了半日，因向凤姐儿说：“你换换衣服歇歇去吧”。
(Выслушав ее, матушка Цзя долго охала и сокрушенно вздыхала и в конце концов сказала: «Ладно, иди, переоденься и отдохни!»)

Как показывают примеры, передача выражаемого такими словосочетаниями психологического временного промежутка при переводе составляет определенную сложность. Во избежание подобных сложностей мы предлагаем руководствоваться следующими рекомендациями:

1) Не переводить обстоятельство времени, а передать ощущаемую говорящим длительность времени с помощью деепричастия:

宝钗便回头看了她半日，嗤的一声笑了。
(Глядя на нее, Бао-чай засмеялась.)

雨村低了半日头，方说道：“依你看怎么样？”
(— Как же, по-твоему, я должен поступить? — опустив голову, задумчиво спросил Цзя Юй-цунь.)

2) Указать на ощущаемую говорящим длительность времени с помощью слов «долго», «немного времени» и других похожих сочетаний:

凤姐低了半日头。
(Фын-цзе долго сидела с опущенной головой.)

半日又是一对（太监），亦是如此。
(Прошло немного времени, и снова точно таким же образом приехали два евнуха.)

3) Добавить в предложение наречия «лишь», «довольно», чтобы отметить, что упоминаемый в предложении временной промежуток является только психологическим ощущением, но не действительным временем:

半日，贾妃方忍悲强笑。
(Лишь через некоторое время Юань-чунь овладела собой и через силу улыбнулась.)

黛玉低头一语不发，半日说道…
(Дай-юй потупила голову и лишь после довольно продолжительного молчания произнесла...)

Перевод сочетания 半截 bànjié, которое выражает степень психологического переживания, главным образом будет зависеть от глагола, с которым оно употреблено, например:

袭人见了，也就心冷了半截。
(Си-жэнь поглядела на пол, и у нее похолодело сердце.)

自此，（薛蟠）便加一倍小心，气概不免又矮了半截下来。
(Но теперь он (Сюэ Пань) стал вдвойне осторожен и еще больше уступал ей.)

看他的光景，比早半天好些，紫鹃只当还可以回转，听了这话，又寒了半截。
(Когда Дай-юй пришла в себя, Цзы-цзюань подумала, что девушка еще может поправиться, но последние слова Дай-юй заставили ее похолодеть.)

Сопоставление вышеприведенных примеров перевода с их оригиналами показывает, что переведен только стоящий перед 半截 bànjié глагол, а само сочетание не требует отдельного перевода, так как глагольное сочетание в языке перевода уже передало степень психологического ощущения, выраженного исходным текстом.

2. Подчеркивающее отрицание 半 (половина).

В романе «Сон в Красном тереме» подчеркивающее отрицание 半 встречается семь раз. Например:

渴了半日，叫半个人也叫不着。
(Меня мучит жажда, но тут никого не дозовешься!)

来了一个多月，连半个钱也没见过。
(Прошло уже больше месяца, и мы не получили ни копейки!)

竟有万句言语，满心要说，只是半个字也不能吐出。
(Ей хотелось что-то ответить, но она не могла произнести ни слова.)

Как показывают примеры, переводчик не использует «пол-» в русском варианте, а обращается к словам «никто», «копейка», «слово», подчеркивая отрицание через целое количество. В китайском варианте как 一 (один), так и 半 (половина) могут употребляться, чтобы подчеркнуть отрицание. Например, взаимозаменяемы по смыслу следующие фразы: 她一句话也没有 (Она не сказала ни (одной) фразы) и 她半句话也没有 (Она даже полфразы не сказала). При этом оба способа практически одинаково распространены, однако 半 отрицание усиливает.

3. Перевод 半 (половина) в ченъюях (фразеологизмах) из четырех иероглифов по схеме "一A 半B", а также в сочетаниях по схеме "一A 半A".

В количественном отношении ченъюи из четырех иероглифов по схеме "一 A 半 B" выражают противоположность и контраст, так как 一 (один) обозначает целое, а 半 (половина) — часть, A, B — синонимы, счетные слова (если они являются существительными, то это изначально случай употребления 半 (половина), который не является ни счетным словом, ни числительным, но для систематического описания мы временно отнесем его к числительным). По форме данное сочетание является контрастным, а по семантике единым, что в целом образует симметрию фразы. В романе «Сон в Красном тереме» встретилось 18 случаев использования подобных ченъюев. Рассмотрим два из них:

马道婆道："你只管放心，将来熬的环哥儿大了，得个一官半职，那时你要作多大的功德不能"。
(— Об этом незачем беспокоиться, — успокоила ее Ма. — Ваш сын Цзя Хуань скоро подрастет, станет чиновником, тогда сможете делать все, что заблагорассудится.)

你不过亲戚的情分，白住在这里，一应大小事情又不沾他们一文半个，要走就走了。
(Вы живете в гостях у своих родственников, ни в чем от них не зависите и можете уехать, как только пожелаете.)

Отметим, что в данных примерах из целой схемы “一 A 半 B” (один A половина B) переведена часть “一 A” (половина A) и опущена “半 B” (половина B). Это происходит потому, что именно “一 A” (половина A) является главным фокусом идиомы, а “半 B” (половина B) только передает нечеткое количество, является пустым дополнением, которое применяется с целью создания красивого эффекта рифмы и симметрии в китайском языке. В связи с этим при переводе других похожих по форме и семантике сочетаниях, например 一言半语、一星半点、一时半刻、一时半晌, можно обратиться к этой же технике. Однако иногда можно переводить согласно контексту, например:

过一年半载生个一男半女，你就和我并肩了。
(Может быть, года через полтора-два ты родишь ему сына или дочь, тогда ты сможешь занять такое же положение, как я.)

Способ перевода сочетаний “一 A 半 A” (один A половина A) близок переводу “一 A 半 B” (один A половина B), так как “半A” играет аналогичную с “半B” роль. В романе «Сон в Красном тереме» встречается десять сочетаний “一 A 半 A”, например: 一句半句、一遭半遭、一双半双、一月半月、一点半点、一声半声、一件半件. Рассмотрим примеры перевода:

李贵道：“小祖宗，谁敢望你请，只求听一句半句话就有了。
(— Эх, молодой господин, кто же смеет на это надеяться? — со вздохом произнес Ли Гуй. — Слушай хоть, что тебе говорят, и то ладно.)

我不过闲着没事，作一双半双，爱给那个哥哥兄弟，随我的心。
(Есть у меня свободное время и хочется чем-нибудь заняться, вот и сошью пару туфель. Кто мне посмеет указывать, кому их дарить?)

Счетное слово 半 (половина)

В качестве счетного слова 半 (половина) сохраняет выражающую количество семантику «одна вторая». В данном случае перед 半 могут стоять только два числительных: 一 (один) и 两 (два). В сочетании 一半 (одна половина) между компонентами можно вставлять слова 大 (большой), 小 (маленький), 多 (больше). В результате получим: 一大半 (одна большая половина), 一小半 (одна маленькая половина), 一多半 (больше половины). В данных словосочетаниях можно опустить слово 一 (один), тогда сочетание 多半, кроме семантики «больше половины», может получить дополнительное значение предположения «возможно», «наверное». Если слово 半 используется для точного выражения одной или двух половин конкретного предмета, то его следует переводить как «пол». Однако если 半 употребляется с абстрактными понятиями, особенно с глаголами, выражающими психологический опыт, переживание, то следует перевести только глагол, как было показано ранее. Рассмотрим примеры из романа:

小红心内早灰了一半。
(Сяо-хун совсем пала духом.)

谁知自从在此住了不上一个月的光景，贾宅族中凡有的子侄，俱已认熟了一半，凡是那些纨绔习者，莫不喜与他往来。
(Не прошло и месяца, как Сюэ Пань успел перезнакомиться почти со всеми, такими же, как и он сам, избалованными и распущенными сыновьями и племянниками рода Цзя, а всем этим молодым бездельникам в свою очередь нравилось дружить с ним.)

（袭人）今见宝玉如此光景，心中便觉察了一半，不觉也羞的涨红了脸面。
(Заметив смущение Бао-юйя, она (Си-жэнь) догадалась, в чем дело, и стыдливый румянец невольно проступил через пудру на ее лице.)

我这里好容易劝哄好了一半，你又来生个新法子。
(Насилу удалось прекратить драку, а ты снова пришел затевать!)

Иероглиф 半, который не относится ни к числительным, ни к счетным словам

Иероглиф 半 (половина), который не является ни числительным, ни счетным словом, обычно напрямую используется перед существительным, глаголом или прилагательным, например: 半仙 (полубог), 房门半掩 (дверь наполовину прикрыта), 半死 (полумертвый). Такого типа 半 (половина) часто входит в состав ченъюев из четырех иероглифов со схемами “半 A 半 B” (половина A половина B) и “半 A 不 B” (половина A не B). В таких ченъюях A и B являются антонимичными односложными глаголами, прилагательными или существительными. Ченъюй, согласно первой схеме, выражает, что одновременно существует противоположное свойство или состояние, например: 半信半疑 (буквально: наполовину верить, наполовину сомневаться), 半明半暗 (буквально: наполовину светлый, наполовину темный), 半土半洋 (буквально: половина земли, половина океана). Ченъюй, согласно второй схеме, выражает некоторое промежуточное свойство или состояние, как правило, это идиомы с отрицательной эмоциональной окраской, например: 半新不旧 (буквально: наполовину новый, не старый), 半生不熟 (буквально: наполовину сырой, не готовый), 半死不活 (буквально: наполовину мертвый, не живой).

Перевод идиомы по схеме “半A半B” зависит от значения слов, входящих в его состав. Некоторые идиомы уже имеют готовые соответствия на русском языке, например, 半信半疑 переводится как «недоверчиво отнестись к чему-либо». При переводе отдельных идиом можно обратиться к «пол-», при этом 半 приобретает диффузное значение, например, 半心半意 переводится как «полуискренне». В романе «Сон в Красном тереме» встречается девять ченъюев по схеме “半A半B”. Например:

宝蟾心里也知八九了，也就半推半就了。

(Бао-чань, прекрасно понимавшая все происходящее, для приличия поломалась, но потом уступила.)

众人听了，也都半信半疑，惟有袭人麝月喜欢的了不得。

(Девушки недоверчиво отнеслись к словам жены Линь Чжисяо, только Си-жэнь и Шэ-юэ были на седьмом небе от счастья.)

Что касается ченъюев по схеме “半 A 不 B”, хотя их значение близко к ченъюям по схеме “半 A 半 B”, при переводе из-за присутствия в них отрицательной эмоциональной окраски всегда следует учитывать информацию, которая выражает недовольство, чтобы выделить основной смысл. Так, в романе «Сон в Красном тереме» при переводе ченъюя “半新不旧” сделан акцент на понятии «старый» — «поношенный».

Таким образом, при переводе сочетаний с 半 (половина) необходимо обращать внимание на следующее:

1) Правильно интерпретировать случаи, когда 半 (половина) обладает диффузным значением, выражающим психологический временной промежуток (например, 半日 — «неполный день», 半天 — «долго»), а также степень психологического переживания (например, 心冷了半截，心灰了一半 — «душа разбита, находиться в прострации»).

2) Употребление 半 (половина) для усиления отрицания не является особым маркированным случаем, поэтому также не следует делать перевод маркированным (например, “她半个字也吐不出” — «Она не произнесла ни одного слова»).

3) В некоторых случаях иероглиф 半 (половина) в ченъюях имеет выделительную функцию, поэтому при переводе необходимо подчеркнуть фокусную информацию (например, 半新不旧 — «поношенный»).

Во многих грамматических пособиях не рекомендуется употреблять существительное после сочетания 一 (один), однако в определенных контекстах такое употребление все же допускается, например: 箱子里放着一半书，一半本子 (В одной половине ящика — книги, в другой

половине — тетради). В данном предложении основой для отсчета «половины» является слово «ящик», то есть «половина» является мерой измерения объема ящика. Существует также вопрос определения части речи 半 (половина) в сочетании 两碗半饭 (две с половиной чашки риса), в котором 碗 (чашка), несомненно, является числительным, а 饭 (рис) можно опустить. Чэн Гуаньлинь считает, что 半 (половина) является «дробным числом» [5]. В древнекитайском языке между целым числом и его дробной частью можно было вставлять слова 有 (с) или 又 (плюс):

必有寝衣，长一身有半.

(Нужна ночная рубашка длиной в рост человека с половиной. (Конфуций. «Лунь юй. Беседы и суждения». Гл. 24.))

Или обойтись без вставок:

岁收亩一石半.

(Ежегодный урожай составляет дань [6] с половиной с каждого му [7]. («Ханьшу» — историческая хроника династии Хань. Описание народного хозяйства.))

Ма Цинчжу отмечает: «В лексическом значении содержится грамматическое значение, категориальная сема, входящая в семантику словарного запаса. Это ключевой фактор, влияющий на классификацию лексики по частям речи, другими словами, это основной критерий выделения частей речи, а части речи — это формальное отражение категориальных сем. Таким образом, проявление категориальных сем в области грамматики может помочь сформировать подклассификацию основной классификации частей речи» [8]. В связи с этим исследование грамматических и семантических особенностей иероглифа 半 (половина) на фоне русского языка в данной статье, а также выводы, сделанные в результате исследования, показывают, что разница и сходство в значении также являются неотъемлемым фактором разграничения частей речи.

Список использованной литературы

1. 程观林. 说“半”[J]. 语文建设通讯. 1994. — 年第 42 期. — 1–5 页. Чэн Гуаньлинь. Об иероглифе 半 (половина) [Текст] // Создание языка. — 1994. — № 42. — С. 1–5.
2. 房玉清. 实用汉语语法[M]. 北京语言学院出版社, 1992. — 521页. Фан Юйцин. Практическая грамматика китайского языка [Текст]. — Пекин : Изд-во Пекинского ин-та иностр. яз., 1992. — 521 с.
3. 吕叔湘. 中国文法要略[M]. 北京：商务印书馆, 1982. — 438 页. Люй Шусян. Краткий очерк китайской грамматики [Текст]. — Пекин : Коммерческая пресса, 1982. — 438 с.
4. 马庆株. 汉语语义语法范畴问题[M]. 北京语言大学出版社. 1998. — 254 页. Ма Цинчжу. Проблема семантических и грамматических категорий в китайском языке [Текст]. — Пекин : Изд-во Пекинского лингвистического ун-та, 1998. — 254 с.
5. 张德鑫. “半”解[J]. 语言文字应用. — 1999. — 年第2. — 期. 13–15 页. Чжан Дэсинь. Интерпретация иероглифа “半” [Текст] // Прикладной характер устной и письменной речи. — 1999. — № 2. — С. 13–15.
6. 赵元任. 汉语口语语法[M]. 北京：商务印书馆, 1979. — 358 页. Чжао Юаньжэнь. Грамматика китайской разговорной речи [Текст]. — Пекин : Коммерческая пресса, 1979. — 358 с.
7. 朱德熙. 语法讲义[M]. 北京：商务印书馆. 1979. — 231 页. Чжу Дэси. Лекции по грамматике [Текст]. — Пекин : Коммерческая пресса, 1979. —231 с.

---

[5] 程观林. 说“半”[J]. 语文建设通讯. 1994 年第 42 期.Чэн Гуаньлинь. О иероглифе 半 (половина) // Создание языка. 1994. № 42. С. 54.

[6] Один *дань* равен 50 килограммам.

[7] Один *му* равен около 0,07 гектара.

[8] 马庆株. 汉语语义语法范畴问题[M]. 北京语言大学出版社. 1998. Ма Цинчжу. Проблема семантических и грамматических категорий в китайском языке. Пекин : Изд-во Пекинского лингвистического ун-та, 1998. С. 6.

References

1. Cheng Guanlin. On the Character 半 (“Half”) [Text] // Research Journal Yǔwén jiànshè tōngxùn [Creating a Language for Communication]. — 1994. — N 42. — P. 1–5.
2. Fang Yuqing. Shíyòng hànyǔ yǔfǎ [Practical Grammar of Chinese] [Text]. — Beijin : Yǔyánxué yuan chūbǎnshè [Foreign Languages Institute Publishing House], 1992. — 521 p.
3. Lü Shuxiang. Zhōngguó wénfǎ yàolüè [A Brief Revue of Chinese Grammar] [Text]. — Beijing : shāngwù yìnshūguǎn [Commercial Press], 1982. — 438 p.
4. Ma Qingzhu. Hànyǔ yǔyìyǔfǎ fànchóu wèntí [Issues of Semantic and Grammatical Categories in Chinese] [Text]. — Beijing yǔyán dàxué chūbǎnshè [Beijing Linguistic University Publishing House], 1998. — 254 p.
5. Zhang Dexin. An Interpretation of the “半” Character [Text] // Yǔyán wénzì yìngyòng [Applied Linguistics of Oral and Written Speech]. — 1999. — N 2. — P. 13–15.
6. Zhao Yuanren. Hànyǔ kǒuyǔ yǔfǎ [Grammar of Chinese Colloquial Speech].Translated into Chinese by Lü Shuxiang [Text]. — Beijing : shāngwù yìnshūguǎn [Commercial Press], 1979. — 358 p.
7. Zhu Dexi. Yǔfǎ jiǎngyì [Lectures on Grammar] [Text]. — Beijing : shāngwù yìnshūguǎn [Commercial Press], 1979. — 231p.

УДК 81'25

Э.Ю. Новикова, канд. филол. наук
(Волгоградский государственный университет, Волгоград, Россия;
Международная академия бизнеса и новых технологий
(МУБиНТ), Ярославль, Россия)

Перевод в туристическом дискурсе: межкультурное измерение, жанрово-коммуникативная обусловленность [1]

Автор статьи обращается к рассмотрению деятельности переводчика как агента туристического дискурса. Коммуникация в туристической сфере создает дискурс, в полной мере отражающий многомерность целей, тем, ценностей и разнообразие участников процессов взаимодействия. Туристический дискурс с точки зрения реализации межкультурных практик представляет собой многомерное коммуникативное пространство и дает богатую почву для новых подходов к изучению культурной роли переводчика. Принимая во внимание тот факт, что переводу как культурному трансферу посвящено множество работ, но все еще остаются неизученными дискурсивно-обусловленные «коммуникативные программы» переводчика, выполненное исследование представляется актуальным. Автор подчеркивает, что перевод, обеспечивающий глобализацию, «запрограммирован» на преодоление культурных кодов и требует от переводчика выработку определенных стратегий, которые формируются на основе дискурсивной матрицы.

Многомерность и полидискурсивность туризма влияет на специфику языкового взаимодействия, модели коммуникативного поведения участников интеракции, их ролевые статусы, дискурсивные досье и портреты. Разветвленная жанровая палитра туристического дискурса обусловливает множество дискурсивных портретов переводчика, учитывая специфику коммуникативных ситуаций с использованием перевода. Автор проводит типологизацию жанров туристического дискурса и рассматривает на конкретном примере, по каким коммуникативно-дискурсивным параметрам заполняется переводческая матрица.

туристический дискурс, межкультурная коммуникация, перевод, коммуникативная ситуация, культурный трансфер

[1] Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ) и Администрации Волгоградской области, проект № 17-14-34001 «Региональный туризм как фактор формирования дискурса и технологии перевода: номинативные и коммуникативно-прагматические конвенции текстов брендинга» (Региональный конкурс «Волжские земли в истории и культуре России» 2017 — Волгоградская область).

© Новикова Э.Ю., 2017

Novikova, Elina, Ph. D. (Philology), Associate professor
(Volgograd State University, Volgograd, Russia)

Translation in Tourism Discourse: Cross-Cultural Dimension, Genre-Related Communicative Peculiarities

The article considers the job of a translator as an agent of tourism discourse. Communication within the tourism sphere forms discourse featuring a variety of aims, topics, values, and interacting participants. Tourism discourse is a multidimensional communicative space that provides rich soil for new approaches and views on a translator's intercultural role. The study is relevant as a translator's communicative programmes determined by discourse are still unstudied despite a considerable number of papers treating translation as cultural transfer. The author notes that translation promoting globalization is aimed at breaking cultural patterns and makes a translator develop certain strategies based on a discursive matrix. Multidimensionality and polydiscourse character of tourism determines the specificity of linguistic manipulation, interaction of participants' patterns of communicative behavior, their roles, discourse profiles and portraits. The variety of tourism discourse genres explains a translator's multiple discursive roles, as communicative situations where translation is used can also vary. The author suggests a classification of tourism discourse genres and uses the communicative situation of buying a tour considers to illustrate the communicative and discursive parameters according to which the translation matrix is filled in.

tourism discourse, cross-cultural communication, translation, communicative situation, cultural transfer

Туризм представляет собой, с одной стороны, самую развитую и с другой — быстро развивающуюся отрасль и сферу межкультурного взаимодействия. Здесь, как ни в одной другой области экономики, культуры, общественной жизни, пересекаются различные дискурсивные практики, реализуемые многочисленными акторами и ситуациями. В бурном межкультурном туристическом потоке на фоне глобализации особое место занимают иностранные языки как инструмент взаимодействия и переводчики как межкультурные посредники. Ни одно дискурсивное пространство не характеризуется такой культурной и особенно межкультурной природой, как туристический дискурс. Туризм способствует обогащению «своей» и «чужой» культуры, взаимопониманию, просвещению, аттрактивности и конкурентоспособности регионов.

Многомерность и полидискурсивность туризма обусловливают специфику языкового взаимодействия, модели коммуникативного поведения участников интеракции, их ролевые статусы, дискурсивные досье и портреты.

Попытаемся определить интегрированность и профессиональную деятельность переводчика в туристическом дискурсе, в котором он выступает в качестве коммуникативного посредника — агента дискурса, способного осуществлять культурный трансфер.

Развитие теории перевода демонстрирует различные исследовательские парадигмы, которые либо сменяли друг друга, либо формировались параллельно начиная от лингвистического подхода к переводческой деятельности (О. Каде, А. Нойберт, Д. Кэтфорд, Я.И Рецкер, А.Д. Швейцер, В.Н. Комиссаров и др.), динамической парадигмы (Ю. Найда, В. Коллер, П. Кусмайль, Р. Штольце и др.) до лингвокультурной парадигмы и ориентации на переводческую деятельность (К. Райс, Х. Фермеер, Д. Селескович, В.Н. Комиссаров, Р.К. Миньяр-Белоручев, И.С. Алексеева, К. Норд, В.Г. Гак, Н.К. Гарбовский, Л.К. Латышев, В.Б. Кашкин, Т.Г. Пшенкина и др.).

Новейшие исследования и трактовки переводческой коммуникативной программы базируются на понимании дискурсивной природы коммуникации и, следовательно, на дискурсивной личности переводчика (В.В. Сдобников, Т.А. Волкова, Е.В. Аликина, Л.В. Кушнина, С.В. Серебрякова, Т.В. Юдина, В.А. Митягина, Э.Ю. Новикова и др.). Дискурсивный подход открывает рассмотрение деятельности переводчика с нового ракурса, учитывает широкий контекст коммуникации, объясняет интердискурсивную природу транслатологической деятельности. Туристический дискурс дает богатую почву для новых подходов и трактовок культурной роли переводчика. Дискурс как лингвокультурное явление показывает способность переводчика транслировать концептуально-ценностные особенности культуры, умение проецировать межкультурно-обусловленные тексты в рамках туристического дискурсивного пространства, реализовывать социокультурные доминанты в переводе.

Культурное измерение деятельности переводчика, начиная с 1990-х годов, с момента появления Skopos-теории К. Райс и Х. Фермеера и ориентации на культурный трансфер, является на сегодняшний день основной точкой отсчета в трактовке переводческих коммуникативных действий. Следует отметить, что в туристическом дискурсе в большей степени, чем в других коммуникациях, культурная и межкультурная компетенции транслятора, многократно и с разных ракурсов представленные в работах прежде всего немецких переводоведов Х. Фермеера, К. Райс, В. Коллера, З. Купш-Лозерайт, К. Норд, Р. Штольце, А. Шмид, Х. Пеша и других, имеют первостепенное и дискурсивно важное значение. Именно в туристском коммуникативном пространстве есть вероятность несовпадения культурного фона и фонда коммуникантов и для адаптации «культурных очков» туристов необходим переводческий культурный фильтр.

«Чужая» культура подводит переводчика к рефлексии, стимулируя особое его речевосприятие и мышление, направленные на концептосферу участников коммуникации — представителей разных культур. Г.И. Богин отмечал, что в процессе рефлексии прошлый опыт связывается с настоящим, создаются условия постижения смысла, так как происходят взаимные сопоставления и противопоставления, приводящие к выражению одного содержания в другом [2]. Мы согласны с Т.Г. Пшенкиной, подчеркивающей исключительную роль переводчика в межкультурной коммуникации, поскольку эффективность смыслопорождения во многом предопределяется позицией переводчика, его умением увидеть сходное в различном, идиоэтническое в универсальном, понять, как происходит осмысление опыта в разных культурах [3]. Увидеть ситуацию глазами иностранца способен и должен в первую очередь переводчик, который обладает комплексом профессиональных компетенций для оказания помощи быстро и комфортно адаптироваться иностранным туристам к новым социокультурным условиям. В этом случае выделенные К. Норд составляющие культурной компетенции переводчика формируют также и его туристически-обусловленную «метакоммуникацию»:

– знание возможных культурных барьеров/камней преткновения (Rich points) представителей двух языков;

– способность предвидеть в ситуации перевода, какие культурные барьеры в конкретном случае могут привести к коммуникативным сбоям;

– способность сглаживать острые углы коммуникации, возникающие вследствие несовпадения культурных и ценностных картин мира [4].

Иными словами, метакоммуникативным в туристической межкультурной коммуникации должно быть культурное «измерение» межкультурной «дистанции» и способов ее сокращения в рамках коммуникативных действий переводчика. Переводчик трансформирует свое сознание и видение культурной картины мира, конструирует новую/иную матрицу коммуникации, вырабатывает стратегии и тактики для достижения адекватности и прагматической прозрачности текста перевода. Под влиянием стрессовых ситуаций совершенствуется его приспособительная, адаптационная деятельность, детерминирующая развитие когнитивной компетенции индивида [5]. Способность к качественным изменениям ментальных способностей, переводческая эмпатия и готовность к адаптированному знакообразованию и к языковой селективной деятельности в целях сглаживания культурного барьера и/или напряженности коммуникации являются в туристическом дискурсе доминантой переводческой деятельности.

Как известно, целью переводчика является не реализация каких-либо собственных коммуникативных интенций, а извлечение и трансляция смыслов текста отправителя в соответствии с прагматическими установками коммуникантов, а именно: адекватного перекодирования исходного текста с сохранением его диктумной, модусной, коннотативной и культурноспецифической составляющих. Культурная специфика туризма проявляется в знакомстве с «чужими» национальными традициями, бытом, памятниками, персоналиями, которые в свою

---

[2] Богин Г.И. Филологическая герменевтика. Калинин, 1982. С. 73.

[3] Пшенкина Т.Г. Вербальная посредническая деятельность переводчика в межкультурной коммуникации: психолингвистический аспект : дис. … д-ра филол. наук. Барнаул, 2005. С. 135.

[4] Nord K. Übersetzen — Spagat zwischen den Kulturen? // TextconText 11 = NF1. 1997. S. 19.

[5] Пшенкина Т.Г. Вербальная посредническая деятельность переводчика в межкультурной коммуникации: психолингвистический аспект. С. 253.

очередь нередко имеют лакунарную природу и для предотвращения формирования ошибочных представлений, стереотипов, коммуникативного и когнитивного диссонанса туристов нуждаются в адаптации и культурной «расшифровке». В этом смысле мы соглашаемся с трактовкой Р. Штольце культурных несовпадений, неправильное перекодирование которых может привести к переводческим ошибкам:

– несовпадение на уровне культурных реалий,
– несовпадение на формальном уровне (оформление письменного/устного текста),
– несовпадение семантики культурно-специфических коннотаций [6].

Таким образом, скопосное перекодирование культурно заряженной информации базируется на оптимальном понимании диктумных, модусных, прагматических, этно- и социокультурных составляющих текста с учетом установок, ценностей, ментальности и общего культурного фона инокультурного реципиента.

Многообразие жанров в туристической коммуникации не позволяет сформулировать универсальные правила перевода туристических текстов, так как стратегии и тактики в каждом отдельном виде будут различными. Другими словами, туристический дискурсивный портрет переводчика также неоднороден, синкретичен и жанрово обусловлен. Тем не менее, переводческий опыт в туристическом дискурсе говорит в пользу того, что в отличие от других дискурсов туристические тексты вне зависимости от жанра подвергаются иным стратегиям и тактикам перевода, отличающимся или противоречащим традиционному пониманию «перевод».

Рассмотрим факторы формирования дискурсивно-обусловленного переводческого портрета. Т.Г. Пшенкина в своем диссертационном исследовании исходит из того, что переводческая деятельность осуществляется с учетом четырех факторов:

1) соотношения сознаний коммуникантов (их перцептивных, концептуальных и процедурных знаний);

2) особенностей задействованных кодов, представленных языковыми знаками, в значениях которых тесно переплетаются коммуникативные и гносеологические функции;

3) типа текста и его функций, то есть текст выступает фактором смыслопорождающей деятельности;

4) позиций, которые занимают описываемые явления на соответствующих осях координат в межкультурной коммуникации [7].

Развивая эту исследовательскую парадигму в русле дискурсивной практики, мы предлагаем формировать матрицу переводческой деятельности за счет характеристик дискурса, в рамках которого протекает межкультурное взаимодействие. На основе получаемых матричных характеристик переводчик комплектует так называемое дискурсивное досье (термин введен Т.А. Волковой), которое позволяет осуществить культурный трансфер. Дискурсивное досье Т.А. Волкова понимает как форму представления результатов анализа исходного текста в категориях дискурсивно-коммуникативной модели перевода и основу для последующего формулирования стратегии перевода. Досье составляется для конкретного исходного текста/ситуации, однако может иметь универсальные черты, возможны закономерности для нарратива или вида институционального дискурса [8].

Типологический статус коммуникации внутри туристического дискурса трансформируется в зависимости от дискурсообразующих признаков конкретного акта интеракции: *сфера коммуникации, цель коммуникации, тип коммуникации, тип коммуникантов, функции, канал общения, хронотоп коммуникации, ценности дискурса, тематика дискурса, полидискурсивность, стратегии, жанровый состав, языковое воплощение.* Туризм как коммуникативное пространство можно условно поделить на три категории, которые интересны с лингвистической перспективы исследования:

---

[6] Stolze R. Mitteilen und Erklären. Kompensatorische Übersetzungsstrategien bei Verständnisbarrieren // Traducere Navem. Festschrift für Katharina Reiß zum 70 / Geburtstag. Holz-Mänttäri; Nord, Christiane (Hrsg.) Tampere : Tampereen Yliopisto, 1993. S. 264.

[7] Пшенкина Т.Г. Вербальная посредническая деятельность переводчика в межкультурной коммуникации: психолингвистический аспект. С. 143.

[8] Волкова Т.А. Дискурсивные досье: примеры применения и методический анализ // Проблемы перевода, языка и литературы : сб. науч. тр. Серия: Язык. Культура. Коммуникация / НГЛУ им. Н.А. Добролюбова. Нижний Новгород, 2014. Вып. 17. С. 96–109.

1. Туризм как сфера институционального общения, взаимодействия туристических компаний и других организаций, задействованных в турдискурсе.

2. Туризм как сфера деловой коммуникации, как инструмент рекламы, маркетинга и территориального брендинга.

3. Туризм как сфера просвещения и обмена культурными знаниями.

Анализ работ немецких, итальянских, российских лингвистов М. Коста, Т. Бриша, Е. Ройтера, Г. Брюннер, А. Поттманна, Е. Фредстед, Н.В. Филатовой, С.А. Погодаевой, В.А. Митягиной, Э.Ю. Новиковой и других ученых в области туристического дискурса по типологии жанров и способам интеракции позволил нам с учетом вышеперечисленных категорий выделить жанры туристской коммуникации и представить их в таблице.

Таблица

Жанры туристской коммуникации

Вид взаимодействия	*Жанры письменной коммуникации*	*Жанры устной коммуникации*
Институциональное общение	1. Договоры, инструкции по технике безопасности и использования туристского оборудования/снаряжения в турагентствах. 2. Карточки гостя, инструкция/правила размещения и поведения в гостинице, памятка пожарной безопасности.	1. Общение в официальных службах туристических услуг (офисный или внеофисный диалог между представителем турфирмы и клиентом). 2. Общение с представителем принимающей стороны (между клиентом/сопровождающим группы и служащим гостиницы/шофером экскурсионного автобуса). 3. Общение между туроператором и контрагентом (бронирование гостиниц, авиабилетов и т. п.). 4. Речевое взаимодействие в особых обстоятельствах.
Бизнес-коммуникация	1. Деловая корреспонденция с туроператорами, турагентствами, экскурсоводами, гостиницами. 2. Специализированные тексты справочного, статистического, рейтингового характера в сфере экономики туризма. 3. Презентации гостиниц/ресторанов/турагентств.	1. Переговоры. 2. Презентации турпродуктов.
Культурно значимая коммуникация	1. Программы тура. 2. Туристические каталоги, проспекты, флайеры. 3. Интернет-порталы. 4. Путеводители. 5. Отзывы туристов. 6. Меню. 7. Проспекты в музеях/выставочных залах.	1. Аудиогиды 2. Видеоэкскурсии 3. Экскурсии по городу/музею и т. п. 4. Общение на улицах/в магазинах/ресторанах.

Мы так же, как и другие участники научного дискурса в сфере туризма, не преследуем цель разработать универсальную парадигму жанров. Типологизация жанров и определение жанровой природы являются предметом различных исследовательских концепций и воззрений. Достаточно упомянуть работы М.М. Бахтина, Т.В. Шмелевой, Т.Г. Винокура, Н.Д. Арутюновой и др. Вслед за В.Н. Степановым мы понимаем под жанром формальную (текстовую) организацию речевой коммуникации, форму общения и организации сознания [9]. Описание жанровой природы помогает понять и осмыслить, с одной стороны, синкретичные формы взаимодействия, а с другой — коммуникативное поведение участников дискурса — агентов и клиентов. Так

[9] Степанов В.Н. Жанровые признаки профетических текстов (на материале астрологических прогнозов на английском, русском и украинском языках) // Иностранные языки в высшей школе. Рязань, 2015. № 2 (33). С. 35–36.

называемая «рабочая классификация» в рамках данной работы необходима для определения места, статуса и функционально-ролевого портрета транслятора, обслуживающего туристический дискурс, и составления его дискурсивного досье для формирования матрицы перевода.

В рамках туристического дискурса возможна богатая палитра коммуникативных ситуаций с разной степенью вовлеченности переводчика. Так, если в интеракции *«экскурсант — гид-переводчик»* роль последнего обусловливается крайней необходимостью, обязательностью присутствия и предполагает общение на равных, то ситуация «*турист — водитель автобуса/служащий аэропорта/продавец в магазине»* и т. п. может протекать с наименьшим фактором успеха без переводчика, где роль последнего скорее вспомогательная, посредническая.

Рассмотрим на примере одной коммуникативной ситуации ***«Покупка тура»*** дискурсивные характеристики с целью формирования матрицы перевода.

Взаимодействие происходит в рамках институционального общения в турагентстве контактно и имеет деловой, неформальный или узкоспециализированный *модус* интеракции в зависимости от статусных характеристик *участников дискурса* — специалистов турбизнеса или клиентов-туристов. *Агент дискурса* (продавец туруслуги) реализует в коммуникации две основные компетенции: *профессиональную* компетенцию в трансляции информации и разъяснении специализированных вопросов трансфера, размещения, питания, оплаты и т.д. и *консультационную* компетенцию, ориентируясь на цели турагентства и интересы туристов. В процессе общения таким образом реализуются информативная, дескриптивная и консультационная функции. *Цель агента* дискурса — продать тур — предопределяет *коммуникативные стратегии*. Т. Бриш выделяет следующие стратегии:

– *координационную* (транслировать знание о продукте, ориентируясь на желания клиента),
– *селективную* (выбирать тур из большого многообразия коммерческого предложения),
– *нивелирующую* (плюсы и минусы тура),
– *усиливающую* (или уменьшающую) существующие мнения о туре,
– *манипулятивную* (при принятии решения) [10].

Очевидно, что коммуникация «*агент — клиент»* имеет асимметричный характер, при котором манипулятивное поведение агента довлеет над принятием решения клиента. Перечисленные стратегии реализуются последовательно в различных коммуникативных блоках взаимодействия. К таким блокам А. Потманн относит: *знакомство; выражение желания покупки определенного тура; выбор из множества; принятие решения о покупке; покупка/заключение договора; окончание беседы* [11]. Если большинство из перечисленных блоков характеризуется штампованностью речи, то блок «выбор из множества» представляет собой богатую палитру языковых средств для реализации функции убеждения.

Основные коммуникативно-дискурсивные параметры служат исходным материалом переводческой матрицы, которую формирует переводчик до начала трансфера. Матрица включает в себя приведенные ниже компоненты.

Инициатор перевода (переводческий заказ) — клиент дискурса. Туристические агентства не имеют штатных переводчиков, поэтому к услугам переводчика прибегают, как правило, клиенты, желающие купить тур. Это могут быть обычные туристы, пребывающие в чужой стране и желающие посетить кратковременно третью страну или другой город, или же представители иностранных компаний, закупающие тур для своих клиентов/сотрудников. Последний вариант носит скорее исключительный характер. Следует отметить, что часто в роли переводчика выступают знакомые клиенту лица, владеющие навыками перевода; личные переводчики, сопровождающие туриста за рубежом. За помощью в специализированные переводческие агентства обращаются редко ввиду нежелания нести дополнительные расходы.

Цель коммуникации — выбор и покупка тура клиентом.

Количество участников — минимально два участника (турист/организация — продавец тура).

---

[10] Brysch T. Tourismus als Gegenstand kommunikationswissenschaftlicher Forschung — dargestellt am Beispiel des Reiseverkaufsgesprächs. 2011. S. 113. URL : http://www.gfl-journal.de/Issue_3_2011.php (Перевод наш.)

[11] Pothmann A. Diskursanalyse von Verkaufsgesprächen. Opladen : Westdeutscher Verlag, 1997. S. 78.

Канал связи — устный без использования технических средств или с использованием технических средств (телефон, скайп) в случаях, если представители компаний ведут разговор с турагентством, находясь в своей стране.

Вид перевода — устный абзацно-фразовый, в отдельных случаях может потребоваться перевод с листа (программа тура, договор об оказании услуг).

Стилистический регистр — официально-деловой с элементами разговорного стиля.

Способ расположения — свободный, переводчик по возможности располагается между участниками беседы.

Факторы, осложняющие работу переводчика:

A. Организационно-технические факторы — затруднения, связанные с качеством связи, если коммуникация протекает по телефону или скайпу и т. п.

B. Ценностно-ориентированные факторы — затруднения, возникающие, если участники интеракции имеют различные ценностные установки. Для клиентов дискурса — получить максимальное удовольствие от поездки с минимальными/разумными/неограниченными затратами (в зависимости от платежеспособности и намерения клиента), для агентов дискурса — продать тур с максимальной экономической выгодой, что и верифицируют перечисленные выше коммуникативные стратегии. В этом случае коммуникативная асимметрия с явной доминантой агента может стать причиной коммуникативного сбоя, неудачи, так как клиент дискурса находится под воздействием двух речевых форм — оригинала и перевода — и может воспринимать это как своего рода натиск, навязывание, первичность услуги, а не желаний клиента. Знание ценностных приоритетов коммуникативного действия участников интеракции обеспечивает переводчику возможность устанавливать причинно-следственные связи между действиями, вырабатывать стратегии нивелирования коммуникативных барьеров и сбоев, осуществлять консультационно-разъяснительную деятельность, трансформировать и адаптировать текст перевода с учетом ожиданий клиента.

C. Межкультурные факторы — затруднения, обусловленные тем, что клиент и агент дискурса являются представителями различных культур и имеют несовпадения картин мира, концептосфер, ценностей туризма в целом. В этих разных культурах по-разному сформировались традиции путешествия и отношение к туризму. Поэтому без дополнительной подготовки для вхождения в «чужую» культуру когнитивный диссонанс, перерастающий в когнитивный конфликт туриста, приведет к отторжению, неприятию и нежеланию познавать культурный быт «чужой» страны. Так, агент дискурса (сотрудник немецкоязычного турагентства) может не знать, что является приоритетным для русскоязычного туриста и будет предлагать турпродукт через свои «культурные очки», ориентируясь на немецкоязычного туриста. Если немецкоязычный турист предпочитает познать «чужое/другое» в деталях, то русскоязычный — отдохнуть, расслабиться и получить новые эмоции. В таких случаях, как справедливо отмечает А.А. Гуреева, задача переводчика, занимающего в коммуникации положение «человека посередине», заключается в том, чтобы уловить и верно интерпретировать отклонение коммуникативного поведения участника/-ов межъязыкового общения и выбрать и применить такую коммуникативную стратегию, использование которой позволило бы повернуть общение в нужное русло и продолжить взаимодействие партнеров по коммуникации для достижения взаимного успеха [12].

D. Формальные языковые факторы — затруднения, возникающие при диалоговом способе интеракции, имеющем свои отличительные признаки, которые могут стать дополнительным фактором сложности для переводчика и нередко приводить к коммуникативным сбоям в переводе. Анализ работ германских и российских переводоведов позволяет говорить о перечисленных ниже особенностях двусторонней двуязычной коммуникации, которые необходимо учитывать переводчику для достижения успеха процесса коммуникации:

– высказывания партнеров по коммуникации характеризуются прямой взаимозависимостью на смысловом, лексическом и синтаксическом уровнях, что непосредственно отражается и на стратегии перевода;

---

[12] Гуреева А.А. Социокоммуникативные характеристики устного переводчика // Переводчик XXI века — агент дискурса : колл. моногр. / науч. ред. В.А. Митягина, А.А. Гуреева. М. : ФЛИНТА : Наука, 2016. С. 9–43. С. 34.

– данный вид перевода в отличие от одностороннего характеризуют: незначительные лексико-стилистические нарушения вследствие спонтанности речи; упрощенные синтаксические конструкции; обрывистые, эллиптические предложения; дополнения, повторы, избыточные формулировки, подробные примеры, уклонение от ответа и т.п.; активное использование усилительных частиц (даже, даже и, ни, же, ведь, уж, все-таки), междометий для выражения позиции собеседников и в целях прерывания речи собеседника;

– в ходе общения нередко возникают повторы формулировок партнеров по коммуникации, парафразы;

– для диалогового способа интеракции характерна высокая степень жестикуляции и мимики как выражение чувств, эмоций, состояния, согласия/несогласия и т. д.;

– особенностью данного вида перевода является его промежуточное положение между синхронным и последовательным переводом, когда переводчик иногда «полусинхронно», иногда последовательно переводит небольшие речевые фрагменты.

– в ситуации диалогического общения в отличие от других видов устного перевода переводчик может использовать форму 3-го лица, подчеркивая тем самым при необходимости авторство высказывания и не допуская сбоев коммуникации;

– часто участники беседы говорят одновременно, что осложняет работу переводчика;

– ограниченная аудитория и относительно неформальная обстановка, не требующая от переводчика умения выступать публично, облегчают работу переводчика [13].

Е. Языковые лексические факторы — затруднения, связанные с наличием терминологии, реалий, прецизионной информации. Обсуждение тура предполагает частотность специальной терминологии, отсутствие владения которой или незнание ее лингвокультурной специфики приводит к смысловым неточностям и искажениям в переводе. В разных языках одни и те же понятия вербализуются различными терминологическими номинациями, например: *Nebensaison* (нем.) и *«мертвый» сезон* (рус.); *разгар сезона/горячий сезон* (рус.) и *Hauptsaison* (нем.). Если в немецком языке в семантике термина содержится указание на основной и неосновной сезон туризма, то в русском — на множество/отсутствие туристов. Дословный перевод с русского языка в случае незнания эквивалента приведет к непониманию и опасению по той причине, что *«tote Saison»* может быть понят как *сезон, в течение которого отмечается больше смертельных случаев.* Или, например, трактовка термина *туризм* в двух языках совпадает, эквивалентность при переводе абсолютная. Однако проблема заключается в том, что в немецком языке параллельно с термином *Tourismus* используются термины *Touristik, Fremdenverkehr, Reiseverkehr,* которые на русский язык переводятся как *туризм,* хотя коммуникативная активность терминологических номинаций этих слов несколько иная, чем в случае с *Tourismus*. В обеих культурах *путешествие* представляет собой более широкое понятие, чем туризм, поскольку подразумевает и туристскую услугу, и поездку с целью проведения свободного времени, отпуска и т.д. Тем не менее, в случае с *Reise* речь идет о передвижении на транспорте, в то время как *путешествие* предполагает также и передвижение пешком. В немецком языке для путешествия пешком используется термин *Wanderung,* который в немецко-русских словарях эквивалентен терминам *поход, прогулка, миграция.* Следует также отметить, что англицизмы прочно и уверенно вошли в туристический язык немецкой лингвокультуры, так что необходимости в их переводе на немецкий язык практически нет. Наименования преимущественно остаются в аутентичном английском написании или же применяется прием смешанного перевода, как, например, *Incentive-Reise*. При переводе на русский язык предпочтительным остается функциональный перевод или вариант с использованием транскрипции. Термин *таймшер,* например, встречается в русскоязычном туристическом дискурсе значительно реже термина *клубный отдых*, однако семантически они не абсолютные синонимы. Клубный отдых среди прочих видов включает в себя таймшер, но ввиду «непонятности» англоязычного слова предпочитают использовать русскоязычный функциональный аналог с суженным значением [14].

---

[13] Новикова Э.Ю. Дидактика устного перевода // Подготовка переводчика: коммуникативные и дидактические аспекты : колл. моногр. / науч. ред. В.А. Митягина. М. : ФЛИНТА : Наука, 2012. С. 88–154. С. 125.

[14] Новикова Э.Ю. Особенности терминологических номинаций в русскоязычном и немецкоязычном туристическом дискурсе // Homo Loquens (Вопросы лингвистики и транслятологии) : сб. ст. / отв. ред. В.А. Митягина. Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2016. С. 32–41. Вып. 9. С. 36.

При описании тура встречаются различного рода топонимы (названия отелей, улиц, городских кварталов, районов, населенных пунктов), имеющие лакунарную природу и предполагающие соответствующие стратегии и тактики перевода: транскрипцию, адаптацию, функциональный перевод. Так, например, при переводе фразы турагента *«Эта новая комфортабельная гостиница была построена специально к проведению чемпионата мира по футболу 2018. Она расположена* ***на 1-й Продольной улице****, вдоль Волги...»* будет осуществлен или прием опущения *«Она расположена вдоль Волги…»,* или генерализации *«Она расположена на улице вдоль Волги…»*, или семантического развертывания *«Она расположена* ***на самой протяженной улице города****, вдоль Волги…»*, так как буквальный перевод приведет к непониманию, что означает *первая продольная*, а все ли улицы города имеют нумерацию и т. д.?

F. Профессиональный фактор — затруднения, обусловленные недостаточным опытом работы в туристическом дискурсе.

Таким образом, матрица переводчика как абстрактное ментальное образование формируется на основе дискурсивного досье коммуникативной ситуации/текста и позволяет активизировать мыслительную деятельность переводчика, оптимизировать его коммуникативное действие как культурного транслятора за счет оценки:

– собственных профессиональных возможностей и ситуативно-обусловленных факторов,

– готовности осуществлять культурную адаптацию текста перевода для предотвращения межкультурных сбоев,

– способности противостоять психологическому стрессу,

– причастности к формированию, в случае туристического перевода, позитивного образа «чужой» для туристов страны.

Список использованной литературы

1. Богин, Г.И. Филологическая герменевтика [Текст]. — Калинин, 1982. — 86 с.
2. Волкова, Т.А. Дискурсивные досье: примеры применения и методический анализ [Текст] // Проблемы перевода, языка и литературы : сб. науч. тр. — Сер. : Язык. Культура. Коммуникация / НГЛУ им. Н.А. Добролюбова. — Нижний Новгород, 2014. — Вып. 17. — С. 96–109.
3. Гуреева, А.А. Социокоммуникативные характеристики устного переводчика [Текст] // Переводчик XXI века агент дискурса : колл. моногр. / науч. ред. В.А. Митягина, А.А. Гуреева. — М. : ФЛИНТА : Наука, 2016. — С. 9–43.
4. Новикова, Э.Ю. Дидактика устного перевода [Текст] // Подготовка переводчика: коммуникативные и дидактические аспекты : колл. моногр. / науч. ред. В.А. Митягина. — М. : ФЛИНТА : Наука, 2012. — С. 88–154.
5. Новикова, Э.Ю. Особенности терминологических номинаций в русскоязычном и немецкоязычном туристическом дискурсе [Текст] // Homo Loquens (Вопросы лингвистики и транслятологии) : сб. ст. / отв. ред. В.А. Митягина. — Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2016. — Вып. 9 — С. 32–41.
6. Пшенкина, Т.Г. Вербальная посредническая деятельность переводчика в межкультурной коммуникации: психолингвистический аспект [Рукопись] : дис. … д-ра филол. наук : 10.02.19. — Барнаул, 2005. — 330 с.
7. Степанов, В.Н. Жанровые признаки профетических текстов (на материале астрологических прогнозов на английском, русском и украинском языках) [Текст] // Иностранные языки в высшей школе. — 2015. — № 2 (33). — С. 32–46.
8. Brysch, T. Tourismus als Gegenstand kommunikationswissenschaftlicher Forschung dargestellt am Beispiel des Reiseverkaufsgesprächs [Electronic resource]. — Mode of access : http://www.gfl-journal.de/Issue_3_2011.php
9. Nord, K. Übersetzen — Spagat zwischen den Kulturen? [Text] // TextconText 11 = NF1. — 1997. — S. 149–160.
10. Pothmann, A. Diskursanalyse von Verkaufsgesprächen [Text]. — Opladen : Westdeutscher Verlag, 1997. — 308 S.
11. Stolze, R. Mitteilen und Erklären. Kompensatorische Übersetzungsstrategien bei Verständnisbarrieren [Text] // TraducereNavem. Festschrift für Katharina Reiß zum 70 / Geburtstag. Holz-Mänttäri; Nord, Christiane (Hrsg.). — Tampere: TampereenYliopisto, 1993. — S. 261–274.

References

1. Bogin, G.I. Filologicheskaна germenevtika [Philological hermeneutics] [Tekst]. — Kalinin, 1982. — 86 S. *(in Russ.)*

2. Brysch, T. Tourismus als Gegenstand kommunikationswissenschaftlicher Forschung — dargestellt am Beispiel des Reiseverkaufsgesprächs [Jelektronnyj resurs]. — Rezhim dostupa : http://www.gfl-journal.de/Issue_3_2011.php

3. Gureeva, A.A. Sociokommunikativnye harakteristiki ustnogo perevodchika [Social and Communicative Features of an Interpreter] [Tekst] // Perevodchik XXI veka — agent diskursa : koll. monogr. / nauch. red. V.A. Mitiagina, A.A. Gureeva. — M. : FLINTA : Nauka, 2016. — S. 9–43. (*in Russ.*)

4. Nord, K. Übersetzen — Spagat zwischen den Kulturen? [Tekst] // TextconText 11 = NF1. — 1997. — S. 149–160.

5. Novikova, Je.Ju. Didaktika ustnogo perevoda [Interpreting didactics] [Tekst] // Podgotovka perevodchika: kommunikativnye i didakticheskie aspekty : koll. monogr. / nauch. red. V.A. Mitiagina. — M. : FLINTA : Nauka, 2012. — S. 88–154. *(in Russ.)*

6. Novikova, Je.Ju. Osobennosti terminologicheskih nominaciy v russkoyazychnom i nemeckoyazychnom turisticheskom diskurse [Terminological nomination in the Russian-speaking and German-speaking tourism] [Tekst] // Homo Loquens (Voprosy lingvistiki i transl’atologii) : sb. st. / otv. red. V.A. Mityagina. — Volgograd : Izd-vo VolGU, 2016. — Vyp. 9. — C. 32–41. *(in Russ.)*

7. Pothmann, A. Diskursanalyse von Verkaufsgesprächen [Tekst]. — Opladen : Westdeutscher Verlag, 1997. — 308 S.

8. Pshenkina, T.G. Verbal'naya posrednicheskaya deyatel'nost' perevodchika v mezhkul'turnoi kommunikatsii : psikholingvisticheskiy aspekt [Translator verbal mediating in the Cross-cultural communication: psycholinguistic aspect] [Rucopis] : dis. … d-ra filol. nauk : 10.02.19. — Barnaul, 2005. — 330 s. (*in Russ.)*

9. Stepanov, V.N. Zhanrovye priznaki profeticheskih tekstov (na materiale astrologicheskih prognozov na angliyskom, russkom i ukrainskom yazykah) [The Genre-Related Features of Prophetic Texts (represented by astrological predictions in English, Russian, and Ukrainian)] [Tekst] // Inostrannye yazyki v vysshey shkole. — 2015. — N 2 (33). — S. 32–46. *(in Russ.)*

10. Stolze, R. Mitteilen und Erklären. Kompensatorische Übersetzungsstrategien bei Verständnisbarrieren [Text] // TraducereNavem. Festschrift für Katharina Reiß zum 70 / Geburtstag. Holz-Mänttäri; Nord, Christiane (Hrsg.). — Tampere : TampereenYliopisto, 1993. — S. 261–274.

11. Volkova, T.A. Diskursivnye dos'e: primery primeneniya i metodicheskiy analiz [Discourse profiling: application and analyses] [Tekst] // Problemy perevoda, yazyka i literatury : sb. nauch. tr. — Ser. : Yazyk. Kul'tura. Kommunikaciya / Nizhegorodskiy gosudarstvennyi lingvisticheskiy universitet im. N.A. Dobroliubova. — Nizhny Novgorod, 2014. — Vyp. 17. — S. 96–109. *(in Russ.)*

РАЗДЕЛ V

ИНСТИТУТ КОНФУЦИЯ — ТЕОРИИ И ПРАКТИКЕ ПОЭТИЧЕСКОГО ПЕРЕВОДА

(материалы Международной конференции
«Проблемы художественного перевода русской и китайской литературы»,
Чанчуньский университет, Чанчунь, КНР, 15–18 сентября 2016 года)

УДК 81'255.4

Ван Нин, магистр филол. наук
(Чанчуньский университет, Чанчунь, КНР)

О технике перевода на китайский язык специфических культурных компонентов русской поэзии на примере стихотворений С.А. Есенина

В статье рассматриваются проблемы перевода на китайский язык культурообусловленной лексики на примере стихотворений С.А. Есенина *«Гой ты, Русь, моя родная...»* и «*В хате*». Дается классификация специфических культурных компонентов русской поэзии, сопоставляются переводы этих стихотворений, выполненные китайскими русистами Гу Юньпу, Чэнь Шоучэн, Лю Чжанцю, Ли Хуа. На основании предпереводческого анализа и анализа процесса перевода делается попытка найти возможные пути правильного выбора слова для полной передачи значения специфических культурных компонентов русской поэзии на китайском языке.

поэзия, техника перевода, специфические культурные компоненты, С.А. Есенин, переводы на китайский язык

Wang Ning, M.A. (Philology), Associate Professor
(Changchun University, Changchun, China)

On the Techniques of Translating Culture-Bound Components of Russian Poetry into Chinese (with examples drawn from S. Esenin's poetry)

The paper examines the challenges of translating culture-bound vocabulary of Russian verses into Chinese and focuses on two poems of Sergei Esenin: "*Hail my Rus, my native country …*" (*«Гой ты, Русь, моя родная...»*) and "*In a Peasant Hut*" (*«В хате»*). The author suggests a translation-oriented classification of the types of culture-bound vocabulary from the viewpoint of specific challenges a translator faces. The material for comparative analysis was drawn from translation of the above-mentioned poems by Esenin done by Chinese scholars Gy Yunpu, Chen Shoucheng, Liu Zhangqiu, and Li Hua. Pre-translation study of the original text, with its specific culture-based lexical challenges, and comparative analysis of translator decisions make it possible for the author to describe the strategies of looking for the right word so as to recreate in the Chinese readers' minds an adequate perception of the culture-bound units and an adequate impression of the author's tone and implications.

poetry, translation techniques, specific culture-bound units, S.A. Esenin, translation into Chinese

Лексические проблемы перевода есенинской поэзии на китайский язык

Стихотворения С.А. Есенина многократно переводились на китайский язык разными переводчиками, хотя его творчество издавна считалось примером непереводимости. С 1980-х годов вышло уже больше десяти сборников стихотворений Есенина на китайском языке. Наибольший вклад в перевод лирики С.А. Есенина внесли Гу Юньпу, Лю Чжанцю, Ли Хуа, Чэнь Шоучэн, Чжэн Чжэн и Дин Лу. Большое количество интерпретаций, с одной стороны, помогает тем, кто знает русский язык, глубже проникнуть в семантику оригинала, а с другой стороны,

© Ван Нин, 2017

служит хорошим материалом для исследования проблем художественного перевода русской поэзии на китайский язык. Сопоставляя переводы одного и того же стихотворения С.А. Есенина, выполненные разными переводчиками, и сопоставляя эти переводы с оригиналом на русском языке, замечаем разные трактовки на китайском языке одного и того же слова-образа, иногда сильно отличающиеся друг от друга. Наибольшие различия возникают в переводах таких слов, которые относятся к культурно обусловленным лексическим единицам русской поэзии.

Под специфически-культурными компонентами русской поэзии мы понимаем, во-первых, различные группы бытовых реалий, топонимы, антропонимы, а также территориальные диалектизмы, не употребляющиеся в общелитературном русском языке, и, во-вторых, нейтральные и, на первый взгляд, простые лексические единицы, в которые поэт вкладывает собственный смысл.

Точный перевод этих культурно обусловленных лексических единиц на китайский язык является одним из самых трудных моментов переводческого процесса.

Рассмотрим китайские переводы одной и той же лексики в стихотворениях С.А. Есенина *«Гой ты, Русь, моя родная...»* и *«В хате»*.

Гой

Перевод Гу Юньпу: 你多美 [1] (Какая ты красивая!).
Перевод Чэнь Шоучэна: 啊! [2] (междометие употребляется в китайском языке для выражения удивления, восхищения, подобно русским междометиям “Ах! Ой!”).
Перевод Ли Хуа: 美哉 [3] (выражение из древнекитайского языка обозначает «Как красиво!» или «Какой красивый!»).

Русь

Перевод Гу Юньпу: 罗斯 luósī (Русь).
Перевод Чэнь Шоучэна: 俄罗斯 éluósī (Россия).
Перевод Ли Хуа: 罗斯 (Русь).

Риза

Перевод Гу Юньпу: 袈裟 jiāshā (традиционная одежда буддийских монахов).
Перевод Чэнь Шоучэна: 袈裟 (традиционная одежда буддийских монахов).
Перевод Ли Хуа: 镶金的… (позолоченный; переводчик не переводил слово «риза»).

Синь

Перевод Гу Юньпу: 蓝空 lán kōng (синее небо).
Перевод Чэнь Шоучэна: 深蓝 shēnlán (темно-синий).
Перевод Ли Хуа: 碧色草原 bìsè cǎoyuán (лазурная/бирюзовая степь).

Околица

Перевод Гу Юньпу: 寨墙 zhàiqiáng (высокий вал вокруг деревни).
Перевод Чэнь Шоучэна: (村口…的)地方 cūnkǒu(de) dìfang (место вокруг деревни).
Перевод Ли Хуа: 栅栏 zhàlan (изгородь, частокол вокруг деревни).

Печурка

Перевод Гу Юньпу: 炉炕边的凹处 (углубление в наружной стене печи).
Перевод Лю Чжанцю: 小铁炉 xiǎo tiělú (маленькая железная печка).
Перевод Ли Хуа: 小铁炉 xiǎo tiělú (маленькая железная печка).

Махотка

Перевод Гу Юньпу: 陶罐 táoguàn (глиняный горшок).
Перевод Лю Чжанцю: 小壶 xiǎo hú (маленький сосуд для хранения молока).
Перевод Ли Хуа: 陶罐 (глиняный горшок).

---

[1] Избранные стихотворения С.А. Есенина / пер. Гу Юньпу. Пекин : Преподавание и исследование иностранных языков, 2006. С. 45.

[2] Избранные стихотворения С.А. Есенина / под ред. Лю Чжанцю ; пер. Чэнь Шоучэн. Дайюань : Литература и искусство Пэйюй, 2010. С. 37.

[3] Избранные стихотворения С.А. Есенина «Глядеть в поле и небо» / пер. Ли Хуа. Пекин : Современность, 2014. С. 43.

Обращаемся к толковым словарям русского языка и русско-китайским словарям и обнаруживаем причину различия в переводах на китайский язык этих слов: все вышеуказанные переводы данных русских слов в словарях действительно приводятся. И именно наличие нескольких толкований мешает переводчикам сделать правильный выбор слова на родном языке для полной передачи его смысла в переводимом тексте.

У слова в стихотворении существует другое измерение. Казалось бы, каждое слово знакомо. «Но, зная их, понимая каждое из них в отдельности и соединив их по законам обиходной речи, мы не уловим смысла вещи» [4].

По мнению Е.Г. Эткинда, для того чтобы понять стихотворение, нужно сначала научиться понимать значения слов, которые использует автор. У каждого поэта свои излюбленные слова-образы, в которые он вкладывает собственный смысл, лишь отчасти соответствующий тому, который можно найти в словаре. И смысл отдельного слова становится понятным лишь в контексте [5].

Как решить эти проблемы? Речь уже идет о технике поэтического перевода. Я.М. Колкер в своей книге «Поэзия и проза художественного перевода» пишет: «Для того чтобы стать переводчиком художественной литературы, не обязательно быть поэтом или прозаиком, но обязательно быть исследователем и стремиться узнать, какой человеческий опыт (фактический, эмоциональный, лингвокультурный) заключен в Слове и как этот опыт используется представителями разных культур» [6]. И мы считаем такое исследование, основами которого являются фоновые знания, необходимые переводчику поэзии, и вехи переводческого процесса, лучшим путем решения лексических проблем поэтического перевода.

Фоновые знания включают весь культурный тезаурус, который может пригодиться переводчику. Это могут быть как эксплицитные факты, так и имплицитная информация, которая может остаться незамеченной даже представителями той же культуры.

Вехи переводческого процесса — основные этапы работы над переводом поэтическим. По мнению Я.М. Колкера, можно выделить три вехи переводческого процесса и на каждой из соответствующих стадий происходит симбиоз анализа и перевода.

На первой стадии (при постановке первой вехи) осуществляются подстрочный и построчный переводы. Переводчик готовит пословный перевод каждой строки оригинала [7]. Именно на этой стадии нужно решить все лексические проблемы точного и полного понимания оригинала.

Считаем необходимым предложить рабочую типологию «культурных компонентов» стихотворения с учетом поэтического контекста, которые следует учитывать как предпосылку для создания подстрочного перевода.

Предлагаем следующую классификацию культурно обусловленных лексических единиц русской поэзии:

1. Лексика, отражающая детали русского народного быта.
2. Лексика, связанная с духовным миром русского народа, с его верой, религией.
3. Историзмы, которые уже вышли из употребления, значения и смысл которых в стихотворении могут быть непонятны даже носителям русской культуры.
4. Нейтральная лексика, в которую поэт вкладывает собственный смысл.

Классификация специфических культурных компонентов стихотворения С.А. Есенина *«Гой ты, Русь, моя родная...»* и способ их перевода на китайский язык на первой стадии переводческого процесса

С.А. Есенин как русский национальный поэт «связал русскую идею с русской верой, а веру — с любовью к Родине, осмыслив ее как высшую ценность, равной которой в мире нет ничего» [8]. Стихотворение «Гой ты, Русь, моя родная...» относится к теме «Родина». Есенин, горячо любивший свою Родину и русскую природу, воспевал Россию и русскую природу с присущими ему

[4] Эткинд Е.Г. Разговор о стихе. М., 1970. С. 19.
[5] Там же. С. 21.
[6] Колкер Я.М. Поэзия и проза художественного перевода. М., 2014. С. 5.
[7] Там же. С. 6–64.
[8] Воронова О.Е. Национальное и общечеловеческое в творчестве Сергея Есенина. Архетипы. Универсалии. Концепты. Рязань, 2013. С. 17.

взволнованностью и лиризмом. В силу этого в его стихотворных произведениях широко используется русская народно-поэтическая, диалектная и просторечная лексика, лексика, неупотребительная в литературном русском языке, лексика, отражающая специфические явления русской культуры, быта, условий жизни, слова, значения которых или трудно найти в словарях, или в словарях есть разные их толкования, но при этом они могут быть неточными, неправильными.

После сопоставления существующих китайских переводов стихотворения «Гой ты, Русь, моя родная...» выделим специфические культурные единицы с указанием их толкования в русско-китайских словарях.

К лексике, отражающей детали русского народного быта относятся слова: *хата, околица, корогод, пляс, леха.*

Среди слов этой группы есть такие, смысл которых полностью совпадает с толкованием в Русско-китайском и в Толковом словаре русского языка, например, слова *хата* **(**толкование в Русско-китайском словаре: 乌克兰, 白俄罗斯和俄罗斯南部乡村的) 农舍 [9]; толкование в Толковом словаре русского языка С.И. Ожегова: крестьянский дом в украинской, белорусской и южнорусской деревне) и *пляс* (舞蹈，多指民间舞; танец — обычно народный). И хотя эти слова тоже составляют культурную специфику русской поэзии, но при подстрочном переводе (для точного и полного понимания оригинала) они не составляют трудностей для переводчиков, так как понятия «крестьянский дом» и «народный танец» есть в представлении носителей любой культуры, хотя соответствующие слова-образы могут различаться.

А такие слова, как *околица* и *леха*, вызывают затруднение переводчиков, поскольку, во-первых, в словарях подобные слова либо не представлены, либо сразу дается несколько их толкований, во-вторых, толкования в Русско-китайском словаре (обычно это перевод статей Толкового словаря русского языка) иногда являются неточными, и, обращаясь к словарям, переводчик не может точно уяснить контекстуального значения слова. Например, слово *околица:*

Русско-китайский словарь:

1. 村子周围或入口处的寨墙、栅栏.
2. (村庄的)周围地区.
3. (方言)绕弯的路，绕远的路.

Толковый словарь русского языка С.И. Ожегова:

1. Изгородь вокруг деревни или у края деревни.
2. Место вокруг селения, рядом с ним, окружающая местность.
3. Окольная дорога.

В Русско-китайском словаре слово «околица» объясняется как: 寨墙 — высокий земляной вал вокруг деревни, 栅栏 — решетка вокруг деревни.

В таком случае переводчик должен работать над фоновыми знаниями, должен узнать «что есть околица?», «какое значение у слова “корогод”?» Из Толкового словаря узнаем, что «околица — это деревянная изгородь, окружающая поселок или село. Она служила границей, обозначающей край деревни. Изготовляли ее из деревянных балок или лозы. Это зависело от определенного региона и тех природных ресурсов, что были доступны его жителям. <...> Изначально она служила неким защитным валом, ограждающим деревню от врагов и диких зверей» [10]. Очевидно, аналогия по функции с высоким земляным валом была воспринята буквально при составлении русско-китайского словаря. Заметим, кстати, что переводчику достаточно даже картинки с традиционной околицей русской деревни, чтобы решить, что слово «околица» следует переводить на китайский язык как “围栏” (изгородь).

Некоторые слова не представлены в Русско-китайском словаре, и даже в толковых словарях русского языка не даются точные и конкретные их толкования, например слово *«корогод».* Однако без правильного понимания значения этого слова переводчик не сможет представить конкретной картины, нарисованной поэтом. В книге Н.М. Шанского «Лингвистические детективы» указывается, что значение слова «корогод» пространственное: «за корогодом» — значит «за домами, образующими улицу» [11]. А Словарь В.И. Даля поясняет, что толковать «корогод» как

[9] Толкование слов на китайском языке приводится из Русско-англо-китайского электронного словаря.

[10] URL : http://fb.ru/article/197965/okolitsa---eto-chto-traditsii-i-obryadyi-svyazannyie-s-okolitsey

[11] Шанский Н.М. Лингвистические детективы. URL : http://www.e-reading.club/bookreader.php/ 1006422/ shanskiy-lingvisticheskie _detektivy.html

фонетический вариант слова «хоровод» тоже возможно (в зависимости от контекста), поскольку оба значения — и хоровод, и ряд домов — восходят к общему концепту «ряд», порядок» [12].

К лексике, связанной с духовным миром русского народа, с их верованиями, с религией, относятся: *образ, риза, богомолец, Спас*. Почему выделяем эту группу слов как специфическую? Именно в таких словах переводчики, будучи представителями другой культуры, часто ошибаются. Иными словами, из-за различий в вероисповедании, в обычаях и традициях, то есть из-за интерференции двух культур, они порой невольно и незаметно для самих себя употребляют слово-образ собственной культуры.

В двух китайских переводах слово *риза* переведено как “袈裟 jiāshā” (традиционная одежда буддийских монахов). В представлении китайцев “袈裟” — это обычно накидка-мантия красного или коричневого цвета. В третьем варианте переводчик не употребляет слово-образ “袈裟”: словосочетание «в ризах» переводится как “镶金的” (позолоченный). Таким образом, во всех трех переводах проявляется интерференция культурных компонентов буддизма и поэтому при переводе русской поэзии на китайский язык следует выделять группу слов, связанных с религией, с верой народа, как потенциальный источник культурной интерференции во избежание искажения образа.

К третьей группе относятся архаизмы, то есть лексика, вышедшая из употребления. Значение таких единиц и их текстуальный смысл могут быть непонятны даже представителям этой же культуры, поскольку данная лексическая группа включает и историзмы, то есть слова, устаревшие вместе с предметом или явлением, которое они когда-то обозначали.

При переводе слов этой группы переводчики обращаются к их этимологическому анализу. Например, при переводе слова *«Гой»* в Толковом словаре Д.Н. Ушакова дается следующее толкование: « “Гой”. междом., со словом “еси” (см.) или без него (устар. нар.-поэт.). В сочетании с местоим. 2 лица служит для восклицания, приветствия, торж. обращения. “Гой ты, родина моя! Гой ты, бор дремучий!” (А.К. Толстой). “Уж ты гой еси, удалой добрый молодец…”». В Большом словаре русских поговорок дается толкование: «“Гой еси!” (флк. устар.). Приветственно-величальная формула в значении “будь жив!” или “будь здоров!”. Характерна для устного народного творчества и встречается, прежде всего, в текстах былин (“Ой ты гой еси, добрый молодец! ”)».

К нейтральной лексике, в которую поэт вкладывает собственный смысл, относятся слова *синь, Русь*. На первый взгляд, это слова простые, нейтральные. В строках «Не видать конца и края — Только синь сосёт глаза...» слово «синь» переводилось по-разному: «蓝空 — синее небо» (Гу Юньпу), «深蓝 — темно-синий...» (Чэнь Шоучэн), «碧色草原 — бирюзовая степь» (Ли Хуа).

Чтобы выбрать оптимальный вариант, нужно знать, какая именно эта «синь». Опять нужно обратиться к фоновым знаниям и к самому тексту: “*Пахнет яблоком и медом / По церквам твой кроткий Спас*”. Эти строки подскажут: «синь» — это цвет синего-синего русского неба в августе, в конце лета и начале осени. И поэтому, когда делаем подстрочный перевод, мы считаем, что лучше употреблять простое слово “蔚蓝的” wèilán(de) (лазоревый, сине-голубой).

А при переводе слова *Русь,* считаем, что переводчик должен учитывать смысл этого слова в контексте у С.А. Есенина, то есть разницу в смысле слов «Русь» (罗斯) и «Россия» (俄罗斯) в творчестве поэта. В дореволюционной лирике Есенина слово Русь обозначает страну патриархальную, сельскую, самобытную, поэтому полагаем, что лучший вариант перевода на китайский язык — слово “罗斯” luósī.

Таким образом при переводе русской поэзии переводчик должен делать всесторонний предпереводческий анализ и исходить из того, что каждый образ и почти каждое слово потенциально могут нести в себе культурообусловленный смысл. При переводе необходимо не только понять контекстуальное значение слова, но и по возможности учитывать контекст всего творчества поэта. Переводчик начинает с пословного перевода с учетом контекста, затем переходит к пофразовому переводу, где учитываются закономерности синтаксиса переводящего языка, потом работает над выбором выразительных средств (вторая переводческая веха) и, наконец, осуществляет целостный поэтический перевод, сохраняя при этом специфические культурные образы, чтобы читатель смог почувствовать дух, мироощущение другого народа.

---

[12] Толковый словарь живого великорусского языка / сост. В.И. Даль. URL : http://dic.academic. ru/dic. nsf/enc2p/257890

Построчник стихотворения «Гой ты, Русь, моя родная...» сделан на первой вехе переводческого процесса после предпереводческого анализа и анализа процесса перевода автором.

Гой ты, Русь, моя родная,
你好，我亲爱的罗斯，
Хаты — в ризах образа...
座座农舍宛如穿着华服的圣像...
Не видать конца и края —
辽阔得看不到你的边际 —
Только синь сосёт глаза.
唯有那蔚蓝夺目耀眼。

Как захожий богомолец,
仿佛是一个过路的朝圣者，
Я смотрю твои поля.
我把你的田野凝望。
А у низеньких околиц
低矮的围栏边
Звонно чахнут тополя.
杨树的叶子正沙沙作响。

Пахнет яблоком и медом
空气里散发着苹果和蜂蜜的芬芳
По церквам твой кроткий Спас.
教堂里正庆祝着苹果救主节
И гудит за корогодом
屋后草地上跳得正酣的
На лугах веселый пляс.
是那欢快的舞蹈。

Побегу по мятой стежке
于是我也沿着那布满足迹的小路
На приволь зеленых лех,
跑向自由开阔的绿色田野，
Мне навстречу, как сережки,
扑面而来的姑娘们的笑声，
Прозвенит девичий смех.
如环佩叮当，清脆悦耳。

Если крикнет рать святая:
就算神的士兵向我发出召唤：
«Кинь ты Русь, живи в раю!»
“离开罗斯，到天堂来生活！”
Я скажу: «Не надо рая,
我也会回答他：“我不要天堂，
Дайте родину мою».
我只要我的祖国”。

Список использованной литературы

1. Воронова, О.Е. Национальное и общечеловеческое в творчестве Сергея Есенина. Архетипы. Универсалии. Концепты [Текст]. — Рязань, 2013. — 356 с.

2. Колкер, Я.М. Поэзия и проза художественного перевода [Текст]. — М. : Гуманитарий, 2014. — 496 с.

3. Шанский, Н.М. Лингвистические детективы [Электронный ресурс]. — Режим доступа : http://www.e-reading.club/bookreader.php/1006422/shanskiy-lingvisticheskie_detektivy.html

4. Эткинд, Е.Г. Разговор о стихах [Текст]. — М. : Детская литература, 1970. — 240 с.

5. 叶赛宁诗选，顾蕴璞译，外语教学与研究出版社，2006年，第45页。Избранные стихотворения С.А. Есенина [Текст] / пер. Гу Юньпу. — Пекин : Преподавание и исследование иностранных языков, 2006. — 275 с. (на кит. яз.)

6. 叶赛宁诗歌精选，刘湛秋主编，陈守诚译，北岳文艺出版社，2010年. Избранные стихотворения С.А. Есенина [Текст] / под ред. Лю Чжанцю ; пер. Чэнь Шоучэн. — Тайюань : Литература и искусство Бэйюэ, 2010. — 287 с. (на кит. яз.)

7. 叶赛宁经典诗歌珍藏本“望一望田野，望一望天空”，黎华译，现代出版社，2014年. Избранные стихотворения С.А. Есенина «Глядеть в поле и небо» [Текст] / пер. Ли Хуа. — Пекин : Современность, 2014. — 232 с. (на кит. яз.)

References

1. Etkind, E.G. Razgovor o stikhah [Discussing Poetry] [Tekst]. — Moscow : Detskaya literatura, 1970. — 240 p. (in Russ.)

2. Kolker, J.M. Poeziya i proza khudozhestvennogo perevoda [The Bread and Wine of Poetic Translation] [Tekst]. — Moscow : Gumanitariy, 2014. — 496 p. (in Russ.)

3. Selected Poems by S.A. Esenin [Tekst] / ed. by Liú Zhànqiu. Translated by Chén Shoǔchéng. — Taiyuan : Běiyuèwéyìchūbǎnshè , 2010. — 287 s. (in Chin.).

4. Selected Poems by S.A. Esenin. To Look at the Field and the Sky [Tekst] / Translated by Lí Huá. — Beijing : Xiàndàichūbǎnshè, 2014. — 232 s. (in Chin.)

5. Selected Poems of S.A. Esenin [Tekst] / Translated by Gù Yùnpú. — Beijing : wài yǔ jiào xué yǔ yán jiu chūbǎnshè, 2006. — 275 s. (in Chin.)

6. Shansky, N.M. Lingvisticheskie detectivy [Linguistic Puzzles] [Elektronnyy Resours] // Korogod. — Rezhim dostupa : http://www.e-reading.club/bookreader.php/1006422/shanskiy-lingvisticheskie_detektivy.html (in Russ.)

7. Voronova, O.E. Natsionalnoe I obshchechelovecheskoe v tvorchestve Sergeya Esenina. Arkhetipy. Universalii. Kontsepty [The National and the Universal in the poetry of Sergei Esenin. Archetypes. Universals. Concepts] [Tekst]. — Ryazan, 2013. — 356 s. (in Russ.)

УДК 81'255.4

Ван Цзиньлин, д-р филол. наук,
Ван Нин, магистр филол. наук,
(Чанчуньский университет, Чанчунь, КНР)

Эстетические особенности философской поэзии С.А. Есенина и средства передачи их на китайском языке

В статье рассматриваются традиции и требования к древней и современной китайской рифмованной поэзии и общие принципы перевода русской поэзии, в частности стихов С.А. Есенина, на китайский язык. Дается фонологическая основа для переводческой практики перевода есенинской поэзии на примере трех его стихотворений, написанных в переломные годы последнего периода жизни поэта. Есенинская поэзия отличается своей смысловой спецификой и особенностями формы, которые надо учитывать при переводе на китайский язык. В переводческой практике важно соблюдать правила русского силлаботонического стихосложения, сохраняя стихотворный размер, рисунок рифм, тональность произведения, его эмоциональный тон и всю смысловую глубину оригинала.

С.А. Есенин, стихотворения С.А. Есенина, китайский язык, принципы перевода, система рифм, размер, тональность

© Ван Цзиньлин, Ван Нин, 2017

Wang Jinling, Ph. D. (Dr. of Philology), Professor
Wang Ning, M.A. (Philology), Associate Professor
(Changchun University, Changchun, China)

The Aesthetic Peculiarities of Esenin's Philosophic Poetry and Means of Rendering Them in Chinese

The article treats the traditions of, and requirements to, ancient and modern Chinese rhymed poems and discusses the general principles of translating Russian poetry (illustrated by Esenin's verses) into Chinese with due regard to these requirements. The paper outlines a phonological basis for translation of Esenin's poetry, with three of his verses serving as empirical material. All the three poems belong to the crisis point of the last period of Esenin's life. Esenin's poetry, while profound in meaning, also possesses peculiarities of form which must be observed in translation. It is essential to preserve the rules of Russian syllabic-accentual versification, meter, rhyme pattern, tonality, the emotional colouring, as well as the whole range of meaning, with all the implications of the original.

Esenin's poetry, Chinese language, principles of translation, rhyme patterns, metric foot, tonality

В поэзии Сергея Есенина тесно переплетаются лирическое и философское начала. Вероятно, это связано с тем, что поэт ощущает свое единство с природой, одушевляет природу и ищет смысл бытия человека как части всего живого на земле. Его философская лирика тесно связана с пейзажной и берет начало в ней. Мы остановимся на анализе стихотворений: «Отговорила роща золотая…», «Мы теперь уходим понемногу…» и «Я помню, любимая, помню…», которые созданы в переломные годы жизни поэта — в 1924 и 1925 годах, когда он прощается со своей молодостью и подводит некоторые жизненные итоги. Наша задача — выявить эстетические особенности этих стихотворений и на их примере рассмотреть общие принципы перевода есенинской поэзии на китайский язык с учетом традиций и требований к современному рифмованному стихосложению на китайском языке. В статье представлены авторские поиски передачи грустной тональности этих стихов на китайском языке.

Традиции и требования в рифмованных стихотворениях китайского языка

Рифмованные стихотворения представляют собой самый традиционный стиль стихосложения в истории китайской поэзии. С конца XIX века и начала XX века после движения «4 мая» 1919 года [1] по мере становления современного китайского языка (байхуа) появляется свободный стиль стихосложения, который стал важной частью в новом культурном движении Китая. Большой вклад, имеющий историческое значение, в развитие современного свободного стиля стихотворчества внес известный ученый и поэт Ху Ши, резко выступивший против традиционно сложившейся организации рифмы, чередования тонов и жесткой регламентации длины строк древней китайской поэзии, считая, что в пяти- семи- и восьмисложных рифмованных строках невозможно поместить богатый материал. По мнению Ху Ши, в четверостишиях Цзюэцзюй (28 иероглифов, по семь в каждой строке) невозможно отразить глубину наблюдений и обобщений, в строках, ограниченных пятью или семью словами, трудно передать высокие мечты и сложные чувства [2]. Однако с появлением нового свободного стиля стихотворчества традиционные рифмованные стихотворения не были уничтожены и не были заменены, а, наоборот, вошли в новый процветающий период развития.

---

[1] Движение 4 мая — массовое антиимпериалистическое (преимущественно антияпонское) движение в Китае в мае — июне 1919 года, возникшее под влиянием Октябрьской революции в России. <…> В широком смысле, движение 4 мая обозначило поворот во взглядах китайской интеллигенции: массовую переориентацию с традиционной культуры на вестернизацию. Движение затронуло все стороны интеллектуальной жизни Китая: оно ознаменовалось распространением разговорного языка байхуа. (Прим. ред.)

[2] Ху Ши 胡适 谈新诗——八年来一件大事 上海: 上海开明书店, 1912. URL : http://ting.poemlife.com/thread-969361-1-1.html

По мнению некоторых ученых, в течение полувека после появления нового свободного стиля стихосложения рифмованные стихотворения не перестали развиваться, пройдя в общей сложности три этапа. Начало первого этапа — учреждение 25 января 1957 года журнала «Публикация стихов», где впервые были напечатаны 18 рифмованных стихотворений Мао Цзедуна, окончание этапа — канун культурной революции. Начало второго этапа — акции памяти Чжоу Эньлая 5 апреля 1976 года, в том числе с чтением стихов, на площади Тяньаньмэнь. Третий этап начинается с учреждения Китайской ассоциации поэтов в 1987 году и продолжается до настоящего времени [3].

Традиционные пятисложные и семисложные рифмованные стихотворения имеют строгие формальные требования, которые проявляются в пяти аспектах.

1. Определенное количество строк: восьмистишия (Люйши) и четверостишия (Цзюэцзюй — буквально «оборванные строки»). Каждые соседствующие строки образуют одну пару, верхняя строка называется отправной, нижная — парной.

2. Определенное количество иероглифов в одной строке [4], то есть пять или семь.

3. Определенное чередование тонов в иероглифах в строке.

Первый и второй тон называются ровными тонами, третий и четвертый — ломаными. Чередование тонов должно было соответствовать предписанным моделям, при этом в парных строках второй строке надлежало отражать тоновую структуру первой, но в обратном порядке, создавая своеобразную «тоновую антитезу». Ниже представлена схема семисложного стихотворения, где вертикальные линии обозначают ломаный тон, а горизонтальные — ровный:

| | — — — | | (первая строка),

— — | | | — — (вторая строка).

В следующей паре строк тоны первых четырех иероглифов в третьей строке повторяют тоны второй, а в четвертой строке — тоны первой. Тоновая аранжировка трех последних иероглифов во всех строчках различна:

— — | | — — | (третья строка),

| | — — | | — (четвертая строка).

4. Определенные схемы рифмовки.

Как правило, рифмуются либо парные строки (aabb), либо в четных строках дается сквозная рифма, сохраняющаяся на протяжении всего стихотворения (ab cb db), при этом, в отличие от русского стихосложения, рифмующимися считаются строки, совпадающие только по конечному *гласному* звуку. Допустима также парная рифма в первых двух строках (aa ba) при ее дальнейшем повторе в каждой четной строке: aa ba и т. д.

5. Параллелизм (семантический, синтаксический, фонологический) двух внутренних двустиший в восьмистрочном стихотворении люйши.

Вышеуказанные факторы, образуя основу древнего рифмованного китайского стиха, стали отличительными особенностями пяти- и семисложных стихотворений. По мере развития современной рифмованной поэзии (при сохранении основных требований, которыми нельзя пренебрегать) возникают некоторые изменения в стихосложении. Так, по мнению известного ученого Ма Кэй, среди вышеперечисленных пяти факторов первые четыре, как самые базовые условия рифмованной поэзии, изменять нельзя, то есть для создания рифмы в стихе необходимо иметь определенное количество строк, определенное количество иероглифов в строке и чередовать ровные и ломаные тона внутри строки и между строками в соответствии с формальными требованиями [5]. Однако в расположении порядка ровных и ломаных тонов в современном стихотворном творчестве иногда возможны варианты с учетом точного выражения смысла или эмоций. Также нельзя нарушать и правила рифмовки, иначе стихотворение лишится цельности, ритмичности и музыкальности. Существовавшие исторические «рифмы династии Суй», «рифмы Танской династии», впоследствии переименованные в «широкие рифмы династии Сун», за несколько столетий уже пережили явные перемены в фонетическом аспекте, поэтому бывшие рифмованные слоги в современном китайском языке уже не рифмуются. В этой связи Китайская

---

[3] Чжен Бонон 郑伯农 关于格律诗的回顾与前瞻. URL : http://www.chinawriter.com.cn

[4] В древнекитайском языке, в отличие от современного, практически все слова были односложными, то есть количество иероглифов соответствовало количеству слов.

[5] Ма Кэй 马凯 谈谈格律诗的“求正容变”// 怎样用韵/中华书局编辑部编，北京：中华书局，(中华传统诗词经典). 2013. 10，第18页。

ассоциация поэтов, придерживаясь курса наследования и развития, развертывая инициативу «Поощряя современное, сохраняя древнее», составила новую таблицу звуковых рифм, включающую 14 категорий гласных [6]. Что касается пятого фактора (параллелизм двустиший), то ученые Ассоциации придерживаются принципа подчинения формы содержанию, то есть формальные правила не должны соблюдаться в ущерб смыслу и идее произведения [7].

Новые способы и правила рифмования в современном китайском стихосложении

Рифмовка в современном китайском стихосложении основывается на повторе одинаковых или фонетически близких гласных звуков в конце строки, что придает звуковому сочетанию строк в стихотворении музыкальность и мелодичность. Рифмы, «являясь нотами рифмованного стихотворения, придают ритмичности стихотворения музыкальные крылья» [8].

«Новые рифмы китайского языка (14 рифм)», составленные Чжао Цзинчженем [9], были опубликованы в журнале «Китайская поэзия» в мае 2004 года. Впервые на основе современного литературного китайского языка (путунхуа) рифмы были классифицированы и каждая рифма для удобства запоминания и употребления получила название по частотности иероглифов данной категории. Под каждой рифмой прилагаются иероглифы с разными тонами. Итак, 35 гласных современного китайского языка были разделены на 14 новых рифм в следующем порядке [10]:

1. 麻[ма]：a, ia, ua
2. 波[бо]：o, e, uo
3. 皆[цзе]：ie, üe
4. 开[кай]：ai, uai
5. 微[вэй]：ei, ui
6. 萧[сяо]：ao, iao
7. 尤[ю]： ou, iu
8. 寒[хань]：an, ian, uan, üan
9. 真[чжень]：en, in, un, ün
10. 阳[ян]：ang, iang, uang
11. 庚[ген]：eng, ing, ong, iong
12. 齐[ци]：i, er, ü
13. 支[чжи]：i (нулевой гласный в сочетаниях: zhi, chi, shi, ri, zi, ci, si)
14. 姑[гу]：u

Надо отметить, что финали с [o] и [e] считаются рифмующимися, потому что, по сути, эти звуки сходны по месту образования и различаются только тем, что при произнесении [o] губы округлены, а при произнесении [e] — слегка растянуты. При этом учитывается, что [o] характеризуется тем же местом образования, что и гласный [e]. Рифмующимися также считаются слоги [eng] и [ong] по схожести произношения. Однако звуки [an] и [en] являются разными рифмами, хотя они кончаются одинаковым сонорным, но различны по качеству гласных [a] и [e] в данной позиции. Также нельзя рассматривать финали [en] и [eng] как рифмующиеся [11].

Произношение разных гласных можно уподобить различным междометиям, которые непроизвольно издает человек под влиянием различных эмоций, поэтому разные рифмы, по мнению Шэнь Сянюань, выражают различные чувства и обладают экспрессией [12]:

麻[ма]：a, ia, ua — способны выражать надежду и желание.

波[бо]：o, e, uo — способны выражать боязнь, страх.

---

[6] Ма Кэй 马凯 谈谈格律诗的“求正容变”. 第6页。

[7] Ма Кэй 马凯 谈谈格律诗的“求正容变”.

[8] Ма Кэй 马凯 谈谈格律诗的“求正容变”. 第24页。

[9] Чжао Цзинчжень 赵京战 中华新韵（十四韵）//《中华诗词》，2004, 第5期、第6期。

[10] Как употреблять рифмы 怎样用韵 中华书局编辑部编，北京: 中华书局，（中华传统诗词经典）2013. 第34–66页。

[11] Сюе Шэнмин 薛生明《诗词与写作》. URL : http:www.docin.com/p-922562907.html

[12] Шэнь Сянюань 沈祥源《文艺音韵学》，武汉：武汉大学出版社，1998. P. 90。

皆[цзе]：ie, üe — способны выражать чувство экстренности, сверхсрочности.

开[кай]：ai, uai — способны выражать чувство радости, веселья.

微[вэй]：ei, ui — способны выражать безразличие, равнодушие.

萧[сяо]：ao, iao — способны выражать чувство горя, мучения, страдания.

尤[ю]： ou, iu — способны выражать чувство любви, ласки.

寒[хань]：an, ian, uan, üan — способны выражать восторг, радость.

真[чжень]：en, in, un, ün — способны выражать чувство печали, грусти.

阳[ян]：ang, iang, uang — способны выражать чувство гнева, возмущения.

庚[ген]：eng, ing, ong, iong — способны выражать сдержанность.

齐[ци]：i, er, ü — способны выражать эмоции сомнения.

支[чжи]：i — способен выражать чувство ненависти.

姑[гу]：u — способен выражать чувство грусти, угрюмости, тоски.

Ученые разделили все вышеуказанные рифмы, выражающие разные эмоции и переживания, на три категории по степени звонкости гласных: звонкие, мягкие и тонкие [13].

Звонкие включают рифмы, содержащие: 1) a, ia, ua; 2) ang, iang, uang; 3) an, ian, uan, üan; 4) eng、ing、ong、iong.

Мягкие рифмы включают: 1) ai, uai; 2) e、o、uo; 3) ao、iao; 4) ou、iu.

К *тонким* рифмам относятся: 1) ei、ui; 2) ê (ye)、ie、üe; 3) i、ü、er、-i (zi、zhi、ci、chi、si、shi、ri); 4) u; 5) en、un、in、ün.

А как надо выбирать рифмы в стихотворном творчестве? Теоретически звонкие рифмы для стихотворения имеют более яркий оттенок, мягкие рифмы выражают мягкий оттенок, а тонкие — более серый и темный оттенки. Современный поэт Сюэ Шэнмин в своей монографии «Стихотворения и творчество» отметил, что выбор рифмы и категории звонкости рифм зависит от содержания, идеи и эмоциональной тональности стихотворения. Принято считать, что в произведениях, выражающих возбужденность, бравурность, воинственность, используются звонкие рифмы. В стихотворениях, написанных в тоне воспевания, восхваления, восхищения, а также в жизнеутверждающей лирике чаще употребляются мягкие рифмы, а для передачи печали, грусти, тоски — тонкие категории рифмы [14].

При подборе рифм необходимо также учитывать соотношение ровных и ломаных тонов, которые тоже подчеркивают разные эмоции и переживания. Как правило, ровные рифмы помогают передать светлое, яркое чувство, а ломаные рифмы соответствуют более мрачной тональности. Поэтому мы считаем, что в стихотворной практике для выражения радости, восторга чаще выбирают ровные рифмовки, а для выражения грусти, тоски, печали предпочитают ломаные рифмы.

Особенности лирики С.А. Есенина и общие принципы ее перевода на китайский язык

Для есенинского мироощущения характерно чувство единения с природой, которую поэт одухотворяет. Это позволяет С.А. Есенину ощутить себя частичкой своей малой родины, всей России, а также чувствовать сопричастность всему живому на земле. Лиричность в стихах Есенина неотъемлема от философского постижения смысла бытия и значимости жизненного пути человека.

Рассмотрим переводы трех стихотворений С.А. Есенина. Стихотворение «Отговорила роща золотая…» нередко называют элегией. Исполненное лирической грусти, оно символизирует уход молодости, сожаление о годах, «растраченных напрасно». Лирический герой воспринимает прощание с юностью философски, ибо «каждый в мире странник». Он говорит, что ему ничего не жаль в прошедшем, но сам себе противоречит, создавая щемяще прекрасную картину осени.

Этому произведению в какой-то мере вторит другое стихотворение С.А. Есенина — «Мы теперь уходим понемногу…», навеянное кончиной его друга. Поэт предчувствует собственный безвременный уход и мысленно окидывает взором все, что так любил на этом свете. Здесь меньше метафорических образов, настроение создается исключительно точным и емким подбором художественных деталей — и, конечно, музыкальным строем, как и вся лирика Есенина.

---

[13] Се Вэньли, Цао Чанцин 谢文利 曹长青《诗的技巧》，北京：中国青年出版社，1984. P. 270。

[14] Сюэ Шэнмин 薛生明《诗词与写作》. URL : http://www.duwenxue.com/zixun/50953.html

Третье стихотворение «Я помню, любимая, помню…» не обладает силой философского обобщения, присутствующего в первых двух. Это удивительно тонкая, нежная, лирическая исповедь любимой, с которой была суждена разлука. Его лирический герой не страдает, ибо прежнюю любовь вытеснила другая, но стихотворение полно тихой нежности и благодарности судьбе за былое счастье.

Стихотворения С. Есенина относятся к рифмованной поэзии. При их переводе на китайский язык мы прилагаем усилия, чтобы перевод соответствовал вышеизложенным требованиям к современному китайскому рифмованному стиху. Во-первых, сохраняются формальные особенности оригинала произведения, выбор соответствующих оригиналу форм рифмовки, количество стоп, стилистические приемы, композиция стихотворения. Во-вторых, учитываются ритмичность и гармоничность современной китайской лексики, в которой лексические единицы образуются преимущественно сочетанием двух слогов (двух иероглифов) с возможной префиксальной или суффиксальной морфемой. Мы не можем гарантировать полного соответствия количества слов в строках каждой строфы, но стараемся найти ровные и ломаные тона в нужных слогах, чтобы не нарушить систему тональной и синтаксической антитезы внутри парных строк и между парными строками. В-третьих, тщательно подбираются разные категории рифм китайского языка для выражения грусти, восторга, сомнения и других эмоций лирического героя, а также общего настроения поэта. В некоторых случаях трудно обеспечить полное соответствие стихотворного размера оригиналу, ввиду того что в современном китайском языке в одной ритмической группе (отделяемой от соседних паузами) возможны лексические сочетания из трех и даже четырех иероглифов. Мы стараемся компенсировать эти неполные соответствия гармонией и мелодичностью ровных и ломаных тонов внутри строки и между строками, хотя этого иногда тоже очень сложно добиться. Кроме того, использование метафор и других тропов в оригинале иногда приходится заменять с учетом китайской культуры во избежание непонимания в логическом и культурном плане.

Перевод стихотворений С.А. Есенина на китайский язык

Отговорила роща золотая…

Отговори́ла ро́ща золота́я
Бере́зовым, весе́лым языко́м,
И журавли́, печа́льно пролета́я,
Уж не жале́ют бо́льше ни о ко́м.
已听不到 白桦的 金枝
舞动的 悦耳的 话语，
悲伤的鹤儿 在空中 飞驰，
再也不用 为谁 期许。

Кого́ жале́ть? Ведь ка́ждый в ми́ре стра́нник —
Пройде́т, зайде́т и вно́вь поки́нет до́м.
О все́х уше́дших гре́зит конопля́ник
С широ́ким ме́сяцем над голубы́м пруд́ом.
还期许 谁呢？每个人 都是 路人，
走过、路过，终要告别 这个 世界。
大麻田 憧憬着 终将 逝去的 我们，
还有那 蓝色 池塘上 高悬的 满月。

Стою́ оди́н среди́ равни́ны го́лой,
А журавле́й отно́сит ве́тром в да́ль,
Я по́лон ду́м о ю́ности весе́лой,
Но ничего́ в проше́дшем мне́ не жа́ль.
我 一个人 面朝着 枯黄的 大地，
任凭 秋风 把鹤儿 吹到 远处，
内心 充满了 少年的 美好 回忆，
却不曾 想起 有过 什么 痛苦。

Не жáль мнé лéт, растрáченных напрáсно,
Не жáль души́ сирéневую цвéть.
В садý гори́т костéр рябúны крáсной,
Но никогó не мóжет óн согрéть.
我不曾 因 虚度 年华 懊悔，
不因 错过 春天的 美丽 惋惜。
花园里 燃烧着 花楸般 通红的 火堆，
却无法 使我的 内心 温暖 些许。

Не обгоря́т рябúновые кúсти,
От желтизны́ не пропадéт травá,
Как дéрево роня́ет тúхо лúстья,
Так я роня́ю грýстные словá.
花楸果 傲视着 燃烧的 火焰，
枯黄 也无法 掩饰 草的 坚强。
我 无意间 流露 几句 伤感，
宛如 树枝 落叶 悄然 惆怅。

И éсли врéмя, вéтром разметáя,
Сгребéт их всé в одúн ненýжный кóм...
Скажúте так... что рóща золотáя
Отговорúла мúлым языкóм.
如果 风儿 把 时光 吹去，
再 把它 汇成 无用的 一团……
那么 请你 告诉它：白桦的 金枝
再也 不会 说出 美妙的 语言。

1924

Мы теперь уходим понемногу…

Мы́ тепéрь ухóдим понемнóгу
В тý страну́, где тúшь и благодáть.
Мóжет бы́ть, и скóро мнé в дорóгу
Брéнные пожúтки собирáть.
我们 正在 悄然地 离去，
去那个 安宁 幸福的 国度。
或许 我很快 就要 上路，
去收拾 那些 凡间的 杂物。

Мúлые берéзовые чáщи!
Ты́, земля́! И вы́, равнúн пескú!
Пéред э́тим сóнмом уходя́щим
Я́ не в сúлах скры́ть своéй тоскú.
我 亲爱的 白桦林啊！
还有你，我的故土！
还有你们，我的流沙地！
面对 这一群 即将逝去的 人啊！
我 无力掩饰 内心的 孤寂。

Слúшком я́ любúл на э́том свéте
Всé, что дýшу облекáет в плóть.
Мúр осúнам, что, раскúнув вéтви,
Загляде́лись в рóзовую вóдь.
这个世界 有我 享不尽的 天伦，
这一切 都紧包着 我的灵魂。
安息吧，山杨树！伸展你的 须根，
去 敲响 沃德人的 幸福之门。

Мно́го ду́м я́ в тишине́ проду́мал,
Мно́го пе́сен про себя́ сложи́л,
И́ на э́той на земле́ угрю́мой
Сча́стлив те́м, что я́ дыша́л и жи́л.
沉寂中 我 几经 思索，
为自己 谱写了 很多 曲作，
在这个 令人 压抑 的世界
幸福着 自己 曾经 来过。

Сча́стлив те́м, что целова́л я же́нщин,
Мя́л цветы́, валя́лся на траве́,
И зверье, как бра́тьев на́ших ме́ньших,
Никогда́ не би́л по голове́.
我曾经 为 亲吻过女人 而畅快，
为拈过花儿在草地上打过滚儿而呐喊，
为 从未 打过 野兽的脑袋——
我们的 小兄弟 而傲慢。

Зна́ю я́, что не цвету́т там ча́щи,
Не звени́т лебя́жьей ше́ей ро́жь.
Оттого́ пред со́нмом уходя́щим
Я́ всегда́ испы́тываю дро́жь.
我知道 那里 没有 茂密的丛林，
没有 天鹅脖子般 黑麦的 呼啸。
所以 面对这些 逝去的 人群，
总是 让我 感觉到 心惊肉跳。

Зна́ю я, что в то́й стране́ не бу́дет
Э́тих ни́в, злата́щихся во мгле́.
Оттого́ и до́роги мне́ лю́ди,
Что живу́т со мно́ю на земле́.
我知道，那个 国度里 将没有
这些 在黑暗里 还闪着光的 肥田。
在 这个世界里 能与你们 厮守，
弥足珍贵的 是与你们 共享 凡间。

1924

Я помню, любимая, помню…

Я по́мню, люби́мая, по́мню
Сия́нье твои́х воло́с.
Не ра́достно и не легко́ мне
Поки́нуть тебя́ привело́сь.
我记得你，亲爱的，我记得你，
记得你那 秀发的 耀眼夺目。
我 不得不 离开你，
没有喜悦，只有痛苦。

Я по́мню осе́нние но́чи,
Бере́зовый шо́рох тене́й,
Пу́сть дни́ тогда́ бы́ли коро́че,
Луна́ нам свети́ла длинне́й.
我记得 那深秋的 夜，
白桦影儿 飘动 沙沙响，
我多想 让白昼能短些，
让明月 陪伴我们 更长。

Я по́мню, ты́ мне́ говори́ла:
«Пройду́т голубы́е года́,
И ты́ позабу́дешь, мо́й ми́лый,
С друго́ю меня́ навсегда́».
我记得，你曾经 对我说：
“蓝色的 青春 终将逝去，
亲爱的，你将会 忘记我，
带着她 永远 把我忘记”。

Сего́дня цвету́щая ли́па
Напо́мнила чу́вствам опя́ть,
Как не́жно тогда́ я сы́пал
Цветы́ на кудря́вую пря́дь.
今天的 椴树 又百花盛开，
重唤起我 对你 爱的复燃，
我 温柔地 把花儿采摘，
抛向 你秀美的 发卷。

И се́рдце, осты́ть не гото́вясь
И гру́стно другу́ю любя́,
Как бу́дто люби́мую по́весть,
С друго́й вспомина́ет тебя́.
爱你的心 依然 无法冷却，
却因 爱着别人 而惆怅。
带着她 想起 你的圣洁，
仿佛 回忆起 爱情的忧伤。

1925

Подводя итог, еще раз подчеркнем, что в переводческой практике надо соблюдать правила рифмовки стихотворений, учитывая особенности и требования в тональном, ритмическом, рифмообразующем и эмоциональном аспектах, бережно передавая при этом смысл оригинала.

Список использованной литературы

1. 胡适 谈新诗——八年来一件大事 上海：上海开明书店. Ху Ши. О новом стиле стихосложения — большое событие за 8 лет [Электронный ресурс]. — Шанхай : Шанхайский книжный магазин «Каймин», 1912. — Режим доступа : http://ting.poemlife.com/thread-969361-1-1.html (на кит. яз.)
2. 林克胜 诗律详解 北京：商务印书馆，2010, 350页。 Линь Кешен. Комментарии по рифмованию стихотворений [Текст]. — Пекин : Шан У, 2010. — 350 с. (на кит. яз.)
3. 马凯 谈谈格律诗的“求正容变”//怎样用韵/ 中华书局编辑部编，北京: 中华书局,（中华传统诗词经典）2013.10, 第18页。Ма Кэй. О соотношении возможности изменений и отсутствия изменений в рифмованной поэзии [Текст] // Как использовать рифму / Китайская корпорация книгопечатания. — 2013. — 137 с. (на кит. яз.)
4. 沈祥源《文艺音韵学》，武汉：武汉大学出版社，1998, 348页。Шэнь Сянюань. Художественная фонология [Текст]. — Ухань : Изд-во Уханьского ун-та, 1998. — 348 с. (на кит. яз.)
5. 谢文利 曹长青《诗的技巧》，北京：中国青年出版社，1984, 387页。 Се Вэньли, Цао Чанцин. Навыки стихотворчества [Текст]. — Пекин : Изд-во китайской молодежи, 1984. — 387с. (на кит. яз.)
6. 薛生明《诗词与写作》Сюэ Шэнмин. Поэзия и литературное творчество [Электронный ресурс]. URL : http:www.docin.com/p-922562907.html. (на кит.яз.)
7. 赵京战中华新韵（十四韵）//《中华诗词》，2004，第5期、第6期。Чжао Цзинчжен. Новые рифмовки китайского языка (14 рифм) [Текст] // Китайская поэзия. 2004. № 5. С. 37–51 ; № 6. С. 53–63. (на кит. яз.)
8. 郑伯农 关于格律诗的回顾与前瞻. Чжен Бонон. История и перспектива рифмованных стихотворений китайского языка [Электронный ресурс]. — Режим доступа : http://www.chinawriter.com.cn (на кит. яз.)
9. 怎样用韵 中华书局编辑部编，北京：中华书局，（中华传统诗词经典）。Как использовать рифмовки [Текст] / Китайская корпорация книгопечатания. — 2013. — 137 с. (на кит. яз.)

References

1. 胡适 谈新诗——八年来一件大事 上海：上海开明书店，1912 . Hú Shì. On the New Style of Versification — A great event of the last eight years [Electronic resource]. — Shanghai : Kāimíng shūdiàn, 1912. — Mode of access : http://ting.poemlife.com/thread-969361-1-1.html (in Chin.)

2. 林克胜 诗律详解 北京：商务印书馆，Lín Kèshèng. Comments on the Rhyme patterns in Poetry [Text]. — Beijing : Shāngwù [Commercial Press], 2010. — 350 p. (in Chin)

3. 马凯 谈谈格律诗的“求正容变”//怎样用韵/ 中华书局编辑部编，北京：中华书局，（中华传统诗词经典）Mǎ Kǎi. On the Correlation between Traditions and Innovations in Rhymed Poetry [Text] // How to Use Rhyme / Chinese Printing Corporation. — 2013. — 137 p. (in Chin.)

4. 沈祥源《文艺音韵学》，武汉：武汉大学出版社，1998, 348页。Shěn Xiángyuán. Phonology of Poetic Discourse [Text]. — Wǔhàn : Wǔhàn dàxué chūbǎnshè [Wǔhàn Un-ty Press], 1998. — 348 p. (in Chin.)

5. 谢文利 曹长青《诗的技巧》，北京：中国青年出版社，1984. 387页。Xiè wén Lì. The Skills of Versification [Text]. — Beijing : Zhōngguó qīngnián chūbǎnshè, 1984. — 387 p. (in Chin.)

6. 薛生明《诗词与写作》. Xuē Shēngmíng. Poetry and Literary Writing [Electronic resource]. — Mode of access : http:www.docin.com/p-922562907.html (in Chin.)

7. 赵京战 中华新韵（十四韵）//《中华诗词》，2004，第5期、第6期。Zhào Jīngzhàn. A New List of Rhymes in Chinese (14 rhyme types) [Text] // Chinese Poetry. — 2004. — N 5. — P. 37–51 ; N 6. — P. 53–63. (in Chin.)

8. 郑伯农 关于格律诗的回顾与前瞻. Zhèng Bónóng. The History and Prospects of Rhymed Poetry in Chinese [Electronic resource]. — Mode of access : http://www.chinawriter.com.cn (in Chin.)

9. 怎样用韵 中华书局编辑部编，北京：中华书局，（中华传统诗词经典）. How to Use Rhymes [Text] / Chinese Printing Corporation. — Beijing : zhōnghuá shūjú, 2013. — 137 p. (in Chin.)

УДК 81'255.4

Цзэн Сыи, д-р филол. наук
(Институт филологии
Тяньцзиньского педагогического университета,
Тяньцзинь, КНР)

Значимость сохранения рифмовки оригинала при переводе [1]

Доказывается необходимость скрупулезного сохранения рифмической организации оригинала при переводе поэзии. Рифмическая структура стиха рассматривается в единстве с ритмом стихотворения на уровне его метрической структуры и на уровне ритма произведения как единого целого, как динамики стиха. Соответственно схема организации рифмы в строфе, а также преднамеренная смена организации рифм в пределах стихотворения трактуются автором как носитель смыслового содержания стихотворения. Исследуются различные схемы рифмовки в строфах из четырех и шести строк на материале русской классической поэзии, преимущественно поэтических произведений Ф.И. Тютчева и А.А. Фета, и выявляются функции рифмической упорядоченности стиха. Анализ оригинала сопровождается переводами стихотворений на китайский язык, принадлежащими автору статьи.

рифма, парная, кольцевая, перекрестная, ритм, динамика, гармоничность, Ф.И. Тютчев, А.А. Фет

[1] На русский язык статью перевели: М.В Левина, ведущий специалист по учебно-методической работе НОП «Институт Конфуция РГУ имени С.А. Есенина» и М.А. Рышкова, специалист по учебно-методической работе НОП «Институт Конфуция РГУ имени С.А. Есенина».

© Цзэн Сыи, 2017

Zeng Siyi, Ph. D. (Doctor of Philology), Professor
(Tianjin Pedagogical University, Tianjin, China)

On Observing the Rhyme Pattern in Translation of Poetry

The author's purpose is to prove the necessity of meticulous rendering of the rhyme pattern of a verse in the process of its translation. The rhyme pattern is analysed in terms of the overall aesthetic and emotional impression the verse produces due to the interplay of its subject-matter and formal characteristics. The rhyme pattern in a stanza and its preservation throughout the verse (unless the poet deliberately changes the pattern) are regarded not as mere form but as an important meaning-shaping factor. Rhyme is analysed in close connection with rhythm, and the latter, in its turn, is treated not only as metric foot, but primarily as the dynamic structure of the whole poem — speeding it up or slowing it down, making it sound now calm, now turbulent… The author provides numerous illustrations taken from Russian poetry (mainly, F. Tiutchev and A. Fet) to show the crucial part played by the rhyme pattern in producing the intended impression on the reader or listener. Each Russian original is accompanied by its translation into Chinese, done by the author of the paper.

enclosing rhyme, plain rhyme, alternate rhyme, rhythm, dynamics, harmony, F. Tiutchev, A. Fet

В современных китайских переводческих кругах наблюдаются три основных взгляда на вопрос стихотворной нормы переведенного поэтического произведения. Первого мнения придерживаются последователи «точной школы», утверждающие, что необходимо максимально точно передавать не только рифмовку оригинального стихотворного произведения, но и стараться сохранить ритм каждой из его строк. Вторая точка зрения характерна для приверженцев «свободной школы», переводы которых можно считать в некоторой степени прозаическими произведениями, графически оформленными как стихотворные, в которых, однако, особое значение придается точности выражения лирической составляющей (представитель школы — Сюнь Хунцзюнь). Последователи третьего направления, так называемой «промежуточной школы», не ставят цели полностью сохранить рифмовку оригинала, но в то же время не предоставляют переводчику абсолютной свободы (иными словами, рифма сохраняется, если это возможно; рифмуются, как правило, предложения в параллельных конструкциях, в тех местах оригинала, где авторскую рифмовку сохранить сложно и ею можно пренебречь при условии целесообразности; но вместе с тем нельзя недооценивать функцию рифмы в поэтических произведениях).

Согласно общепринятому мнению, рифма выполняет три основные функции в поэтическом произведении. Во-первых, она консолидирует и унифицирует структуру стихотворения, делает единым изложение центральной мысли. Как говорил В.В. Маяковский, «без рифмы… стих рассыплется. Рифма возвращает вас к предыдущей строке, заставляет вспомнить ее, заставляет все строки, оформляющие одну мысль, держаться вместе» [2]. Во-вторых, рифма затрагивает паузацию в поэтическом произведении, способствует взаимосвязи интонационного, ритмического и просодического рисунка стихов. В-третьих, в русских стихотворных произведениях, где рифма и ритм тесно переплетены, рифма не просто полностью определяется ритмом, но является фактором, активно воздействующим на оформление ритмической структуры стихотворения. Кроме того, рифмующиеся слова, «перекликаясь», делают, с одной стороны, более четким деление на строки, а с другой — служат связующим элементом [3].

Именно поэтому автор в целом выбрал для себя путь «точной школы». Однако в связи с ограниченностью возможностей, а также существенной разницей между языковыми системами — идеографической китайской, с первостепенным значением четырех тонов, и фонетической западной, с ключевой ролью ударения, — полное сохранение ритмического стихотворного рисунка оказывается непосильной задачей, поэтому основным остается сохранение рифмовки. Исходя из этого, в течение многолетней практики перевода русских поэтических произведений, автор неуклонно придерживался принципа сохранения типа рифмовки оригинала. Данный подход, наряду с тремя перечисленными выше функциями рифмы и ее сохранения, позволил нам обнаружить еще два значительных преимущества такого подхода.

---

[2] Шкловский В.Б. Жили-были. Воспоминания. Мемуарные записи. Повести о времени: с конца XIX в. по 1964 г. М. : Советский писатель, 1966. С. 352.

[3] Го Тяньсян. Исследование русской поэзии. Изд-во ун-та Хэнань, 1999. С. 61.

Во-первых, рифма произведений-оригиналов весьма разнообразна и, следовательно, может служить достаточным источником для унификации норм новой китайской поэзии (стихотворения на разговорном языке, появившиеся во времена движения 4 мая 1919 года. — *Прим. пер.*). В настоящее время поле для создания стихотворных произведений в Китае чрезвычайно обширно. Что касается формы — она достаточно свободна: авторы могут исходить из норм как классических стихов, так и новых («Новые стихи» — уставные стихи «люйши» (律诗) и четверостишия «цзюецзю» (绝句) с регламентацией последовательности тонов, возникшие в эпоху династии Тан. — *Прим. пер.*), могут выражать лирические чувства в свободной форме, ничем не ограничиваясь, или же воспользоваться возможностью усовершенствовать нормы новой поэзии в процессе творчества.

История китайской литературы, в частности история поэзии, свидетельствует о том, что форма произведений развивалась от народной, довольно непринужденной и свободной, к классической, строгой и унифицированной. Данная тенденция без исключений прослеживается в поэзии эпохи Тан «ши», в ритмической прозе династии Сун «ци», в драмах династии Юань и т. д. Следовательно, несмотря на то, что можно подвергнуть сомнению возможность абсолютной стандартизации новой китайской поэзии, наряду с полной либерализацией свободных стихов, нельзя отказываться и от исследовательского пути установления норм, который по своей сути является воплощением идеи разнообразия: «Пусть расцветают сто цветов, пусть соперничают сто школ» (идея сосуществования и параллельного развития нескольких философских школ и течений, появившаяся в период Воюющих Царств. — *Прим. пер.*). Этот путь изысканий крайне значим и потому достоин признания.

Чтобы сделать стандартизацию новой китайской поэзии более динамичной и повысить уровень ее художественности, необходимо, основываясь на собственном традиционном литературном наследии, активно перенимать достоинства иностранных стихотворных произведений, тем самым обогащая собственную поэзию, особенно в аспекте рифмы.

Рифму в русской поэзии отличает широкое разнообразие форм, особенности которых рассмотрим на примере четверостиший (или четырехстрочных строф) и шестистиший (или шестистрочных строф).

Для русских стихотворений, как правило, характерны перекрестная, смежная, охватная и монорифма.

Первый тип (перекрестная рифмовка) — рифмуются первая и третья, а также вторая и четвертая строки (схема — abab). Например, стихотворение А.А. Фета «Вечер»:

明亮的河面上水流淙淙，
幽暗的草地上车铃叮当，
寂静的树林上雷声隆隆，
对面的河岸闪出了亮光。

遥远的地方朦胧一片，
河流弯弯地向西天奔驰，
晚霞燃烧成金色的花边，
又像轻烟一样四散飘去。

小丘上时而潮湿，时而闷热，
白昼的叹息已融入夜的呼吸，——
但仿若蓝幽幽、绿莹莹的灯火，
远处的电光清晰地闪烁在天际。

Прозвучало над ясной рекою,
Прозвенело в померкшем лугу,
Прокатилось над рощей немою,
Засветилось на том берегу.

Далеко, в полумраке, луками
Убегает на запад река.
Погорев золотыми каймами,
Разлетелись, как дым, облака.

На пригорке то сыро, то жарко,
Вздохи дня есть в дыханье ночном, —
Но зарница уж теплится ярко
Голубым и зеленым огнем.

Этот вид рифмовки является наиболее распространенным в русском стихосложении и широко используется большинством поэтов.

Второй тип (смежная рифмовка) — парное рифмование первой и второй, и третьей и четвертой строк (схема — aabb). Например, стихотворение А.А. Фета «Певице»:

把我的心带到银铃般的悠远，
　　那里忧伤如林后的月亮高悬；
这歌声中恍惚有爱的微笑，
　　在你的盈盈热泪上柔光闪耀。

姑娘！在一片潜潜的涟漪之中，
　　把我交给你的歌是多么轻松，——
沿着银色的路不停地向上浮游，
　　就像蹒跚的影子紧随在翅膀后。

你燃烧的声音在远处渐渐凝结，
　　如同晚霞在海外溶入黑夜，——
却不知从哪里，我真不明白，
　　一片响亮的珍珠潮突然涌来。

把我的心带到银铃般的悠远，
　　那里忧伤温柔如微笑一般，
我沿着银色的路不停飞驰，
　　仿佛那紧随翅膀的蹒跚的影子。

Уноси мое сердце в звенящую даль,
　　Где как месяц за рощей печаль;
В этих звуках на жаркие слёзы твои
　　Кротко светит улыбка любви.

О дитя! как легко средь незримых зыбей
　　Доверяться мне песне твоей:
Выше, выше плыву серебристым путём,
　　Будто шаткая тень за крылом...

Вдалеке замирает твой голос, горя,
　　Словно за морем ночью заря, —
И откуда-то вдруг, я понять не могу,
　　Грянет звонкий прилив жемчугу.

Уноси ж мое сердце в звенящую даль,
　　Где кротка, как улыбка, печаль,
И всё выше помчусь серебристым путём
　　Я, как шаткая тень за крылом.

Такой вид рифмовки также достаточно часто встречается в произведениях русских поэтов.

Третий тип (охватная, или кольцевая, рифмовка) — рифмуются первая с четвертой, а вторая с третьей строкой (схема — abba). Например, стихотворение Ф.И. Тютчева «Над этой темною толпой»:

在这一大群人民的头上——
他们愚昧无知，沉睡不醒……
自由啊，你何时倏然升空，
闪耀你那金灿灿的光芒？

这灿灿金光振奋人心，
驱散浓雾和迷梦……
然而，那腐烂的旧日创痛，
那暴力和凌辱的伤痕，

那灵魂的堕落和精神的空虚，
那智慧的痛苦和心灵的烦闷，——
谁来疗治它们，谁来保护它们？……
只有你，基督纯洁的法衣……

Над этой темною толпой
Непробужденного народа
Взойдешь ли ты когда, Свобода,
Блеснет ли луч твой золотой?..

Блеснет твой луч и оживит,
И сон разгонит и туманы...
Но старые, гнилые раны,
Рубцы насилий и обид,

Растленье душ и пустота,
Что гложет ум и в сердце ноет, —
Кто их излечит, кто прикроет?..
Ты, риза чистая Христа...

В своем стихотворении поэт пытается убедить народ отказаться от неистового желания обрести свободу варварским путем, однако его попытка сталкивается с реальностью, невозможностью быстрого осуществления. Эта трудность находит отражение и в структуре стихотворения: несмотря на изменения рифмы в каждом втором и третьем стихе, то есть постоянное обновление, каждое четверостишие завершается рифмой, согласующейся с его первой строкой, тем самым «окольцовывая», «закрывая», вторую и третью строки, что довольно точно согласуется с содержанием стихотворения. Такой тип рифмовки также довольно часто применяется русскими поэтами.

Четвертый тип (монорифма) — единая рифма, повторяющаяся в каждой строке (схема: аааа). Данный тип рифмовки характеризуется явным однообразием и по этой причине менее распространен в русском стихосложении. Так, в стихотворении Ф.И. Тютчева «За нашим веком мы идём…» обнаруживается *зрительная* монорифма (сохраненная нами для целостности стиха в переводе на китайский язык), хотя по звучанию она соответствует типу кольцевой рифмы.

我们紧当今时代前进的步伐， 恰似紧跟埃涅阿斯的克列乌莎， 才走一会——就浑身筋疲力乏， 步子越来越慢——最后只能停下。	За нашим веком мы идем, Как шла Креуза за Энеем: Пройдем немного — ослабеем, Убавим шагу — отстаем.

Весьма разнообразны виды рифмовки в шестистишиях, что связано с большим количеством вариантов расположения рифмующихся стихов относительно друг друга. Остановимся на семи наиболее часто используемых.

Первый тип — рифмуются первая со второй, третья с шестой, четвертая с пятой строкой (схема: aabccb). Например, стихотворение А.А. Фета «Графу Льву Николаевичу Толстому (При появлении романа «Война и мир»)»:

辽阔的大海啊，曾几何时， 你以自己那银灰色的法衣， 自己的游戏，使我心醉神夺； 无论波平浪静还是雨暴风横， 我都珍惜你那溶溶蔚蓝的美景， 珍惜你在沿岸礁岩上溅起的飞沫。	Была пора, своей игрою, Своею ризою стальною Морской простор меня пленял, Я дорожил и в тишь и в бури То негой тающей лазури, То пеной у прибрежных скал.
但如今，大海啊，你那偶然的闪光， 就像一种神秘的力量， 并不总使我感到喜欢； 我为这倔强刚劲的美惊奇， 并面对这自然的伟力， 诚惶诚恐地浑身抖颤。	Но вот, о море! властью тайной Не все мне мил твой блеск случайный И в душу просится мою; Дивясь красе жестоковыйной, Я перед мощию стихийной В священном трепете стою.

Второй тип — рифмуются первая, четвертая и шестая строки, а также вторая, третья и пятая (схема: abbaba). Например, стихотворение А.А. Фета «Восточный мотив»:

可爱的朋友，该用什么来把我俩形容？ 我们是两只冰鞋，在河面上唰唰轻滑， 我们是两个桨手，驾驶着破旧的木筏， 我们是两颗谷粒，住在同一狭小的硬壳中， 我们是两只蜜蜂，采撷着生活之花， 我们是两粒星星，闪耀在巍峨的苍穹。	С чем нас сравнить с тобою, друг прелестный? Мы два конька, скользящих по реке, Мы два гребца на утлом челноке, Мы два зерна в одной скорлупке тесной, Мы две пчелы на жизненном цветке, Мы две звезды на высоте небесной.

Третий тип — рифмуются первая строка со второй, третья с четвертой, пятая с шестой (схема: aabbcc). Например, стихотворение Ф.И. Тютчева “Silentium”:

沉默吧，隐匿并深藏 自己的情感和梦想—— 一任它们在灵魂的深空 仿若夜空中的星星， 默默升起，又悄悄降落，—— 欣赏它们吧，——只是请沉默！	Молчи, скрывайся и таи И чувства и мечты свои — Пускай в душевной глубине Встают и заходят оне Безмолвно, как звезды в ночи, — Любуйся ими — и молчи.
你如何表述自己的心声？ 别人又怎能理解你的心灵？ 他怎能知道你深心的企盼？ 说出来的思想已经是谎言。 掘开泉水，它已经变浑浊，—— 尽情地喝吧，——只是请沉默！	Как сердцу высказать себя? Другому как понять тебя? Поймет ли он, чем ты живешь? Мысль изреченная есть ложь. Взрывая, возмутишь ключи, — Питайся ими — и молчи.
要学会只生活在自己的内心里—— 那里隐秘又魔幻的思绪 组成一个完整的大千世界， 外界的喧嚣只会把它震裂， 白昼的光只会使它散若飞沫， 细听它的歌吧，——只是请沉默！	Лишь жить в себе самом умей — Есть целый мир в душе твоей Таинственно-волшебных дум; Их оглушит наружный шум, Дневные разгонят лучи, — Внимай их пенью — и молчи!..

Четвертый тип — рифмуются первая строка с четвертой, вторая с пятой, третья с шестой (схема: abcabc). Например, стихотворение Ф.И. Тютчева «Русской женщине»:

远离阳光和大自然， 远离光明和艺术， 远离生活和爱情， 你青春的岁月将一去不返， 感情的春天会慢慢荒芜， 你的梦想也会消逝如风……	Вдали от солнца и природы, Вдали от света и искусства, Вдали от жизни и любви Мелькнут твои младые годы, Живые помертвеют чувства, Мечты развеются твои...
你的一生毫无踪迹地过去， 在这荒凉而无名的地方， 在这片无人发觉的土地，—— 你恰似云烟缓缓消逝， 消逝在暗沉沉雾蒙蒙的天上， 消逝在秋日漫漫无边的烟雾里……	И жизнь твоя пройдет незрима, В краю безлюдном, безымянном, На незамеченной земле, — Как исчезает облак дыма На небе тусклом и туманном, В осенней беспредельной мгле...

Пятый тип — рифмуются первая строка с третьей и пятой, а также вторая строка с четвертой и шестой — перекрестное согласование (схема: ababab). Например, стихотворение А.Н. Апухтина «Проложен жизни путь бесплодными степями…»:

生活的道路穿过贫瘠荒凉的草原向前延伸， 偏僻，黑暗……没有屋舍，没有灌木…… 心灵沉睡；理性，嘴唇 佛都被枷锁锁住， 我们的远方无垠， 却一片空无。	Проложен жизни путь бесплодными степями, И глушь, и мрак... ни хаты, ни куста... Спит сердце; скованы цепями И разум, и уста, И даль пред нами Пуста.
忽然间路途显得不再难以忍受， 歌儿振翅欲飞，思想转动。 星星在天空烈燃不休， 血液狂热奔涌…… 幻想，惊忧， 爱情！	И вдруг покажется не так тяжка дорога, Захочется и петь, и мыслить вновь. На небе звезд горит так много, Так бурно льется кровь... Мечты, тревога, Любовь!
哦，那些幻想何在？在哪里，快乐，悲伤？ 它们这么多年如此亮丽地为我们照明！ 由于它们，在雾气弥漫的远方， 能勉强看见隐约的火星…… 这一切，都已消亡…… 它们也失去踪影。	О, где же те мечты? Где радости, печали, Светившие нам ярко столько лет? От их огней в туманной дали Чуть виден слабый свет... И те пропали... Их нет.

Шестой тип — это сочетание четверостишия с кольцевой рифмовкой и двустишия с монорифмой (схема: abbacc). Например, стихотворение Ф.И. Тютчева «Итак, опять увиделся я с вами…»:

就这样，我又和您见面， 这地方令人憎恶，即使是故乡， 在这里我曾经初次感受和思想， 而今，就在这里，我的童年 正借着渐渐消失的黄昏余光， 用蒙眬的目光向我凝望。	Итак, опять увиделся я с вами, Места немилые, хоть и родные, Где мыслил я и чувствовал впервые — И где теперь, туманными очами, При свете вечереющего дня, Мой детский возраст смотрит на меня.
啊，虚弱无力而朦朦胧胧的可怜幻影， 已被遗忘而又神秘莫测的幸福的幻影！ 啊，如今我是多么缺乏信仰和同情， 我注视着你，我转瞬即逝的客人， 你在我眼里显得多么陌生， 就像我那弟弟，夭亡在襁褓中……	О бедный призрак, немощный и смутный, Забытого, загадочного счастья! О, как теперь без веры и участья Смотрю я на тебя, мой гость минутный, Куда как чужд ты стал в моих глазах — Как брат меньшой, умерший в пеленах...

唉，不，不是这里，不是这人烟稀少的地方， 当年竟是我满心爱恋的故乡—— 不是在这里曾到处鲜花怒放， 不是在这里曾把美妙青春的伟大节日颂扬。 唉，我曾赖以生存、极其珍爱的一切， 也不会在这样一片地方安歇！	Ах нет, не здесь, не этот край безлюдный Был для души моей родимым краем — Не здесь расцвел, не здесь был величаем Великий праздник молодости чудной. Ах, и не в эту землю я сложил Все, чем я жил и чем я дорожил!

Седьмой тип — представляет собой сочетание четверостишия с перекрестной рифмой и двустишия с монорифмой (схема: ababcc). Например, стихотворение Г.Р. Державина «Разные вина»:

这是灿丽着玫瑰红的美酒， 让我们为两颊绯红的女子干杯。 喝了它心里真是其乐悠悠， 恰似亲吻着红嘟嘟的小嘴！ 　　你也那么红艳，美若天仙， 　　——快来吻吻我吧，心肝！	Вот красно-розово вино, За здравье выпьем жен румяных. Как сердцу сладостно оно Нам с поцелуем уст багряных! 　　Ты тож румяна, хороша, — 　　Так поцелуй меня, душа!
这是灿亮着西班牙黑的美酒， 让我们为黑眉毛的女子干杯。 喝了它心里真是其乐悠悠， 恰似亲吻着红丹丹的小嘴！ 　　黑姑娘啊，你也美若天仙， 　　——快来吻吻我吧，心肝！	Вот черно-тинтово вино [4], За здравье выпьем чернобровых. Как сердцу сладостно оно Нам с поцелуем уст пунцовых! 　　Ты тож, смуглянка, хороша, — 　　Так поцелуй меня, душа!
这是灿闪着塞浦路斯黄的美酒， 让我们为金发的女子干杯。 喝了它心里真是其乐悠悠， 恰似亲吻着美得醉人的小嘴！ 　　金发的姑娘，你也美若天仙， 　　——快来吻吻我，心肝！	Вот злато-кипрское вино, За здравье выпьем светловласых. Как сердцу сладостно оно Нам с поцелуем уст прекрасных! 　　Ты тож, белянка, хороша, — 　　Так поцелуй меня, душа!
这是名叫天使之泪的美酒， 让我们为柔情似水的女子干杯。 喝了它心里真是其乐悠悠， 恰似亲吻着多情的小嘴！ 　　你也柔情似水，美若天仙 　　——快来吻吻我，心肝！	Вот слезы ангельски вино [5], За здравье выпьем жен мы нежных, Как сердцу сладостно оно Нам с поцелуем уст любезных! 　　Ты тож нежна и хороша, — 　　Так поцелуй меня, душа!

Возвращаясь к преимуществам сохранения рифмы оригинала, необходимо отметить, что наиболее важным является сохранение той лирической экспрессивности, которую она в себе заключает. Нарушение рифмовки оригинального произведения может привести к потере соответствующего эмоционального впечатления. В действительности, рифма не только оформляет просодию и структуру стихотворного произведения, но и, несомненно, служит для более полного выражения авторского замысла. Классическим примером, иллюстрирующим эту функцию рифмы, можно считать «Божественную комедию» Данте Алигьери. Широко известно, что ее наиболее яркая особенность — это безупречно выверенная художественная структура, которая имеет три главных составляющих. Во-первых, это использование чисел, имеющих в христианстве символический смысл, в качестве основы композиции. Автор, выбирая числа «3» и «10» как ключевые для организации произведения (в «Комедии» три части — «Ад», «Чистилище» и «Рай», в каждой из частей 33 песни, что вместе со вступлением составляет 100), формирует, таким образом, четкую и стройную трехгранную структуру. Во-вторых, что еще более значимо, — это использование трехстрочной последовательной (цепочной) кольцевой рифмовки, которую Данте создал, вдохновившись ритмическим рисунком народной поэзии.

[4] Вот черно-тинтово вино — красное испанское вино vino tinto.

[5] Вот слезы ангельски вино — измененное название итальянского вина Lacrimae Christi («Слезы Христа»).

Этот тип рифмовки основан на трехстрочных строфах: в первой строфе рифмуются первая и третья строки, вторая строка рифмуется с первой и третьей строками второй строфы, вторая строка второй строфы соответственно рифмуется с первой и третьей строками третьей строфы и т. д. В конце автор добавляет еще одну строку, рифмующуюся со средней строкой последней полной строфы. Таким образом, схему рифмовки можно представить следующим образом: aba, bcb, cdc, ded, efe, …, xyx, y. Подобная структура позволяет связать воедино все части произведения, «нанизывая друг на друга» постоянно меняющиеся строфы, как звенья цепи. Наиболее уникальной особенностью такого «подвижного» построения является его соответствие описываемому в произведении путешествию по Аду, Чистилищу и Раю. С развертыванием ритма оформляется упорядоченная, последовательная структура, наделяющая все произведение определенной «подвижной» мелодией. Создается ощущение постепенного (круг за кругом) погружения в Ад, постепенного продвижения внутрь Чистилища и такого же постепенного (выше и выше) восхождения в Рай. Тем самым возникает живой образ абстрактного процесса становления человеческого духа, его развития от низменности до высоты, а форма произведения и его содержание сливаются в единое целое, достигая высокой степени художественности.

Хуан Гобинь, сам будучи поэтом, тонко чувствовал первостепенную значимость трехстрочной последовательной кольцевой рифмовки для всего произведения, и потому, переводя «Божественную комедию» с итальянского языка, приложил немало усилий, чтобы наиболее точно сохранить рифму оригинального произведения и передать высокий уровень художественного мастерства Данте [6].

В русской поэзии также есть немало произведений, отличающихся особой художественной выразительностью, проявляющейся в нескольких аспектах.

Во-первых, это слияние формы и содержания, которая позволяет более полно и точно передать эмоции и центральную авторскую мысль. Так, например, одно из поздних произведений А.А. Фета «Это утро, радость эта…» нередко считают образцом импрессионистского стихотворения [7]. Смелое новаторство поэта, его искусное мастерство и творческая легкость, проявляющиеся в этом произведении, делают его достойным именоваться истинным шедевром.

这清晨，这欣喜，
这白昼与光明的伟力，
　　这湛蓝的天穹，
这鸣声，这列阵，
这鸟群，这飞禽，
　　这流水的喧鸣，

这垂柳，这桦树，
这泪水般的露珠，
　　这并非嫩叶的绒毛，
这幽谷，这山峰，
这蚊蚋，这蜜蜂，
　　这嗡鸣，这尖叫，

这明丽的霞幂，
这夜村的呼吸，
　　这不眠的夜晚，
这幽暗，这床笫的高温，
这娇喘，这颤音，
　　这一切——就是春天。

Это утро, радость эта,
Это мощь и дня и света,
　　Этот синий свод,
Этот крик и вереницы,
Эти стаи, эти птицы,
　　Этот говор вод,

Эти ивы и березы,
Эти капли — эти слезы,
　　Этот пух — не лист,
Эти горы, эти долы,
Эти мошки, эти пчелы,
　　Этот зык и свист,

Эти зори без затменья,
Этот вздох ночной селенья,
　　Эта ночь без сна,
Эта мгла и жар постели,
Эта дробь и эти трели,
　　Это всё — весна.

Здесь самые разные образы следуют один за другим, создавая подвижную, постоянно меняющуюся картину, время и пространство растворяются друг в друге, становясь одним целым. Без единого глагола поэту удалось создать живой, визуальный образ весны, позволяя почувствовать пробуждение природы во всем ее многообразии. Интенсивный ритм и пронизывающая все

[6] Цзен Сыи. Легендарные произведения — критика перевода «Божественной комедии» / пер. Хуан Гобинь // Анализ известных произведений. 2010. № 5.

[7] Охрименко О.П. Импрессионизм в поэзии А. Фета // Русский язык и литература в учебных заведениях. 1996. № 3. С. 27.

стихотворение мощь в полной мере отражают весеннее ликование, восторг, буйство звуков и чувств — яркие ощущения как самого поэта, схожие с «потоком сознания», так и читателя.

Единое начало «Это» («эта», «эти») создает эффект широкого, непрекращающегося, постоянного движения, выстраивает параллельные, взаимосвязанные образы во всем стихотворении, образующие единое целое, что, с одной стороны, создает внутреннюю мелодию стихотворения, а с другой — служит для более четкого оформления его внешней структуры.

Значимой особенностью является и рифмовка стихотворения (перевод полностью повторяет рисунок оригинала): в каждой строфе новая рифма появляется три раза: рифмуются первая строка со второй, третья — с шестой, четвертая — с пятой (схема — aabccb). Таким образом, создается непрерывно меняющийся ритм, а третья и шестая строки, опоясывающие четвертую и пятую, исключают однообразие и одновременно обеспечивают связь строк между собой, упорядочивая динамичный темп (при попытке заменить рисунок рифмовки на три двустишия со смежной рифмой, то есть aabbcc, мелодия стихотворения становится менее выразительной).

Стихотворение состоит из трех строф, рифмовка каждой строфы имеет схему, описанную выше, благодаря чему на протяжении всего произведения выдерживается интенсивный ритм, его разнообразие и вместе с тем упорядоченность. Таким образом достигается выразительный целостный ритмический рисунок, вполне соответствующий динамичному, преисполненному жизненной силой и гармоничному естественному ритму (живой) природы — рифма/ритм, форма и содержание органично сочетаются друг с другом, формируя безупречное целое.

Стихотворение наполнено светом и радостью и очень точно передает бурное пробуждение, цветение и жизненную силу оживающей после зимнего сна природы. Приподнятая манера, яркая центральная мысль, многообразие и живость образов, динамика и гармоничность рифмовки — все это делает произведение А.А. Фета редким и ярким творением в сокровищнице не только русской, но и мировой поэзии. В один ряд с ним можно поставить еще одно стихотворение А.А. Фета «На рассвете»:

从黑夜的前额，
柔软的烟雾轻盈地降落，
一条阴影从茫茫田原
蜷缩到附近的房舍下面；
燃烧起一片亮丽的渴望，
朝霞却羞羞答答不肯亮相；
冰凉，明亮，银白，
鸟儿把双翅抖开；
太阳虽不曾升起，
心里却早已幸福盈溢。

Плавно у ночи с чела
Мягкая падает мгла;
С поля широкого тень
Жмется под ближнюю сень;
Жаждою света горя,
Выйти стыдится заря;
Холодно, ясно, бело,
Дрогнуло птицы крыло...
Солнца еще не видать,
А на душе благодать.

В данном стихотворении автор использует смежную рифмовку, каждые две строки попарно рифмуются, рифмующиеся слоги создают ощущение динамики, движения, тем самым ритмически отражая процессы природных движений и изменений при переходе от ночи к рассвету. Если рифмовку не сохранять при переводе, то может пропасть ощущение ритма движения в содержании стихотворения. В стихотворении А.А. Фета «Люди спят» можно наблюдать похожую ситуацию:

人们已入睡；我的朋友，
让我们一起走到绿树浓荫的花园。
人们已入睡；只有星星在把我们窥探。
不过它们看不见躲在繁枝密叶中的我们，
它们也听不见我们——能听见的只有夜莺……
甚至夜莺也听不见我们——它正声若玉石，
也许能听见我们的只有心灵和手儿：
心灵听见，大地是多么心满意足，
我们给这儿带来了何等的幸福；
手儿听见，并告诉心灵，
那人的手发热发抖在自己掌中，
自己这手也因此而发抖发烫，
一个肩膀情不自禁地贴向另一个肩膀……

Люди спят; мой друг, пойдем в тенистый сад.
Люди спят; одни лишь звезды к нам глядят.
Да и те не видят нас среди ветвей
И не слышат — слышит только соловей...
Да и тот не слышит, — песнь его громка;
Разве слышат только сердце и рука:
Слышит сердце, сколько радостей земли,
Сколько счастия сюда мы принесли;
Да рука, услыша, сердцу говорит,
Что чужая в ней пылает и дрожит,
Что и ей от этой дрожи горячо,
Что к плечу невольно клонится плечо...

Это стихотворение описывает встречу поздней ночью в саду двух возлюбленных. Они немного волнуются, и автор, чтобы унять свое волнение и волнение своей возлюбленной, в обращенной к ней речи, полной нежности, заботы и любви, успокаивает ее. Это тонкое психологическое ощущение поэт передает также посредством попарно рифмующихся в смежной рифмовке строк, придающих описанию образность, живость, наполняющих искренностью чувств и реальностью происходящего.

В стихотворении Ф.И. Тютчева «Дума за думой, волна за волной...» данная особенность проявляется более ярко:

绵绵紧随的思想，滚滚追逐的波浪，	Дума за думой, волна за волной —
——同一自然元素的两种不同花样：	Два проявленья стихии одной:
一个，小小的心胸，一个，浩浩的海面	В сердце ли тесном, в безбрежном ли море,
一个，狭窄的天地，一个，无垠的空间	Здесь — в заключении, там — на просторе, —
同样永恒反复的潮汐声声，	Тот же все вечный прибой и отбой,
同样使人忧虑的空洞的幻影。	Тот же все призрак тревожно-пустой.

Во всем стихотворении отсутствуют глаголы, образность создается именными словосочетаниями, благодаря чему два образа «дума за думой, волна за волной» предстают то клокочущими думами внутри души лирического героя, то бурлящими на поверхности безбрежного океана приливами и отливами, постоянно сменяющими друг друга, отождествляясь с тревожным, пустым призраком. На Ф.И. Тютчева сильно повлиял немецкий философ Шеллинг. Согласно «философии тождества» Шеллинга, природа — это видимый дух, а дух — это невидимая природа, природа и человеческая душа — это одно и то же. Ф.И. Тютчев в своем стихотворении одновременно противопоставляет и объединяет антагонистические образы «волн» и «мышления», при этом противопоставление их создает двойную структуру стихотворения по форме, а их объединение, то отдаляясь, то возвращаясь к исходному состоянию, заключается в том, чтобы быть обоюдно сообщающейся материей. В этом содержится философское размышление поэта о присущей человеческому мышлению одновременно и силе, и бессилии. Для того чтобы соответствовать скачкообразному движению, создаваемому образами, в стихотворении используется смежная рифмовка: в шести коротких строках встречаются три попарно срифмованные строки, что создает ощущение подъемов и спадов. Первый подъем — представление двух образов — «волн» и «дум», их противопоставление и связь; второй — описание разницы между ними; третий — объединение первых двух на основе их сходства. Благодаря такой рифмовке это короткое стихотворение передает живые и глубокие образы, создает ощущение постоянных перемен.

Изменение типа рифмовки в пределах стихотворения более четко выделяет содержательную и эмоциональную части. Рассмотрим стихотворение Ф.И. Тютчева «Два голоса».

一	I
振奋精神，朋友们，奋勇作战， 哪怕这战斗力量悬殊，毫无胜算！ 你们头上是灿灿繁星，在高空默默无言， 你们脚下是座座坟墓，它们也一声不响。	Мужайтесь, о други, боритесь прилежно, Хоть бой и неравен, борьба безнадежна! Над вами светила молчат в вышине, Под вами могилы — молчат и оне.
让奥林匹斯山上的众神快乐逍遥， 他们是不朽的，全然不知忧虑和操劳， 忧虑和操劳专为凡人的心而设计， 对于他们来说，只有死亡永无胜利。	Пусть в горнем Олимпе блаженствуют боги: Бессмертье их чуждо труда и тревоги; Тревога и труд лишь для смертных сердец... Для них нет победы, для них есть конец.
二	II
振奋精神，奋勇作战，勇敢的朋友们！ 无论战斗是多么持久，又多么残酷！ 你们头上，是一大群默默无言的星辰， 你们脚下，是一声不响、一片荒凉的坟墓。	Мужайтесь, боритесь, о храбрые други, Как бой ни жесток, ни упорна борьба! Над вами безмолвные звездные круги, Под вами немые, глухие гроба.
让奥林匹斯山上的众神以羡慕的眼光， 凝神观看那顽强不屈的心奋勇作战。 谁仅仅被命运击败而倒在战场， 谁就可以从神的手里夺下胜利的桂冠。	Пускай олимпийцы завистливым оком Глядят на борьбу непреклонных сердец. Кто, ратуя пал, побежденный лишь Роком, Тот вырвал из рук их победный венец.

Главной темой первого стихотворения является вера в людей и недовольство пантеоном богов, поэтому смежная рифмовка, в которой сменяют друг друга попарно срифмованные строки с женской и мужской рифмой, подчеркивает активность человеческой мысли. Во второй части стихотворения автор применяет довольно строгую перекрестную рифмовку, тем самым возлагая на человека ответственность за свой выбор: с одной стороны, необходимость повиновения судьбе, а с другой — необходимость в раскрытии своих возможностей. Два вида рифмы перекрещиваются и опоясывают друг друга, что еще больше подчеркивает главную тему стихотворения: даже если нет никаких шансов добиться успеха, нельзя отказываться от борьбы, ибо смерть в бою — уже победа.

Рифма и содержание вместе могут создавать в некоторой степени иронию, противоположный эффект от которой ярче передает главную тему стихотворения, как, например, в стихотворении Ф.И. Тютчева «KN.N.»:

你喜欢装假，也善于装假—— 在人群中，避开人们的视线道道， 我偷偷地用脚触碰你的小脚—— 你作出回应，脸上毫无羞愧的红霞。	Ты любишь! ты притворствовать умеешь: Когда в толпе, украдкой от людей, Моя нога касается твоей, Ты мне ответ даешь — и не краснеешь!
依旧是那样若无其事，无情冷漠， 高耸的乳房，目光，微笑也毫无二致…… 而你的丈夫，这可恶的卫士， 纵情赏玩着你温顺的秀色。	Все тот же вид рассеянный, бездушный, Движенье персей, взор, улыбка та ж... Меж тем твой муж, сей ненавистный страж, Любуется твоей красой послушной!..
既由于人们，也由于命运， 你体验了隐秘欢乐的珍贵， 知悉了上流社会：它给我们厚馈 背叛的所有快乐……背叛使你欢欣。	Благодаря и людям и судьбе, Ты тайным радостям узнала цену, Узнала свет... Он ставит нам в измену Все радости... Измена льстит тебе.
无法再现的羞愧的红晕， 已从你水嫩的脸颊飞逝—— 恰似光带着盈盈清纯和袅袅香气， 从阿芙洛拉初绽的玫瑰飞快消隐。	Стыдливости румянец невозвратный, Он улетел с младых твоих ланит — Так с юных роз Авроры луч бежит С их чистою душою ароматной.
可那又何妨！在如火的夏季酷热中， 瞧那深红深红的葡萄串， 在绿荫间闪烁红光点点， 感觉更为愉快，也更吸引人的眼睛。	Но так и быть... В палящий летний зной Лестней для чувств, приманчивей для взгляда Смотреть, в тени как в кисти винограда Сверкает кровь сквозь зелени густой.

Стихотворение описывает даму из высшего общества, чья душа преисполнена духом бунта против условностей света. Познавая, что такое измена, она испытывает чувство радости и гордости. Ощущение свободы льстит ей. Однако при передаче этой идеи — идеи свободы — автор не использует свободную и подвижную рифму, а, наоборот, применяет придающую впечатление совершенного консерватизма кольцевую рифмовку (схема рифмовки: abba), тем самым рифма и состояние души главной героини, ее мышление, и содержание стихотворения в целом создают скрытую иронию, показывая сложное отношение поэта к этой женщине.

В другом стихотворении Ф.И. Тютчева «С поляны коршун поднялся...» встречается похожий прием:

从林中草地腾起一只大鸢， 盘旋向上，高高飞向蓝天； 它越飞越高，身影越来越小， 终于慢慢消失在茫茫碧霄。	С поляны коршун поднялся, Высоко к небу он взвился; Все выше, дале вьется он — И вот ушел за небосклон!
大自然母亲恩赐它一双 有力而又灵活的翅膀—— 而我这大地的君王，却只能 黏在大地，汗流满面，满身灰尘！……	Природа-мать ему дала Два мощных, два живых крыла — А я здесь в поте и в пыли, Я, царь земли, прирос к земли!..

В стихотворении при выражении подавленного настроения героя автор не обращается к перекрестной или кольцевой рифмовке, а, наоборот, использует вполне динамичную смежную рифмовку, что также придает иронический оттенок содержанию: человек, считающий себя «царем земли», не может сравниться даже с коршуном (не умеет летать, не может обрести свободу, «прирос к земле», в постоянных хлопотах, работе в поте и пыли).

Помимо этого, использование сочетания рифмы с новыми приемами придает тексту структурированность и связность. Рассмотрим стихотворение А.А. Фета «Шепот, робкое дыханье...»:

呢喃的细语，羞怯的呼吸， 夜莺的鸣唱， 朦胧如梦的小溪 轻漾的银光。	Шепот, робкое дыханье, Трели соловья, Серебро и колыханье Сонного ручья,
夜的柔光，绵绵无尽的 夜的幽暗， 魔法般变幻不定的 可爱的容颜。	Свет ночной, ночные тени, Тени без конца, Ряд волшебных изменений Милого лица,
弥漫的烟云，紫红的玫瑰， 琥珀的光华， 频频的亲吻，盈盈的热泪， 啊，朝霞，朝霞… [8]	В дымных тучках пурпур розы, Отблеск янтаря, И лобзания, и слезы, И заря, заря!..

А.А. Фет — большой новатор в искусстве, он смело отказывался в своем творчестве от глаголов. Н.П. Сухова отмечает: «Фет не только часто избегает употребления глаголов, но и напрямую проводит полностью безглагольный “опыт”» [9]. Посредством движущихся образов или изображений автор создает полноценную большую картину, в которой время и пространство сильно сжимаются, а мысли и настроение спрятаны внутри картины, чтобы читатель мог сам нащупать, ощутить послевкусие, прочувствовать всем сердцем и ощутить восхищение от прочитанного. Использование такого смелого приема в искусстве началось с Фета и продолжает существовать до сих пор. В стихотворении «Шепот, робкое дыханье...» всего 12 трепетных строк, полностью отсутствуют глаголы, есть 15 подлежащих и при этом ни одного сказуемого. Одно словосочетание создает одну картину, их смена обеспечивает красивое и гармоничное настроение всего стихотворения, что делает его выдающимся. Лев Толстой назвал его «мастерским произведением», «поэзией с превосходной художественной техникой», отмечал, что в нем нет «ни одного глагола, каждое словосочетание — это отдельная картина» [10]. Русский историк литературы Д.Д. Благой, проанализировав стихотворение в своей статье «Грамматика поэзии», назвал его сокровищем российской лирической поэзии, в котором, несмотря на отсутствие глаголов, создается динамичная картина. Все стихотворение словно одно большое номинативное предложение, существительные которого содержательно и богато описывают создаваемую картину, при этом автор не говорит напрямую о луне, но упоминает «серебро и колыханье ручья», «свет ночной», «ночные тени», чтобы читатели получили ощущение спокойной лунной ночи. «Стихотворение… прочитывается в ускоренном ритме, без пауз. Все это делает его исключительно «плотным», лаконичным, полностью отвечающим золотому закону истинной поэзии: в минимуме пространства максимум вещества, энергии — поэтического содержания» [11]. Далее следует отметить, что при описании чувства любви Фет так же, как и при описании лунного света, не называет его прямо, а дает читателям самим прийти к пониманию. Все стихотворение словно акварельные

[8] Все приведенные в статье стихотворения русских поэтов переведены на китайский язык автором статьи.
[9] Сухова Н.П. Мастера русской лирики. М., 1982. С. 87.
[10] Сюй Чжифан. История русской поэзии. Изд-во Пекинского университета, 1989. С. 294.
[11] Благой Д.Д. Грамматика поэзии // Русская речь. 1970. № 6. С. 43.

мазки художника, одновременно и яркие, и нечеткие, и вполне конкретные. С точки зрения времени картина, нарисованная поэтом, — лишь одно мгновение, в реальности же — промежуток от светлой лунной ночи до появления первой утренней зари, от сумерек до рассвета. Все это как раз и передает настроение возлюбленных: опьяненные любовью они не чувствуют течения времени. Сюй Чжифан цитирует мнение Л. Толстого о художественной технике Фета: «…ничего не говоря, он высказал все, все можно прочувствовать» [12].

Такого рода стихотворение, где каждая строка, словно кадр, с постоянной динамикой, при присутствии только непрестанного изменения казалось бы хаотичным, лишилось бы своей традиционной гармонии, поэтому А.А. Фет применил перекрестную рифмовку (abab), чтобы сдерживать ритм структурно, благодаря чему движение выглядит упорядоченным, ритмичным, а стихотворение в целом приобретает особую художественную красоту и гармонию.

Таким образом, сохранение рифмической структуры оригинала помогает глубже понять его содержательную и эмоциональную составляющие и весь ритмический строй стихотворения, поэтому при переводе поэзии очень важно бережно воссоздавать тип рифмовки оригинала.

Список использованной литературы

1. Благой, Д.Д. Грамматика поэзии [Текст] // Русская речь. — 1970. — № 6. — С. 36–46.
2. Охрименко, О.П. Импрессионизм в поэзии А. Фета [Текст] // Русский язык и литература в учебных заведениях. — 1996. — № 3. — С. 26–27.
3. Сухова, Н.П. Мастера русской лирики [Текст]. — М. : Просвещение, 1982. — 112 с.
4. 郭天相:《俄罗斯诗学研究》，河南大学出版社，1999年，第61页。Го Тяньсян. Исследование русской поэзии [Текст]. — Изд-во университета Хэнань, 1999. — 347 с. (на кит. яз.)
5. Шкловский, В.Б. Жили-были. Воспоминания. Мемуарные записи. Повести о времени: с конца XIX в. по 1964 г. [Текст]. — М. : Советский писатель, 1966. — 551 с.
6. 徐稚芳：《俄罗斯诗歌史》，北京大学出版社，1989年，第294—295页。 Сюй Чжифан История русской поэзии. — Изд-во Пекинского университета, 1989. — 389 с. (на кит. яз.)
7. 曾思艺：《传神之作——评黄国彬译〈神曲〉》，《名作欣赏》2010年第5期。 Цзэн Сыи. Легендарные произведения — критика перевода «Божественной комедии» (переводчик Хуан Гобинь) // Анализ литературных шедевров. — 2010. — № 5. — С. 110–111 (на кит. яз.)

References

1. Blagoi, D.D. The Grammar of Poetry [Text] // Russkaya rech [Russian Speech]. — 1970. — N 6. — P. 36–46. (in Russ.)
2. Guo Tianxiang. Studies in Russian Poetry. Hénán Dàxuéchūbǎnshè [Henan University Publishing House] [Text]. — 1999. — 347 p. (in Chin.)
3. Okhrimenko, O.P. Impressionism in A. Fet’s Poetry [Text] // Russkyi yazyk i literatura v uchebnykh zavedeniyakh [The Russian Language and Literature in Educational Institutions]. — 1996. — N 3. — P. 26–27. (in Russ.)
4. Sukhova, N.P. Mastera russkoi liriki [The Great Masters of Russian Lyrical Poetry] [Text]. — Moscow : Prosveshcheniye, 1982. — 112 p. (in Russ.)
5. Shklovsky, V.B. Zhili-Byli: Vospominaniya. Memuarnye zapisi. Povesti o vremeni [Once upon a Time: Memoirs. The Tales about the Epoch: from late 19th century to 1964] [Text]. — Moscow : Sovetsky Pisatel’, 1966. — 551 p. (in Russ.)
6. Xu Zhifang. History of Russian Poetry [Text]. — Beijing : Dàxuéchūbǎnshè, 1989. — 389 p. (in Chin.)
7. Zeng Siyi. Legendary Literary Masterpieces — Criticism of the Translation of “The Divine Comedy” (translator — Huang Guobin) [Text] // 名作欣赏 míngzuòxīnshǎng [Appreciation of Famous Literary Works]. — 2010. N 5. — P. 110–111. (in Chin.)

[12] Сюй Чжифан. История русской поэзии. С. 295.

УДК 81'255.4+378

Шань Нина, проф.
(Чанчуньский университет, Чанчунь, КНР)

Роль художественного перевода как средства обучения иностранному языку

В статье рассматривается роль поэтических произведений и их переводческого анализа в обучении иностранному языку студентов-филологов — будущих преподавателей или переводчиков. Перевод трактуется в статье как фактор, связующий обучение иностранному языку, литературе и собственно переводу как профессиональной деятельности. Преимущественно упор делается на предпереводческом анализе поэтического текста, ибо он включает и филологическую, и социокультурную перспективу. Рассматриваются дидактические возможности использования поэзии в учебном процессе, подчеркивается ее роль как сгустка информации — об истории страны, ее обычаях, эстетических идеалах и т. д. Показывается важность предпереводческого анализа оригинала и сопоставления различных переводов для развития мышления, памяти, воображения, эстетического вкуса, умения сказать многое в малом.

поэзия, перевод, цель и средство, профессиональная компетенция, синтез рационального и эмоционального, лаконичность, метонимичность, сопоставление переводов

Shan Nina, Professor
(Changchun University, Changchun, China)

Poetic Translation as a Means and an End in Foreign Languages Education

The article treats the role played by using poetry in tertiary education of future translators and teachers of foreign languages. Emphasis is made on multifaceted analysis of classical Chinese poetry, which can be viewed as a rich source of cultural, social, historical, and aesthetic information. Translation is regarded as a factor that interweaves the teaching of foreign languages, literature, and professional translation. The author discusses various uses of poetry as a vehicle for developing the communicative competence. It can be used as an epigraph to a speech, as a sample of saying much in little, as a stimulus for discussion, as aesthetic material for multiple interpretations. The paper attempts to show how pre-translation analysis, as well as comparison of translations available, help to make cultural inferences, develop aesthetic taste, the ability to see (and to express) much in little.

poetry, translation, a means and an end, professional competence, synthesis of the rational and the emotional, compression, metonymy, comparison of translations, much in little

При обучении иностранному языку как специальности будущих переводчиков или учителей большое значение имеет анализ художественных произведений и их перевод. В связи с этим важно наметить пути интеграции обучения языку, литературе и переводу одновременно. В этом смысле перевод, и в частности предпереводческая деятельность, является синергетическим единством, интегрирующим всесторонний анализ иноязычного оригинала и создание художественного текста на родном языке. Все виды анализа (предпереводческий, анализ в ходе перевода и постпереводческий) помогают уяснить особенности манеры письма автора, создающие неповторимый авторский стиль. Эти виды анализа, а в результате и синтеза, обогащают иноязычный языковой репертуар студента-филолога, учат его понимать семантические различия внутри системы выразительных средств иностранного и родного языков. При этом стиль оригинала является определяющим фактором, формирующим иноязычный текст. Требования к художественному переводу включают в себя не только адекватность переводного текста оригиналу, но и создание эстетического эффекта, определяющего в условиях разных культур те же отношения между компонентами творческого треугольника «писатель —

© Шань Нина, 2017

текст — читатель». Таким образом, перевод художественных текстов обладает академическим, прагматическим и эстетическим содержанием и является важным стимулом для студентов, изучающих иностранный язык и культуру, даже если они не специализируются в области художественного перевода.

К изучению поэзии относятся по-разному. Некоторые ученые-преподаватели иностранного языка считают, что вовсе не обязательно изучать поэзию, в особенности когда иностранный язык относится к совершенно другой языковой группе и звучание стиха непривычно для уха студента. Многие считают, что информативность стиха лежит только в области *эстетического восприятия*, а трактовка его содержания в переложении на иной, непоэтический код — это разрушение смысла оригинала [1]. Однако некоторые исследователи уточняют, что переложение поэзии в ином коде оправдано, если при этом не теряется глубинный смысл оригинала [2]. Полагаем, что уместность «пересказа» стихотворений, действительно, вызывает сомнение. Но зато на занятиях, посвященных обсуждению самой разнообразной тематики — от отношений в семье до научных открытий, можно использовать небольшие стихотворения или отдельные строфы в нескольких функциях.

Истинная поэзия — это всегда «сгусток смысла». Поэтому смысловая компрессия позволяет использовать поэтические цитаты как эпиграфы для обсуждения проблемы, для поиска подтверждений мысли поэта в прозаическом тексте или для антиципации содержания текста с учетом поэтического эпиграфа. И, напротив, трактовка стихотворения как отражение той или иной общечеловеческой проблемы может стать финальным заданием на занятии в обобщающей функции. Полагаем, что такой прием активизирует оперативную (смысловую) память и механизм вероятностного прогнозирования.

Например, при изучении темы «Времена года» китайским студентам, изучающим русский язык, можно предложить два-три поэтических эпиграфа, чтобы подчеркнуть, что к одному и тому же времени года, пейзажу за окном можно относиться по-разному. Например, об осени:

И ветер, и дождик, и мгла
Над холодной пустыней воды.

И. Бунин

Осенняя пора, очей очарованье!

А. Пушкин

На еще более продвинутой ступени обучения студенты должны сами подобрать поэтический эпиграф на родном языке и перевести его на иностранный. Если это одна-две строки, нет необходимости соблюдать жесткие требования формы (не нужна рифма, можно изменить длину строки), но при этом важно не нарушить точность передаваемого отношения, верность авторского тона. Используя такой прием, мы осуществляем синтез рационального и эмоционального, обеспечивая таким образом лучшее запоминание, а также сохранение и воспроизведение информации.

Мы вполне согласны с мнением Р. Миттал, что поэзия не может выступать только как «интеллектуальное измерение» [3], поскольку поэзия — это интеграция чувственного, рационального и эмоционального. С.Ю. Степанова, говоря о преподавании английского языка в вузе, подчеркивает, что знание всемирно известных поэтических произведений необходимо для

[1] См., напр.: Степанов А.Г. Стихотворение и его прозаический парафраз («Лошади в океане» Б. Слуцкого) // Родная словесность в современном культурном и образовательном пространстве : сб. науч. тр. / ред. Е.Г. Милюгина. Тверь : ТГУ, 2014. С. 52–56.

[2] Snaevarr S. The Heresy of Paraphrase Revisited // Contemporary Aesthetics. 2004. Vol. 2. URL : http://www.contempaesthetics.org/newvolume/pages/article.php?articleID=228

[3] "…Poetry cannot be the intellectual dimension but also be a sensuous dimension, an emotional dimension and imaginative dimension" (Mittal R. "Poetry Is Language at Its Most Distilled and Powerful": Bringing Poetry in Language Classes Can Make Language Understanding and Communication Skills Better // Linguistics and Literature Studies. 2016. N 4 (1). P. 53.)

понимания газетных материалов и их правильного перевода студентами в связи с многочисленностью поэтических цитат и аллюзий в британских и американских газетах [4].

Все это в той или иной мере справедливо и для других языков и культур, в частности, на наш взгляд, следует использовать и китайскую классическую поэзию как источник познания культуры страны во многих ее аспектах, ибо в классических стихах китайских поэтов находит отражение исторический фон, благодаря чему студент получает представление об исторических событиях, о правящих династиях, об особенностях той или иной эпохи, о ее культуре, духовном состоянии представителей разных слоев общества, об отношении народа к элите.

Стихи также дают представление об идеалах эпохи и, самое главное, о философии, которая определяла поведение всех без исключения представителей китайского народа. Возможно, в значительной мере именно классической поэзии мы обязаны тем, что основные направления китайской философии сохранились до сих пор. О роли поэзии в китайской культуре косвенно свидетельствует и тот факт, что «очень часто в китайской прозаической литературе встречаются вкрапления стихов и ритмической поэтической прозы» [5].

Китайцы могут показаться иностранным любителям поэзии весьма консервативными. Тематика и форма поэтических произведений могут сохраняться на протяжении столетий. Но в то же время каждое отдельное стихотворение — это откровение, движение души поэта, способное находить отклик у самых разных читателей.

Меланхолия (но практически всегда без «нытья»), радость праздника (но не подавляющая громкими излияниями восторга), чувство меры и гармонии — вот что характеризует китайскую поэзию. Нужно глубоко чувствовать самобытность китайского народа, чтобы переводить классическую китайскую поэзию, которая лирична по своей сути и «метонимична» по своей стилистике, когда через отдельную деталь воплощается целое.

Так, стихотворение «Первый день Нового года» (он же — Праздник Весны) поэта Ван Аньши (1026–1086) требует фоновых знаний, связанных с древними обычаями, при этом несколько упомянутых деталей метонимически представляют торжественный и сложный церемониал.

Стихотворение о празднике Весны Чунцзэ

爆竹声中一岁除，
春风送暖入屠苏。
千门万户曈曈日，
总把新桃换旧符。

Взрываются хлопушки — уходит старый год.
Всей семьей пьют водку Тусу из семи трав.
Теплый весенний ветер.
Празднуют и караулят первый восход Нового года.
Семьи сменяют персиковые доски над дверью.
На них боги, съедающие дьяволов.

В пересказе Ван Цзиньлин

Мы считаем, что переводчик, если он хочет, чтобы его перевод был эквивалентен оригиналу, должен неукоснительно соблюдать особенности классической китайской поэзии. Не следует подстраиваться под точную форму оригинала. Да это и невозможно. Нужно исходить из того, что на языке перевода можно выразить то же содержание, что и в китайском языке, не прибегая к доместикации (то есть к замене образности оригинала образами, типичными для принимающей культуры), но сохраняя образную систему китайского стиха и при этом делая его

[4] Степанова С.Ю. Цели и методика применения стихотворных произведений на занятиях английского языка в вузе // Педагогика искусства. 2012. N 3. С. 226–232.

[5] Л.Н. Меньшиков о китайской поэзии и принципах ее перевода на русский язык / предисл. Л.Н. Меньшикова к двухтомнику своих переводов из китайской поэзии. URL : http://samlib.ru/w/wagapow_a_s/menshikov.shtml

импликации понятными для читателя переводного текста. Вероятно, иногда фактическая деталь может в переводе заменяться другой деталью (например, при упоминании какого-либо цветка, фрукта, дерева и т. п.), если прямой перевод не передает культурный подтекст оригинала. И все же замена художественной детали на более привычную для принимающей культуры может привести к ошибкам.

Все сказанное касается не только культурных особенностей китайского народа, но и особенностей китайского языка, китайского менталитета и отношения китайцев к другим народам. Очень трудно проследить возникновение этих отношений и их результат. Однако, изучая китайскую литературу, иностранец вдруг начинает понимать не только сюжетное родство поэтических произведений разных народов, но и идеологическую близость философских трактовок мироздания. Так, например, китайский вариант мифа о Фениксе очень разнится по сюжету с вариантами, принятыми в других культурах, хотя идеологически это один и тот же образ и один и тот же поэтический посыл, а такое, например, мифологическое существо, как Дракон, в большинстве случаев не совпадает по идеологической импликации в китайской культуре, где Дракон — мудрое и доброе существо, в большинстве же европейских мифов дракон — злобное, отвратительное чудовище.

Стихи следует рассматривать и с точки зрения их текстуальной организации. Никакое другое высказывание не демонстрирует выразительные возможности компрессии так явно, как стихи. Например, приведенное ниже стихотворение, состоящее всего из двух строк, относящееся к эпохе Борющихся Царств (403–221 гг. до н. э.), построено на сопряжении двух образов: образа северной реки Ишуй с пронзительным ветром над ней и образа уходящего в бой воина, которому не суждено вернуться. Глагол “萧萧 xiāoxiāo”, воспроизводящий звук ветра, фонетически поддерживается усилительной частицей兮 xī, а предельный лаконизм усиливает эстетическое воздействие на читателя:

易水歌	**Yìshuǐ gē**
风萧萧兮易水寒， 壮士一去兮不复还！	Fēng xiāoxiāo xī Yìshuǐ hán, Zhuàngshì yí qù xī bú fù huán!

Песня над рекою Ишуй

Ветер свистит над холодной водою Ишуй —
Доблестный воин уйдет, уже не вернется назад!

Пер. Н. Меньшиковой [6]

С помощью стихов при обучении иностранному языку и переводу легко учить антонимии и другим стилистическим средствам создания контраста: оксюморону, антитезе, парадоксу и т. д., потому что в правилах стихосложения заложена соотнесенность контрастных понятий, расположенных в разных строках.

Элементы опоры на поэзию и на художественный перевод могут внедряться в систему подготовки лингвистов-переводчиков с самого начала обучения, но очень постепенно и осторожно.

Во-первых, полезно учить внутриязыковому переводу, то есть парафразу на родном языке. И хотя пересказ поэзии как педагогический прием многими отвергается, поскольку разрушает единство формы и содержания, он все же полезен, потому что учит предпереводческому анализу, то есть умению видеть глубинный смысл содержания стиха, тщательному подбору слов на родном языке, чтобы сказать многое в малом, а компрессия — это необходимое умение во многих сферах перевода, а не только в сфере художественной литературы.

Во-вторых, для формирования понятия о неразрывном единстве формы и содержания полезно сопоставлять оригинал стихотворения и его пересказ на родном языке: что выражено и что осталось невыраженным? как форма сама по себе выражает смысл, который прозой передать трудно?

[6] URL : http://www.stihi.ru/2010/09/19/8246

В-третьих, иноязычный стих может служить полезным приемом упрочивания фонетических навыков. Иногда даже сама музыка стиха (звуки, динамика чередования тонов, рисунок рифм, паузы, отмеченные вертикальными линиями, важнее, чем понимание каждого слова. Например, короткое стихотворение “春晓 Chūnxiǎo” времен династии Тан (618–907) так музыкально по своей форме, что может служить не только эпиграфом для составления описания весны или материалом для сопоставления художественных переводов, но и упражнением для отработки произношения и тонов на начальном этапе обучения (в сопровождении подстрочного перевода).

春 晓 Chūnxiǎo

孟 浩然 （唐）Mèng Hàorán (Táng)

Chūn mián || bù jué xiǎo
春 眠 不 觉 晓,
Chùchù || wén tí niǎo.
处处 闻 啼 鸟。
Yè lái ||fēng yǔ shēng,
夜 来 风 雨 声，
Huā luò || zhī duōshǎo.
花 落 知 多少。

Весенний рассвет

(Мэн Хаожань, династия Тан)

Весенний сон не чувствует рассвет,
Повсюду и везде услышать крики птиц.
Ночью доносится ветер и дождя звук.
Цветы опадают — знать бы, сколько.

Стихотворение «春 晓 Chūnxiǎo» говорит о радости прихода весны, о чувстве пробуждения природы. Весной прекрасно все: и шум дождя, и ветер, и опадающие лепестки с цветущих деревьев. Рассмотрим два перевода стихотворения на русский язык.

Пробуждаюсь на рассвете

Пробуждаюсь до рассвета
От весеннего сна
К миру, полному птичьих песен...
Грозовая ночь,
Помню, были дождь и ветер.
Но из десяти тысяч цветов,
Как знать, сколько из них опали?

Пер. Дарьи Хазановой

Пробуждаюсь на рассвете

Пробуждаюсь с рассветом от легкого сна.
Свежий воздух. Весна птичьих песен полна.
Помню ночью был ветер, померкла луна;
Были грома раскаты и ливня стена!
А теперь лепестками покрыта страна.
То цветы все опали, и чья здесь вина?

Пер. Евгения Капустина

Наводящими вопросами помогаем студентам определить, что перевод Дарьи Хазановой ближе к оригиналу, но это свободный стих. В нем есть мера ритмической упорядоченности, но без четкого поэтического размера, и нет рифмы (в оригинале рифмуются первая, вторая и четвертая строки), есть отдельные добавления, отсутствующие в оригинале.

Перевод Е. Капустина выполнен анапестом, с соблюдением одной и той же рифмы на протяжении всего стихотворения, которое стало шестистрочным. Такой тип рифмы так же, как и рисунок рифмы в оригинале, присущ древней китайской поэзии. Хотя в оригинале отсутствует характеристика «свежий воздух», она использована правомерно, так как подразумевается такими деталями, как ночной дождь и ветер. Однако в этом переводе слишком много добавлений: и раскаты грома, и гипербола «лепестками покрыта страна», и завершающий риторический вопрос. По сравнению с оригиналом, этот перевод перегружен деталями и многословен.

Таким образом, обучая будущих переводчиков, мы можем начать готовить студентов к переводу художественных текстов намного раньше, чем в их учебном плане появится художественный перевод как специальная дисциплина.

Список использованной литературы

1. Би Юэ. Проблемы переводческой интерпретации китайской поэзии золотого века (на материале стихотворения Ли Бо «Подношение Ван Луню») [Текст] // Вестник Московского университета. Сер. 22 : Теория перевода. — 2008. — № 4. — С. 60–70.
2. Меньшиков, Л.Н. Предисловие Л.Н. Меньшикова к двухтомнику своих переводов из китайской поэзии [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://samlib.ru/w/wagapow_a_s/menshikov.shtml
3. Степанов, А.Г. Стихотворение и его прозаический парафраз («Лошади в океане» Б. Слуцкого) [Текст] // Родная словесность в современном культурном и образовательном пространстве : сб. науч. тр. / ред. Е.Г. Милюгина. — Тверь : ТГУ, 2014. — С. 52–56.
4. Степанова, С.Ю. Цели и методика применения стихотворных произведений на занятиях английского языка в вузе [Текст] // Педагогика искусства. — 2012. — № 3. — С. 226–232.
5. Mittal, R. “Poetry Is Language at Its Most Distilled and Powerful”: Bringing Poetry in Language Classes Can Make Language Understanding and Communication Skills Better [Text] // Linguistics and Literature Studies. — 2016. — N 4(1). — P. 52–56.
6. Snaevarr, S. The Heresy of Paraphrase Revisited [Electronic resource] // Contemporary Aesthetics. — 2004. — Vol. 2. – Mode of access : http://www.contempaesthetics.org/newvolume/ pages/article. php?articleID=228

References

1. Bi Yue. Translation-Focused Interpretation of Chinese “Golden Age” Poetry (based on Li Bo’s verse “To Wang Lun” [Text] // Vestnik Moskovskogo universiteta [Moscow University Newsletter]. Ser. 22 : Theory of Translation. — 2008. — N 4. — P. 60–70. (in Russ.)
2. Menshikov, L.N. Predislovie L.N. Menshikova k dvukhtomniku svoikh perevodov iz kitaiskoi poezii [Preface to the two volumes of the author’s translations from Chinese Poetry] [Electronic resource]. — Mode of access : http://samlib.ru/w/wagapow_a_s/menshikov.shtml (in Russ.)
3. Mittal, R. “Poetry Is Language at Its Most Distilled and Powerful”: Bringing Poetry in Language Classes Can Make Language Understanding and Communication Skills Better [Text] // Linguistics and Literature Studies. — 2016. — N 4 (1). — P. 52–56.
4. Snaevarr, S. The Heresy of Paraphrase Revisited [Electronic resource] // Contemporary Aesthetics. — 2004. — Vol. 2. — Mode of access : http://www.contempaesthetics.org/ newvolume/pages/ article.php?articleID=228
5. Stepanov, A.G. A Poem and its Prosaic Paraphrase (“Horses in the Ocean” by B. Slutsky) [Text] // Rodnaya slovesnost v sovremennom kulturnom i obrazovatel’nom prostranstve [Russian Literature in Modern Cultural and Educational Space] : Collection of Research papers /ed. by E.G. Miliugina. — Tver’ : TGU, 2014. P. 52–56. (in Russ.)
6. Stepanova, S.Yu. The Objectives and Strategies of using Poems in a Tertiary Foreign Language Class [Text] // Pedagogika iskusstva [Pedagogy of Art]. — 2012. — N 3. — P. 226–232. (in Russ.)

УДК 81'255.2

Гу Юй, переводчик, проф.
(Нанькайский университет, Тяньцзинь, КНР)

Gu Yu, Translator, Professor
(Nankai University, Tianjin, China)

Из поэтических переводов на китайский язык: С.А. Есенин и А.А. Тарковский

Сергей Есенин

Шаганэ ты моя, Шаганэ...	**莎甘奈呀，我的莎甘奈**……	рифмы
Шаганэ ты моя, Шаганэ!	莎甘奈呀，我的莎甘奈！	a
Потому, что я с севера, что ли,	或许因为我来自北方，	b
Я готов рассказать тебе поле,	我愿给你讲麦田如浪，	b
Про волнистую рожь при луне.	月光笼罩起伏的黑麦。	a
Шаганэ ты моя, Шаганэ.	莎甘奈呀，我的莎甘奈！	a
Потому, что я с севера, что ли,	或许因为我来自北方，	b
Что луна там огромней в сто раз,	那里的月亮大一百倍，	c
Как бы ни был красив Шираз [1],	不管设拉子[1]有多优美，	c
Он не лучше рязанских [2] раздолий.	也不如梁赞[2]辽阔宽广。	b
Потому, что я с севера, что ли.	或许因为我来自北方 。	b
Я готов рассказать тебе поле,	我愿给你讲麦田如浪，	c
Эти волосы взял я у ржи,	麦浪使得我鬈发俊俏，	d
Если хочешь, на палец вяжи —	你喜欢就往指上缠绕——	d
Я нисколько не чувствую боли.	我不会受到丝毫损伤。	c
Я готов рассказать тебе поле.	我愿给你讲麦田如浪。	c
Про волнистую рожь при луне	月光笼罩起伏的黑麦，	a
По кудрям ты моим догадайся.	凭我的鬈发你能猜测，	e
Дорогая, шути, улыбайся,	尽情说笑吧，亲爱的，	e
Не буди только память во мне	但不要触动我的情怀，	a
Про волнистую рожь при луне.	月光笼罩起伏的黑麦。	a
Шаганэ ты моя, Шаганэ!	莎甘奈呀，我的莎甘奈！	a
Там, на севере, девушка тоже,	在北方也有一位姑娘，	b
На тебя она страшно похожа,	她长得和你十分相像，	b
Может, думает обо мне...	也许她正在把我等待，	a
Шаганэ ты моя, Шаганэ.	莎甘奈呀，我的莎甘奈！	a

1924

[1] 设拉子，波斯城市。(Шираз — город в Персии. — Прим. переводчика.)
[2] 梁赞，俄罗斯城市，叶赛宁的家乡。(Рязань — город в России, родные края Есенина. — Прим. переводчика.)

© Гу Юй, 2017

А.А. Тарковский

Жили-были

曾经的生活

Вся Россия голодала,	俄罗斯饥荒遍地，	a
Чуть жила на холоду,	在寒冷中奄奄一息，	a
Граммофоны, одеяла,	留声机，毛毯被子，	a
Стулья, шапки, что попало	椅子，帽子，所有东西	a
На пшено и соль меняла	全都拿出去换米，换盐，	x
В девятнадцатом году.	一九年留下这样的记忆。	a
Брата старшего убили,	一个哥哥被人打死，	a
И отец уже ослеп,	父亲失明成了瞎子，	a
Всё имущество спустили,	所有的财产都已丧失，	a
Жили, как в пустой могиле,	像住在空荡荡的坟墓里，	a
Жили-были, воду пили	那时活着，只靠喝水,	x
И пекли крапивный хлеб.	吃荨麻烤的面包度日。	a
Мать согнулась, постарела,	母亲腰弯背驼，苍老，	x
Поседела в сорок лет	四十岁就白了头发，	x
И на худенькое тело	身体瘦弱，衣衫褴褛，	a
Рвань по-нищенски надела;	像个讨饭的叫花子；	a
Ляжет спать — я то и дело:	妈妈睡觉时，我担心：	x
Дышит мама или нет?	她是不是还在呼吸？	a
Гости что-то стали редки	一九年那段岁月	b
В девятнадцатом году.	很少有客人来做客。	b
Сердобольные соседки	同样痛心的还有邻居，	a
Тоже, будто птицы в клетке	像禽鸟被关进笼子，	a
На своей засохшей ветке,	停留在干枯的树枝，	a
Жили у себя в аду.	在自己家却像蹲地狱。	a
Но картошки гниловатой	女邻居送给我们土豆，	x
Нам соседка принесла	多多少少有点儿腐烂，	c
И сказала: — Как богато	她说道：“穷苦人	x
Жили нищие когда-то.	偶尔也能享受一番。	c
Бог Россию виноватой	上帝认为俄罗斯有罪，	x
Счёл за Гришкины [3] дела.	就因为格里什卡祸乱。”	c
Вечер был. Сказала: — Ешьте! —	傍晚。母亲说：“吃吧！”	x
Подала лепёшки мать.	她把土豆烤饼递过来。	x
Муза в розовой одежде,	缪斯身穿玫瑰色服装，	d
Не являвшаяся прежде,	这之前她从不曾出现，	c
Вдруг предстала мне в надежде	刹那间让我看到希望，	d
Не давать ночами спать.	整个夜晚我一直失眠。	c
Первое стихотворенье	写出了第一首诗：	a
Сочинял я как в бреду:	我恍惚置身于梦幻，	c
«Из картошки в воскресенье	“妈妈烤出了土豆饼，	x
Мама испекла печенье!»	那个难忘的星期天！”	c
Так познал я вдохновенье	一九年我就这样	d
В девятнадцатом году».	第一次体验了灵感。	c

[3] «Гришка» — Григорий Ефимович Распутин (1869–1916) – крестьянин из Тобольской губернии. Широко известен благодаря тому, что был другом семьи российского императора Николая II. Личность Распутина и его влияние на судьбу Российской империи вызывает многочисленные споры. Одни историки полагают, что он был безнравственным шарлатаном и мошенником, а другие считают его настоящим провидцем и целителем.

Комментарий переводчика

В строфах из шести строк организация рифмы может быть самой разнообразной:

ababcc
aabcbc
aabbcc
aabccb
abcabc

В стихотворении «Жили-были” А. Тарковский использует своеобразную рифмическую структуру строфы: abaaab. В переводе рисунок рифм претерпел изменения. В качестве компенсации переводчик многократно использует одни и те же финальные созвучия на протяжении всего стихотворения, что свойственно мелодике китайской поэзии.

РАЗДЕЛ VI

IN MEMORIAM

Многогранность человека в науке о языке и в жизни (памяти профессора Ф.А. Литвина)

Феликс Абрамович Литвин — имя знаковое в отечественной и зарубежной лингвистике. Имя, которое с уважением, восхищением, любовью и благодарностью произносят его коллеги и ученики, вспоминая о его блестящих выступлениях, искрометном остроумии, поразительной эрудиции, филигранном владении языком (как родным, так и иностранным). Имя, которое ассоциируется с оригинальным видением объектов исследования, с умением «высвечивать» находящиеся в тени некоторые стороны языковых явлений, ускользающие от внимания научной общественности, и находить ключи к их познанию. Диапазон его научных интересов впечатляет своей масштабностью и разносторонностью, а тексты научных работ поражают глубокими знаниями в разных сферах языкознания. В этом, на наш взгляд, кроется одна из причин его плодотворной работы как ученого и как научного руководителя. Проблематика, которой он одарил своих учеников, весьма разнообразна, а научная школа Ф.А. Литвина известна целым рядом направлений. Можно без преувеличения сказать, что профессор Ф.А. Литвин пользовался и пользуется огромным, заслуженным авторитетом в лингвистическом мире. Его мнение ценится высоко, его идеи служат фундаментом многочисленных исследований.

Многогранность личности Ф.А. Литвина проявилась не только в его деятельности как ученого, но и как педагога. Личное обаяние, образованность, высокий уровень владения преподаваемыми дисциплинами — все это покоряло не одно поколение студентов. Важной и, без сомнения, первостепенной задачей высшего образования Феликс Абрамович считал формирование у студентов умения учиться и стремления к самообразованию. Все его занятия и общение со студентами были направлены на достижение этой цели. Он щедро делился знаниями, мудростью, литературой, умел задавать вопросы, стимулирующие мышление. Его критические замечания (часто довольно ироничные) способствовали более бережному обращению с языком, более вдумчивому отношению к рассматриваемым проблемам.

Разносторонность натуры Ф.А. Литвина раскрывалась и в его умении общаться с самыми разными людьми. У каждого, кто его знал, свои, дорогие сердцу, истории, связанные с этим человеком, свой Феликс Абрамович. При всей своей ироничности и критичности он был теплым и душевным человеком, готовым выслушать, помочь советом и делом, высказать свое мнение. Он ценил людей, их помощь и заботу, но в то же время старался не обременять их своими проблемами, не любил привлекать к себе излишнее внимание. Он не страдал тщеславием, не бравировал ученостью и авторитетом, не любил пышных фраз в свой адрес и пафосных торжеств в свою честь. Феликс Абрамович — пример скромности, интеллигентности, порядочности и тактичности. Вместе с тем, невзирая на обстоятельства и лица, он имел собственную позицию по разным вопросам и откровенно высказывал ее, что вызывало уважение даже у оппонентов.

С уходом Феликса Абрамовича мы утратили возможность живого общения с этим необыкновенным человеком. Мы все скорбим об этой тяжелой утрате. Но мы храним его образ в своей памяти, мы ведем с ним внутренний диалог, пытаясь глядеть на жизнь и науку его глазами. Профессор Ф.А. Литвин — это часть нашего бытия, это история иняза ОГУ, это яркое слово в науке о языке. В своей знаменитой монографии «Многозначность слова в языке и речи» Феликс Абрамович показал, какими гранями может играть лексическая единица в ее речевом функционировании, а судьба дала нам шанс увидеть грани его научного таланта и человеческой личности, и мы благодарны судьбе за это.

И.Н. Щекотихина,
кандидат филологических наук,
профессор кафедры английского языка
Орловского государственного университет имени
И.С. Тургенева

Феликс Абрамович Литвин

Выдающийся российский лингвист Феликс Абрамович Литвин родился 20 апреля 1927 года на Украине в городе Крюкове. В 1945 году поступил на филологический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова, который успешно окончил в 1950 году. С 1950 по 1951 год работал преподавателем в Горьковском государственном институте иностранных языков, в 1951 году перевелся в Воронежский педагогический институт, в 1953 был преподавателем в Тульском педагогическом институте. С 1958 по 2017 год Ф.А. Литвин работал в Орловском педагогическом институте (в настоящее время — Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева), где и закончил свой жизненный и творческий путь.

Жизнь в науке Феликса Абрамовича Литвина начинается с его обучения в аспирантуре под научным руководством А.В. Кунина и защиты в 1962 году кандидатской диссертации на тему «Артикль в переменных и устойчивых сочетаниях английского языка» в МГПИИЯ имени М. Тореза (в настоящее время МГЛУ). В 1963 году он возглавляет кафедру английского языка. В 1964 году получает ученое звание доцента, а через 4 года создает кафедру английской филологии и становится ее заведующим. В 1978 году на филологическом факультете МГУ имени М.В. Ломоносова по теме «Языковая и речевая многозначность слова» защищает диссертацию на звание доктора филологических наук. В 1981 году он получает ученое звание профессора и вплоть до 2010 года является бессменным заведующим кафедрой английской филологии факультета иностранных языков Орловского государственного университета.

Педагогическая деятельность Ф.А. Литвина в течение 66 лет была очень разнообразна и включала курсы по введению в языкознание, лексикологии, теоретической грамматике, теории первого и второго иностранного языков, общему языкознанию, сравнительной типологии, социолингвистике, практике языка. В 1982 году Феликс Абрамович прошел стажировку в Кембридже. Параллельно с работой в Орловском государственном университете он читал лекции для студентов Тульского и Рязанского государственных университетов в качестве приглашенного преподавателя. В последние годы Ф.А. Литвин в основном читал курсы для магистрантов по методологии и методам изучения языка и квантитативной лингвистике, спецкурсы по теории языка для аспирантов, руководил научно-исследовательской работой магистрантов и аспирантов. Более 50 его учеников защитили кандидатские и докторские диссертации под его научным руководством.

Феликс Абрамович Литвин является автором более 100 публикаций и монографии «Многозначность слова в языке и речи», которая трижды переиздавалась и остается востребованной и актуальной и в настоящее время. Область его научных интересов была очень широка. Это общее, английское и русское

языкознание: соотношение языка и речи, выявление степеней предикативности, семантика и прагматика языковых единиц, языковые универсалии и фреквенталии, фоновые знания, артикли и кванторные слова, шифтерные категории, проблемы интертекстуальности, теории перевода, сопоставительные и контрастивные исследования языков. Ф.А. Литвин вел очень активную научную деятельность, участвовал во Всероссийских и Международных конференциях и конгрессах России, Норвегии, Дании, США, Польши, Великобритании. Его имя хорошо известно ученым Москвы, Петербурга, Волгограда, Воронежа, Тулы, Тамбова и, конечно, Орла, где живут и успешно работают его благодарные ученики, друзья и коллеги. В течение многих лет Феликс Абрамович являлся членом двух диссертационных советов на базе Орловского государственного университета, возглавлял редакционную коллегию журналов «Вестник Орловского государственного университета», «Общество и человек» («Urbi et Academiae: граду и научному сообществу»). Ему присвоено звание заслуженного деятеля науки Российской Федерации.

Все, кому посчастливилось учиться у Феликса Абрамовича, быть его студентом, дипломником, аспирантом или докторантом, попадали под обаяние его личности и до сих пор не устают восхищаться его научной эрудицией, многосторонней одаренностью и редким сочетанием человеческих качеств: скромностью, порядочностью, мужественностью, доброжелательным отношением к людям. Все его коллеги и ученики искренне любят и уважают этого прекрасного человека и выдающегося ученого и несут по жизни частицу его большого и щедрого таланта. Феликс Абрамович всегда будет жить в наших сердцах, а искры творческого отношения к жизни, к науке, которые он в нас зажег, мы постараемся передать нашим молодым коллегам, новым поколениям исследователей языка.

О.Б. Абакумова,
доктор филологических наук,
профессор кафедры английской филологии
Орловского государственного университета
имени И.С. Тургенева

***

С момента ухода из жизни Феликса Абрамовича прошла уже неделя, но принять этот факт невозможно. Для меня он принадлежит к тем незыблемым основам, на которых стоит мир и которые должны существовать всегда. Однако со временем до нас доходит истина, что вечный двигатель невозможен, что нет вечных вещей и людей. Хотя… близкие люди не уходят, они остаются с нами, они становятся частью нашего опыта и нас самих.

Текст, который приведен ниже, претерпел незначительные изменения из-за необходимости употребления глаголов в прошедшем времени. Отрывок из книги «Евреи Орловщины. Пути и судьбы» (Орел, 2015. С. 150–151).

Феликс Абрамович Литвин на протяжении всей своей жизни, несмотря на временные изменения, которые коснулись личности и государства, был полностью отдан Науке. Он представлял собой идеальный образ ученого, к которому так стремятся все, вступающие на научную стезю, и который для большинства из нас недостижим из-за повседневных забот, заполняющих нашу жизнь. Феликс Абрамович сумел организовать свое пространство так, что наука не только осталась в нем, но и заняла центральное место, поэтому он до последнего дня продолжал исследовать, познавать, писать научные труды и, конечно же, помогать нам — его ученикам, коллегам, единомышленникам.

Для всех своих коллег профессор Литвин мостил дорогу в науку, бесконечно беседуя и наставляя, договариваясь с нашими научными руководителями, читая наши тексты, привлекая нас к участию в конференциях, выступая на наших предзащитах и защитах. Он делал все возможное, чтобы интересующиеся наукой люди, удовлетворяли свой интерес, имели возможность провести эксперимент, высказать свою точку зрения на предмет исследования.

Я расскажу случай, который произошел со мной на одной из первых конференций, куда мы отправились вместе. Перед заседанием методической секции, где я была заявлена, я сильно волновалась, так как исследование не было до конца завершено и я не могла сама себе ответить на возникающие у меня же к самой себе вопросы. Перспектива услышать подобного рода вопрос из чужих уст казалась вообще чудовищной. И вот я решила поделиться своими опасениями с Феликсом Абрамовичем, который председательствовал на другой секции. Спросив, что делать, если мне зададут именно такой

вопрос, я не получила ожидаемого ответа с подробными директивами, как следует вести себя в данной ситуации, не получила я и заверений в том, что, скорее всего, такого вопроса не последует. Вернувшись в аудиторию, я села на место и внимательно слушала и смотрела на разворачивающееся передо мною действо. Мой доклад был предпоследним. Во время моей речи в аудиторию зашел Феликс Абрамович, и у меня просто гора с плеч свалилась! Видеть родное лицо среди чужой публики было очень важно. Пришло время отвечать на задаваемые вопросы, которые оказались совсем не страшными, и я уже полностью расслабилась, как вдруг увидела, что Феликс Абрамович поднял руку, чтобы задать вопрос. Он озвучил именно Тот вопрос и именно Теми словами, которые я так боялась услышать! Феликс Абрамович стоял и, улыбаясь, смотрел на меня, смотрели и все остальные. Делать было нечего, пришлось отвечать так, как я посчитала нужным на тот момент. После заседания я подошла к Феликсу Абрамовичу и, не успев открыть рот, услышала, что, по его мнению, все прошло очень неплохо. Это было тогда самой большой похвалой и очень ценным уроком, фрагмент которого повторился в другом месте и с другими действующими лицами уже на моей защите, но я была готова и знала, как себя вести.

Феликс Абрамович — мудрый человек, который видел ситуацию и проецировал ее наиболее вероятный вариант развертывания, видел он и нас в этой ситуации. Он никогда не давал советов, но слова, произносимые им, как правило, имели глубокий смысл, который становился ясен, увы, в ретроспективе. Феликс Абрамович — редкий тип интеллигента со всеми присущими этому понятию признаками: образованностью, безупречной порядочностью, глубоким профессиональным подходом к делу, сдержанностью, благородством, остроумием и скромностью. Наверное, поэтому в его присутствии окружающие его люди старались изо всех сил быть лучше.

Я безмерно благодарна ему за то, что открыла для себя мир по-новому и получила возможность самореализоваться.

Вероника Головко,
кандидат педагогических наук, доцент,
заведующая кафедрой английской филологии
Орловского государственного университета
имени И.С. Тургенева

***

Память людей — это незаметный след
той борозды, который каждый из нас
оставляет в лоне бесконечности.
Ж.Э. Ренан

Уход из жизни Феликса Абрамовича для всей нашей кафедры английской филологии является невосполнимой утратой. И мне кажется, что Феликс Абрамович, как человек удивительных душевных качеств, оставил для каждого из тех, кто с ним работал, кто с ним общался, те замечательные и поучительные истории, которые и составляют такую яркую мозаику жизни и творчества этого ЧЕЛОВЕКА, УЧИТЕЛЯ, НАСТАВНИКА, РУКОВОДИТЕЛЯ и ДРУГА. В каждом из нас он отразился по-своему, но именно этот пестрый калейдоскоп воспоминаний и заставляет нас ощущать его присутствие.

Моя история — это один момент, точнее один час, моей жизни, в который я поняла, насколько глубоко Феликс Абрамович сопереживал своим подчиненным. За день до защиты моей кандидатской диссертации он пригласил меня к себе для разговора. Я могла ожидать практически всего, но только не того, что происходило далее. Сидя напротив меня, добродушно улыбаясь, Феликс Абрамович обратился к сути нашей беседы: «Итак, Валентина Николаевна, ровно через месяц Вы выходите на работу. Нагрузку я для Вас распланировал, но мне бы очень хотелось с Вами обсудить то, как Вы видите занятия языком со студентами 5 курса нашего факультета. Давайте мы с Вами начнем с того, каким Вы видите входной тест, что Вы будете в него включать, что будет составлять объект проверки». Я помню, что в тот момент я совершенно не была готова говорить о 5 курсе. В моем опыте уже была работа на выпускном курсе, но в тот момент мне казалось, что Феликс Абрамович хочет внести определенные изменения в систему подготовки, а я об этих изменениях еще не думала. В тот момент я думала только о подготовке своей речи к следующему дню, об ответах на вопросы оппонентов, поэтому сосредоточиться было очень сложно. Мысли разбегались. Вопросы Феликса Абрамовича следовали лавиной,

один за другим, и касались всех видов речевой деятельности, форм работы, форм контроля… Я отвечала обдуманно, как могла, предлагая варианты, иногда сразу же откидывая некоторые опции. Феликс Абрамович никак не реагировал на мои ответы, с легкой улыбкой на губах он продолжал задавать вопросы до того момента, когда я спросила, насколько я буду тематически ограничена в ходе работы. Вот в эту секунду я увидела широкую улыбку на лице Феликса Абрамовича, который практически шепотом произнес: «Валечка, ну наконец-то!» Выходя из аудитории 406, я еще не вполне осознавала, что же это сейчас было. И только оказавшись дома, поняла, что за последние два часа я абсолютно забыла о том, что завтра у меня состоится защита диссертации. В период внутреннего шторма и надвигающейся бури — а защита ассоциировалась именно с бурей — я увидела новую цель, что дало мне неописуемое ощущение покоя и сосредоточенности. И именно с этим ощущением и уже с осознанной благодарностью Феликсу Абрамовичу я выходила на свою защиту.

Спасибо Вам, Феликс Абрамович, за всё, что Вы сделали для каждого из нас!

В.Н. Шашкова,
кандидат филологических наук,
доцент кафедры английской филологии
Орловского государственного университета
имени И.С. Тургенева

В память о моем учителе, Феликсе Абрамовиче Литвине!

Невосполнимая и непоправимая потеря, тяжелая утрата постигла нашу кафедру… наш факультет… наш университет…наш город… нашу страну. Не утихает боль от того, что он так быстро и неожиданно ушел. Осиротел ин’яз…

А ведь Феликс Абрамович всегда был с нами, всегда всех и во всем поддерживал, определял карьерный и жизненный путь очень многих оставшихся преданных ему до конца учеников. Горько осознавать, что его с нами нет, что мы теперь уже не встретимся на факультете, что он не спросит, как дела дома, не предложит ознакомиться с интересной диссертацией и не пришлет веселой, но весьма глубокомысленной поэзии «на злобу дня» или шуточного поздравления с Новым годом или праздником 8 Марта.

В моей памяти он навсегда останется великим Учителем, открывшим мне мои собственные возможности, поверившим когда-то в меня, предложившим мне остаться после выпуска на его кафедре и работать под его руководством. Я навсегда запомню проникновенную доброту, неподражаемую манеру общения этого человека, искреннюю заботу обо всех нас, смешливый, даже озорной, нрав. Он и сейчас стоит у меня перед глазами с легкой искренней улыбкой, добродушным взглядом, вкрадчиво спрашивая что-то…

Только теперь мы поймем, как будет не хватать его ценного совета или справедливого замечания. Только теперь придет осознание, как много он делал для всех нас вместе и для каждого в отдельности. Только теперь мы почувствуем сполна, что в лице Феликса Абрамовича безвозвратно ушла целая эпоха.

А.Д. Бакина,
кандидат филологических наук,
доцент кафедры английской филологии
Орловского государственного университета
имени И.С. Тургенева

Сведения об авторах

Ван Нин — магистр (филология), доцент кафедры русского языка Института международного образования Чанчуньского университета. Почтовый адрес: КНР, 130022, г. Чанчунь, Вэйсин лу, д. 6543. Электронный адрес: 810823186@qq.com

Ван Цзиньлин — доктор филологических наук, профессор, директор Института иностранных языков Чанчуньского университета, почетный профессор, удостоенный премии «Чанбайшань» как лучший ученый провинции Цзилинь. Почтовый адрес: КНР, 130022, г. Чанчунь, Вэйсин лу, д. 6543. Тел.: 1357 874-05-75. Электронный адрес: elizaveta@163.com

Гу Юй — переводчик поэзии (в 1999 г. награжден Министерством культуры РФ медалью памяти А.С. Пушкина), член Союза писателей г. Тяньцзинь (КНР) и г. Санкт-Петербурга (РФ), профессор факультета русского языка Нанькайского университета. Почтовый адрес: КНР, 300071, 94, ул. Вейцзин, г. Тяньцзинь (Нанькайский р-н). Электронный адрес: nkguyu@126.com

Джиоева Алеся Александровна — доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры ЮНЕСКО по изучению глобальных проблем факультета глобальных процессов Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова. Почтовый адрес: 119331, г. Москва, ул. Марии Ульяновой, д. 31, кв. 19. Тел.: 8 (499) 133-96-65 (дом.); 8 910 477-16-08 (моб.). Электронный адрес: alecia28@yandex.ru

Колесников Андрей Александрович — кандидат педагогических наук, доцент кафедры второго иностранного языка и методики его преподавания Института иностранных языков Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина. Почтовый адрес: 390000, г. Рязань, ул. Свободы, д. 46. Тел. (раб.): 8 (4912) 21-57-25. Электронный адрес: kolesnikow@list.ru, a.kolesnikov@rsu.edu.ru

Колкер Яков Моисеевич — кандидат педагогических наук, профессор кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации Института иностранных языков Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, член Союза российских писателей (отделение перевода — поэзия). Почтовый адрес: 390000, г. Рязань, ул. Свободы, д. 46, комн. 39. Тел. (раб.): 8 (4912) 21-57-23. Электронный адрес: ya.kolker@rsu.edu.ru

Лю Байвэй — доцент Института русского языка Хэйлунцзянского университета. Почтовый адрес: КНР, 74 Сюэфу, г. Харбин, провинция Хэйлунцзян. Электронный адрес: 7116660@qq.com

Новикова Элина Юрьевна — кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики перевода Волгоградского государственного университета, доцент кафедры массовых коммуникаций Международной академии бизнеса и новых технологий (МУБиНТ), г. Ярославль. Почтовый адрес (раб.): 400062, г. Волгоград, просп. Университетский, д. 100. Тел.: 8 903 317-88-40. Электронный адрес: nov-elina@yandex.ru

Петренко Александр Демьянович — доктор филологических наук, профессор, директор Института иностранной филологии, заведующий кафедрой теории языка, литературы и социолингвистики Таврической академии (структурное подразделение) Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского, академик Академии наук высшей школы Украины, лауреат почетного знака Министерства образования и науки Украины «За научные достижения», лауреат почетного звания «Заслуженный работник образования АРК». Почтовый адрес (раб.) : 295007, Республика Крым, г. Симферополь, пр. Академика Вернадского, д. 4. Электронный адрес: aldpetrenko@ukr.net

Проскурякова Дарья Юрьевна — аспирант Орловского государственного университета имени И.С. Тургенева (каф. романской филологии); старший преподаватель кафедры иностранных языков факультета истории и международных отношений Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина. Почтовый адрес: 390000, г. Рязань, ул. Свободы, 46. Тел. 8 952 731-33-45. Электронный адрес: sfinxifai@yandex.ru

Степанов Валентин Николаевич — доктор филологических наук, профессор, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, проректор по управлению знаниями, заведующий кафедрой массовых коммуникаций, вице-президент Международной академии бизнеса и новых технологий (МУБиНТ). Почтовый адрес: 150003, г. Ярославль, ул. Советская, д. 80, каб. 316. Тел.: +7 915 969-90-60. Электронный адрес: stepanov@mubint.ru ; www.mubint.ru

Сулейманова Ольга Аркадьевна — доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой языкознания и переводоведения Института иностранных языков Московского городского педагогического университета, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации. Почтовый адрес (раб.): 105064, г. Москва, Малый Казенный пер., д. 5 Б. Тел. (служ.): 8 (495) 607-38-57. Электронный адрес: olgasoul@rambler.ru

Устинова Елена Сергеевна — кандидат педагогических наук, доцент, кафедра лингвистики и межкультурной коммуникации, заместитель директора Института иностранных языков по науке, руководитель Центра глобального образования Института иностранных языков Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина, почетный работник высшего профессионального образования РФ. Почтовый адрес: 390000, г. Рязань, ул. Свободы, д. 46. Тел. (раб.): 8 (4912) 21-57-23. Электронный адрес: e.ustinova@rsu.edu.ru

Храбскова Данута Михайловна — кандидат филологических наук, доцент, заместитель директора Института иностранной филологии по научно-исследовательской работе, заведующая кафедрой романской и классической филологии Таврической академии (структурное подразделение) Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского». Почтовый адрес (раб.) : 295007, Республика Крым, г. Симферополь, пр. Академика Вернадского, д. 4. Электронный адрес: danuta.simf@yandex.ru

Цзэн Сыи — доктор филологических наук, профессор, научный руководитель аспирантуры (докторантуры) Института филологии Тяньцзиньского педагогического университета, член правления Китайской ассоциации изучения русской литературы и Китайской ассоциации изучения зарубежной литературы. Почтовый адрес: КНР, г. Тяньцзинь, 3003384,округ Нанькай, Биньшуэй Сидао, Чжухуали 1-5-602. Электронный адрес: zengsiyi1962@sina.com

Шань Нина — профессор Института международного образования Чанчуньского университета. Почтовый адрес: КНР, 6543, Вэйсин лу, 130022, г. Чанчунь. Тел.: 13578910251. Электронный адрес: shanyu486@163.com

List of Authors

Gu Yu — Translator (awarded a medal in A. Pushkin's memory by the Ministry of Culture of the Russian Federation in 1999). Professor of the Russian Language Dpt. of Nankai University, Tianjin. Member of the Writers' Union of Tianjin (China) and St. Petersburg (Russia). Postal address: 94 Weijin Road, Nankai Qu, Tianjin, 300071, China. E-mail: nkguyu@126.com

Jioeva, Alecia — Ph. D. (Doctor of Philology, Full Professor), Professor at UNESCO for Global Problems Department, Faculty of Global Studies, Lomonosov Moscow State University. Postal address: 119331, Moscow, Maria Ulyanov Street 31, apt. 19. Tel. (home): 8 (499) 133-96-65; Cell: 8 910 477-16- 08. E-mail: alecia28@yandex.ru

Khrabskova, Danuta — Ph. D. (Philology), Associate Professor, Deputy Director of the Institute of Philology and Foreign Languages for Research, Head of the Chair of Romance and Classical Philology, Tavricheskaya Academy — branch of Crimean Federal University named for V.I. Vernadsky. Postal address: 4 Academician Vernadsky Av., Simferopol, 295007, Republic of Crimea, Russia. E-mail: danuta.simf@yandex.ru

***Kolesnikov,* Andrei** — Ph. D. (Language Teaching Methodology), Associate Professor, Dpt. of Second Foreign Language and Language Teaching Methodology, Institute of Foreign Languages at Ryazan State University named for S.A. Esenin. Postal address: 46, Svobody St., 390000, Ryazan, Russia. Tel.: 8 (4912) 21-57-25. E-mail: kolesnikow@list.ru , a.kolesnikov@rsu.edu.ru

Kolker, Jacob — Ph. D. (Language Teaching Methodology), Professor of Linguistics and Intercultural Communication Dpt., Institute of Foreign Languages, Ryazan State University named for S.A.Esenin, Merited Educator of Tertiary Education of the Russian Federation, Member of the Professional Organization "Union of Russian Writers" (poetry). Postal address: 46 Svobody St., Ryazan, 390000, Russia. Tel.: 8(4912) 21-57-23. E-mail: ya.kolker@rsu.edu.ru

Liu Baiwei — Associate Professor, Hēilóngjiāng University, Harbin. Postal address: 74 Xuefu, Harbin, Hēilóngjiāng Province, China. E-mail: 7116660@qq.com

Novikova, Elina — Ph. D. (Philology), Associate Professor, Dpt. of Translatology and Practical Translation, Volgograd State University; Associate Professor, Dpt. Of Mass Communications, MUBiNT, Yaroslavl'. Postal Address: 100, Universitetsky Prospect, 400062, Volgograd, Russia. Tel.: 8 903 317-88-40. E-mail: nov-elina@yandex.ru

Petrenko, Aleksandr — Ph. D., Doctor of Philology, Professor, Director of the Institute of Philology and Foreign Languages, Head of the Chair of Language Theory, Literature and Sociolinguistics, Tavricheskaya Academy — branch of Crimean Federal University named for V.I. Vernadsky; Academician (Academy of Sciences, Tertiary Education, Ukraine), holder of the Honorary Sign of the Ministry of Education and Science, Ukraine ("For Academic Merit"), Merited Educator of the Autonomous Republic of Crimea. Postal address: 4 Academician Vernadsky Av., Simferopol, 295007, Republic of Crimea, Russia. E-mail: aldpetrenko@ukr.net

Proskuryakova Darya — Postgraduate student at Orel State University named for I.S. Turgenev (Chair of Romance Philology); senior lecturer of at the Foreign Languages Chair (History and International Relations Dpt., Ryazan State University named for S.A. Esenin). Postal address: 390000, Ryazan, Svobody Street, 46. Tel. 8 952 731-33-45. E-mail: sfinxifai@yandex.ru.

Shan Nina — Professor, College of International Education, Changchun University, Changchun. Postal address: 6543, Weixing Road, Changchun, 130022, China. Tel.: 13578910251. E-mail: shanyu486@163.com

Stepanov, Valentin — Ph. D. (Doctor of Philology), Professor, Merited Educator of the Russian Federation, Deputy Rector for Knowledge Management, Head of Dpt. of Mass Communication, Vice-President of International University of Business and New Technologies (MUBiNT). Postal address: 80 Sovetskaya St., Office 116, 150003, Yaroslavl, Russia. Tel.: +7 (4852) 25-66-76. Fax: +7 (4852) 32-09-62. E-mail: stepanov@mubint.ru

Suleimanova, Olga — Ph. D. (Doctor of Philology), Professor, Head of Linguistics and Translatology Dpt., Institute of Foreign Languages, Moscow City Pedagogical University. Postal Address: 5b, Malyi Kazyonnyi Pereulok, 105064, Moscow, Russia. Tel.: 8(495) 6073857. E-mail: olgasoul@rambler.ru

Ustinova, Elena — Ph. D. (Language Teaching Methodology), Associate Professor, Linguistics and Intercultural Communication Dpt., Head of Global Education Centre, Institute of Foreign Languages, Ryazan State University named for S.A. Esenin, Merited Educator of Tertiary Education of the Russian Federation. Postal address: 46 Svobody St., Ryazan, 390000, Russia. Tel.: (4912) 21-57-23. E-mail: e.ustinova@rsu.edu.ru

Wang Jinling — Ph. D. (Doctor of Philology), Professor, Director of the Foreign Languages College, Changchun University; holder of “Changbaishan” award (Best Scholar of Jilin Province). Postal address: 6543, Weixing Road, Changchun, 130022, China. Tel.: 1357 874-05-75. E-mail: elizaveta@163.com

Wang Ning — M. A. (Philology), Associate Professor, College of International Education, Chang- chun University. Postal address: 6543, Weixing Road, Changchun, 130022, China. E-mail: 810823186@qq.com

Zeng Siyi — Ph. D. (Doctor of Philology), Professor, Tianjin Pedagogical University, research adviser to doctoral students, board member of the Chinese Association of Russian Literature Studies, and the Chinese Association of World Literature Studies. Postal address: Tianjin, Nánkāi District, 300384, Bīnshuǐ Xīdào Zhú Huálǐ, 1—5—602, China. E-mail address: zengsiyi1962@sina.com

Требования к публикациям
и правила предоставления рукописей авторами

(The Requirements for publication
are also available in English at: http://fljournal.rsu.edu.ru/en/)

Учредитель — Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина».

Журнал «Иностранные языки в высшей школе» выходит с 2004 года с периодичностью (с 2009 года) — один раз в три месяца.

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору за соблюдением законодательства в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) 23 ноября 2012 года. *Регистрационный номер ПИ № ФС 77-51731.*

Подписной индекс журнала — № 36852 в каталоге «Роспечать».

Журналу присвоен международный стандартный серийный номер (ISSN) 2072-7607.

Журнал с 1 декабря 2015 года ***входит в перечень рецензируемых научных изданий***, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций по филологии (языкознание и литературоведение) на соискание ученой степени кандидата наук и на соискание ученой степени доктора наук.

Журнал, следуя своим традициям, принимает также статьи по методике преподавания иностранных языков при наличии в них серьезной лингвистической составляющей.

Значительное внимание уделяется проблемам теории и практики перевода, в том числе художественного перевода.

Список специальностей научных статей, публикуемых в журнале «Иностранные языки в высшей школе»:

Индекс	*Специальности*	*Науки*
10.02.20	Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание	филологические
10.02.19	Теория языка	филологические
10.02.04	Германские языки	филологические
10.02.05	Романские языки	филологические
10.02.22	Языки народов зарубежных стран Европы, Азии, Африки, аборигенов Америки и Австралии (с указанием конкретного языка или языковой семьи)	филологические
10.01.08	Теория литературы. Текстология	филологические
10.01.03	Литература народов стран зарубежья (с указанием конкретной литературы)	филологические
10.02.01	Русский язык *	филологические
10.02.21	Прикладная и математическая лингвистика	филологические
** Русский язык рассматривается либо как иностранный, либо как материал для сопоставительного исследования.*		

В журнале публикуются статьи российских и зарубежных авторов на русском языке или на английском как языке межнационального общения. В порядке исключения возможна публикация на других ведущих европейских языках — немецком или французском.

Условия и порядок приема публикаций:

1. Редакционный совет принимает к публикации статьи, отличающиеся высокой степенью научной новизны, теоретической и практической значимости и соответствующие тематике журнала. Научные статьи направляются на независимую экспертизу членам редколлегии и при положительном заключении, являющемся основанием для публикации, включаются в очередной номер журнала в порядке поступления.

2. Авторами статей могут быть ученые-исследователи, докторанты, аспиранты, соискатели.

3. Для аспирантов и соискателей кандидатских диссертаций обязательно наличие отзыва научного руководителя.

4. Стоимость одной страницы публикации (шрифт 14 Times New Roman, 1,5 интервала) в 2017 году остается прежней — 400 рублей. Для очных аспирантов (граждан РФ) публикация бесплатна.

5. Статьи должны быть оформлены в строгом соответствии с техническими требованиями.

6. Окончательное решение о приеме научной статьи к публикации принимается редакционным советом журнала «Иностранные языки в высшей школе». Извещение о решении редакционной коллегии направляется автору.

Требования к оформлению статей:

Статьи присылаются по электронной почте на адрес e.ustinova@rsu.edu.ru (с копией по адресам e.ustinova.rsu@gmail.com и fljournal@rsu.edu.ru). Отзыв научного руководителя (для аспирантов и соискателей) присылается по почтовому адресу: 390000, Рязань, ул. Свободы, д. 46, Рязанский государственный университет, Институт иностранных языков, Устиновой Елене Сергеевне. Электронный вариант отзыва научного руководителя присылается вместе со статьей как приложение в формате, воспроизводящем подпись и печать.

Объем статьи с учетом информативности текста может варьироваться от 6–7 до 20–24 страниц в 1,5 интервала при шрифте 14 Times New Roman. Редакционный совет оставляет за собой право сокращать статью (по согласованию с автором) или рекомендовать автору расширить статью.

Статья сопровождается заголовком, развернутым шифром УДК, аннотацией и списком ключевых слов на русском языке, а также заголовком, аннотацией и списком ключевых слов на английском языке (независимо от языка статьи).

Объем аннотации — 100–250 слов. Аннотация на английском языке на русскоязычную статью должна быть подробнее аннотации на русском языке, так как для читателей, не владеющих русским языком, это единственный источник информации. Аннотации должны отражать цель исследования, его новизну, суть авторского видения проблемы, основные положения, выдвигаемые автором, и результаты.

Рекомендуется деление статьи на основные части с помощью подзаголовков.

Приветствуется наличие ссылок на иноязычные публикации зарубежных исследователей.

При ссылках на электронные ресурсы следует указывать дату обращения. Ссылки на Википедию недопустимы.

Оформление списка использованной литературы на русском языке:

Книги (монографии, диссертации, учебные пособия):

Гальскова, Н.Д. Теория обучения иностранному языку. Лингводидактика и методика [Текст] : учеб. пособие / Н.Д. Гальскова, Н.И. Гез. — 3-е изд., стер. — М. : Академия, 2006. — 336 с.

Статьи:

Карасик, В.И. Интерпретация дискурса: топик, формат, модус [Текст] // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. — 2015. — № 1 (96). — С. 73–79.

на английском языке (References):

Книги (монографии, диссертации, учебные пособия):

1. Blokh, M.Y. (2008). *Teoreticheskaya grammatika angliyskogo yazyka* [Theoretical Grammar of the English Language]. Moscow : Vysshaya shkola, 421 p.

2. Lakoff, G., Johnson M. (2003). *Metaphors we live by*. University of Chicago Press, 191 p.

Статьи:

1. Stepanov, V., Ukhova, P. (2016). The Evaluative Potential of French Student Slang. *Inostrannye yazyki v vysshei shkole* [Foreign Languages in Tertiary Education], N 4, pp. 17–24.

Название всей книги (монографии, журнала) выделяется курсивом.

Подстрочные ссылки выполняются автоматически (алгоритм: «*вставка — ссылка — сноска — продолжить — применить ко всему документу — вставить*») и оформляются с продолжающейся нумерацией. Маркер сноски — арабская цифра. Кегль подстрочной сноски 10, шрифт Times New Roman.

Не допускаются ручные переносы.

Сведения об авторах (на русском и английском языках):

- фамилия, имя, отчество автора (полностью; буква «ё» не должна заменяться на «е»);
- ученая степень, звание, должность и место работы (с точным, официальным названием кафедры и вуза);
- информация о месте учебы аспиранта либо соискательства автора (кафедра, вуз);
- отрасль науки и специальность предполагаемой защиты;
- наличие правительственных званий, относящихся к профессии (например, заслуженный работник высшей школы РФ);
- приблизительное количество научных публикаций: монографий, учебно-методических пособий, статей;
- адрес с почтовым индексом, все возможные средства связи, удобные для быстрого согласования правки (служебный, домашний, мобильный телефоны, факс, e-mail); отдельно укажите адрес и телефон, которые будут опубликованы в журнале, и адрес и телефон, которые будут использоваться только для связи и отсылки авторского экземпляра.
- основные направления научных исследований.

Направляя статью для публикации в журнале «Иностранные языки в высшей школе», автор тем самым изъявляет согласие на ее размещение на сайте РГУ имени С.А. Есенина, а также в Российской электронной библиотеке на условиях открытого бесплатного полнотекстового доступа через шесть месяцев после публикации статьи и размещения метаданных в НЭБ.

Электронные адреса и контактный телефон: (4912) 21-57-23, (4912) 97 15 15 (доб. 1030)
e.ustinova@rsu.edu.ru; fljournal@rsu.edu.ru

Иностранные языки в высшей школе

Научный журнал

Выпуск 1 (40)

2017

Главный редактор
Колкер Яков Моисеевич

Редакторы иностранного текста:
Е.С. Устинова (английский язык)
Е.В. Игнатова (немецкий язык)
Ван Цзиньлин (китайский язык)
Н.К. Костина (французский язык)

Редактор Т.Н. Свитнева
Технический редактор Д.А. Филатов

Дата выхода в свет 24.03.2017. Цена свободная.
Поз. № 04. Заказ № 75. Гарнитура Times New Roman, SimSun.
Бумага офсетная. Печать цифровая. Формат 60x84 1/8.
Усл. печ. л. 15,34. Уч.-изд. л. 12,5. Тираж 250 экз.

Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина»

Адрес издателя:
390000, г. Рязань, ул. Свободы, 46

Адрес типографии:
Редакционно-издательский центр РГУ имени С.А. Есенина
390000, г. Рязань, ул. Ленина, 20а